

МОДА НА ВОЛШЕБСТВО

Ева для
Циквизитора

ЕКАТЕРИНА ВАСИНА

Annotation

Очень плохо, если тебе разбили сердце.

Совсем плохо, если ты до сих пор не можешь с этим смириться и хочешь отомстить.

Безумно плохо, если по твоему следу пускают Инквизитора, которого ты так и не смогла забыть.

Я преступница? Хищница, которая потеряла голову от власти? Нет, просто женщина, мечтающая все расставить по своим местам. Я люблю и ненавижу того, кто изменил мою жизнь, а потом велел все забыть. Увы, я советов не послушалась.

- [Екатерина Васина](#)
    - [Глава первая](#)
    - [Глава вторая](#)
    - [Глава третья](#)
    - [Глава четвертая](#)
    - [Глава пятая](#)
    - [Глава шестая](#)
    - [Глава седьмая](#)
    - [Глава восьмая](#)
    - [Глава девятая](#)
    - [Глава десятая](#)
    - [Глава одиннадцатая](#)
    - [Глава двенадцатая](#)
    - [Глава тринадцатая](#)
    - [Глава четырнадцатая](#)
    - [Глава пятнадцатая](#)
    - [Глава шестнадцатая](#)
    - [Глава семнадцатая](#)
    - [Глава восемнадцатая](#)
    - [Глава девятнадцатая](#)
    - [Эпилог](#)
-

Екатерина Васина
ЕВА ДЛІА ИНКВИЗИТОРА

Глава первая

— Мадам...

Незнакомый голос, ворвавшийся в сон, заставил меня вскинуться и открыть глаза. Сердце бешено забило где-то в животе, а дыхание участилось.

Нет, это лишь стюардесса.

— Мадам, пристегните ремень, пожалуйста, мы заходим на посадку.

Кивнув, я торопливо пристегнулась и откинулась на спинку сиденья. Мысленно обозвала себя истеричкой. Не женских голосов мне надо бояться, ох не женских.

Пару раз глубоко вдохнула, приводя себя в чувство. Короткий сон не принес облегчения: голова была тяжелой и слегка гудела. Больше суток перелетов — это просто изощренная пытка.

Господи, ну за что мне все это?

«Сама влезла, — сообщил внутренний голос, — вот теперь и не жалуйся. Могла бы сидеть сейчас дома, клепать сайты, а по вечерам тусить с подругами в барах. И жаловаться на мужиков-козлов».

Отличная альтернатива тому, что происходит сейчас, да. Я посмотрела на пейзаж за окном. Самолет уже приземлился и все медленнее ехал в сторону одноэтажного и довольно длинного здания аэропорта. Кажется, самого маленького из всех, что я успела повидать. Кроме редких строений вокруг да желтой свалывшейся травы, ничего не было видно. Ну и, конечно, горы вокруг.

Соседи радостно болтали между собой. Я же продолжала смотреть в иллюминатор и чувствовала, как начинают холодеть пальцы. От волнения и страха. За год я так и не привыкла к этому состоянию.

Год... даже не верится, что прошел год с момента «знакомства» с первой вещью Дамаль. Одна из них сейчас была на мне. Изящная шляпка конца девятнадцатого века, темно-коричневого цвета, с круглыми полями и отделанная бежевым кружевом. С самым простым узором. Такая старомодная вещь довольно странно смотрелась с джинсами и обычной темно-красной курткой. Но самое странное: никто не обращал внимания. Seriously. Я бы как минимум обернулась на подобное зрелище, несмотря на то, что привыкла к разным выкрутасам в одежде людей вокруг.

На самом деле, стоило шляпке оказаться на голове, как люди переставали видеть ее настоящий вид. Я не понимала, как это работает.

Запомнила лишь одно: когда эта вещь на мне, ее облик и мой меняются. Я не знаю, какой меня видят люди. Они скользят взглядом и словно мимолетно забывают обо мне.

Катманду встретил резким холодным ветром и ярким солнцем. Повыше подняв воротник куртки, я поспешила вместе с остальными пассажирами в относительно теплое помещение аэропорта, где пахло непонятными специями, было тихо и немного душно. И понеслось. Таможенный осмотр, получение визы, паспортный контроль, получение багажа. К моему удивлению, все прошло довольно быстро, и вскоре я ехала на такси мимо невысоких домов, храмов и статуй. От усталости пронесившийся мимо пейзаж запомнился крайне смутно. В отель на узкой туристической улочке с кучей магазинчиков, баров и дешевых хостелов я заселялась как в тумане. Убедилась, что небольшой светлый номер с узкой кроватью чистый, разделась, приняла душ и уснула почти моментально.

Вечером мне предстояло встретиться с очередной владелицей вещей.

* * *

— Хан, не уходи, не оставляй меня! Пожалуйста! Не уходи!

— Ева, не усложняй.

— Не бросай меня!

Из глаз льются слезы, обжигают кожу так, что дыхание перехватывает от боли. Или от понимания, что он уходит. Навсегда.

— Ты мне не нужна. — Злые, холодные слова бьют наотмашь. — Отстань!

И звук захлопнувшейся двери, как окончательная точка в этом сюжете жизни.

Сигнал будильника вырвал меня из кошмара, оставив со слезами на щеках и бешено стучавшим сердцем. Нет, вот зря я пренебрегала советами бабули по поводу всяких методик расслабления. Надо как-то брать себя в руки, а то вскоре стану похожа на изношенную машину. Которой прямой путь на свалку.

Кое-как села и оглядела комнату: небольшую, с простой мебелью и выкрашенными ярко-синим стенами. За окном, судя по хлопающей полуоторванной рекламе на соседнем доме, разыгрался настоящий ураган. В такую погоду следует залезть под одеяло и не высовываться без лишней необходимости. Ну и чаю побольше горячего. Или какао.

Вместо этого пришлось вставать и идти принимать душ в ванной

комнате, где узкое длинное окно закрывалось пожелтевшими от времени жалюзи. Оттуда, завернувшись в полотенце, я вернулась обратно в комнату и открыла рюкзак.

Вещей с собой я всегда брала по минимуму. Во-первых, таскаться с огромным чемоданом банально неудобно, во-вторых, в случае чего убежать с рюкзаком проще. Да-да, я не считала себя мегакрутой супергероиней и понимала: моя безопасность крайне ненадежная вещь. Малейший просчет — и все полетит в тартарары.

На заправленную кровать я выложила все вещи Дамаль и замерла над ними, испытывая противоположные чувства: ненависть и притяжение. Порой казалось, что вещи обладали своеобразным интеллектом и отвечали мне взаимностью. Или же я просто уже начала сходить с ума.

Итак, сейчас у меня на руках были: лиф-чехол без рукавов и с круглым вырезом, узкие перчатки до локтей, шляпка и нижняя юбка из плотной бежевой ткани. На всех вещах красовались одинаковые кружева: простые и без изысков.

— Давайте, зайки, — пробормотала я, разматывая полотенце. — Нам придется сегодня сходить в гости к одной милой женщине и постараться выкупить вам друзей. Будем надеяться, что все пройдет как обычно — хорошо.

Всего, если верить записям, вещей было девять. Я планировала собрать их все. И уничтожить Орден. Ну или по крайней мере сильно ему нагадить. За то, что какая-то кучка шовинистических уродов возомнила, что вправе решать — кому жить, а кому умирать. За то, что они так хорошо промыли мозги своим адептам. За то... за то, что мое сердце до сих пор не желало склеиваться.

Но сейчас не об этом. Сейчас предстоит не рыдать над своей разбитой личной жизнью, а заниматься более важными проблемами. Порыдаю же я потом, сидя в дорогом ресторане и напиваясь коллекционным вином. Если, конечно, меня прежде не поймают.

Интересно, а Хан сможет меня допрашивать?

Тут я не выдержала и сама себе отвесила мысленный подзатыльник. Такие мысли были ни к чему перед встречей. Нет, я не суеверная, но... но лучше не вспоминать Орден, когда дело касается вещей.

Спустя полчаса я вышла из отеля и сразу же окунулась в бешеный водоворот туристов. Их в этом районе было просто немыслимое количество. Я едва не потерялась в суматохе, кое-как, по навигатору, выбралась в более тихое место и огляделась. Обычные узкие улочки, невысокие дома, куча рекламных плакатов, какие-то магазинчики. Я

сверилась с навигатором и довольно присвистнула: идти предстояло не так далеко. Главное, в юбке не запутаться, вышагивая по довольно разбитой мостовой. Пришлось надеть длинную теплую юбку, чтобы спрятать под ней нижнюю. Плюс шляпка, надежно маскирующая внешность, перчатки. Лиф я надевать не стала, но взяла его с собой в крохотном рюкзачке. Не стоит оставлять вещи без присмотра.

Чертова юбка мешала сосредоточиться. Так что мне приходилось силой воли удерживать рабочий настрой.

Минут через десять я стояла перед входом в четырехэтажное длинное здание желто-красного цвета. Какие-то провода, листовки еще куча всего красовались на нем. Я еще раз сверилась с адресом и вошла в подъезд.

Владелицу корсажа звали Орджас, и она оказалась совсем молодой девушкой. Лет восемнадцать, не больше. Под длинным темно-зеленым платьем из тонкой шерсти отчетливо проступал живот. Месяц седьмой навскидку.

Мы чуть настороженно уставились друг на друга. Затем я торопливо сняла шляпку и молча продемонстрировала кружево на ней.

— Вы... — облегченно выдохнула девушка. — Заходите.

По-английски она говорила довольно чисто, с небольшим акцентом.

Квартира оказалась крошечной, но уютно обставленной. Мне лично напомнило гнездо яркой птички, которая украшает его всякими мелочами.

Орджас потащила меня в дальнюю комнату, заваленную какими-то тканями, нитками и лекалами.

— Шью на заказ, — объяснила чуть нервно. — У мужа с работой не очень, вот подрабатываю.

Она отыскала в пестрой куче бледно-розовый корсаж, отделанный кружевами. И сунула мне в руки.

— Заберите его. Он мне достался от бабушки, она говорила, что он придает смелость и стойкость, но мне такое ни к чему. Она мне сказала, что за все придется платить. Бабушка за пользование этой мерзостью заплатила больным позвоночником, ее парализовало десять лет назад. Не хочу портить здоровье, мне детей рожать и растить.

— Вы совершенно правы, Орджас, — с чувством проговорила я, забирая вещь. — И еще. Если вдруг, когда-нибудь, вам попадется одна из этих штучек, то выкидывайте ее, уничтожайте. Но не вывешивайте на продажу, как сделали с корсажем. Повезло, что вас нашла я, а не... другие люди.

Девушка побледнела и коснулась своего живота.

— Меня могли убить?

— Вряд ли, но все же больше так не рискуйте.

— Мне ведь звонили, — перепуганно забормотала Орджас. — Мужчина... Такой вежливый, хотел купить вещь, но я сказала, что за ней уже едут.

Холодок прошелся по спине, коснулся затылка. Словно кто-то невидимый дунул ледяным дыханием.

Пора было уезжать отсюда как можно скорее. Внутри тревожно звякнул звоночек...

И словно в ответ ему раздался стук в дверь. Громкий и резкий. Такой, что мы с Орджас вздрогнули и с ужасом посмотрели друг на друга.

— Вы кого-то ждете?

Девушка покачала головой и прошептала:

— Все, кто может прийти, на работе.

Стук повторился, потом голос, от которого у меня дернулось сердце, проговорил что-то на непонятном языке. Но, судя по круглым глазам Орджас, она все прекрасно поняла.

Господи, это Хан?!

Я машинально надела шляпу и приложила палец к губам. Мол, ни звука. Оставалась надежда, что незваный гость уберется подальше.

Да убирайся ты уже! В тартарары!..

Стук повторился... затем еще. А потом — тут уже сердце с воем рухнуло в пятки — послышался характерный щелчок открываемого замка. Отлично! Наш милый Инквизитор еще и не гнушается взломом дверей.

Пора было отступить. Орджас-то, скорее всего, ничего не угрожало, а вот мне...

Я огляделась. М-да, путь один: через окно третьего этажа. Которое оказалось наглухо закрыто. Причем еще и заедало.

А шаги в квартире между тем приближались к нашей комнате. В панике я так рванула створку, что она жалобно крякнула, стекло звякнуло, но окно наконец открылось.

И вот теперь я поняла, что чувствуют крутые шпионки из боевиков. Мне предстояло прыгать с третьего этажа. Кажется, Орджас это тоже поняла и взвизгнула:

— Вы разобьетесь!

И тут же в комнату вихрем ворвался Хан. Секундная пауза, в течение которой мы с ним уставились друг на друга. Я, замершая на подоконнике, в длинной нелепой юбке и толстой куртке, и он — такой же нереально харизматичный, одетый легко и удобно, с чуть растрепанными черными волосами. Машинально отметила, что они стали чуть длиннее.

А потом я сделала то, о чем мечтала почти год. Со вкусом продемонстрировала Хану выставленный средний палец, после чего спокойно шагнула за окно.

* * *

За десять лет работы «в поле» Хан Зегерс сталкивался со многими вещами. Но владелицы-самоубийцы ему еще не попадались. А эта стерва, мало того что показала ему оскорбительный жест, так еще и в окно сиганула. От неожиданности он замешкался, затем кинулся за ней, перегнулся через подоконник. Нет, слишком высокий третий этаж, а внизу асфальт. Он не супермен, чтобы так рисковать.

А стерва выжила. Хан сначала аж глазам не поверил, а потом дошло: без помощи «скверны» тут не обошлось. Он в сердцах выругался, глядя, как незнакомка поднимается и несется куда-то в паутину улиц. Судя по скорости, она вообще не пострадала.

Vae!

Вот дрянь! И унесла с собой еще одну вещь. Хан треснул кулаком по подоконнику и заставил себя успокоиться. Ничего, найдут мерзавку. От Ордена еще никто не уходил. Рано или поздно попадетсЯ. И лично ему ответит за оскорбление.

Он обернулся и уставился на хозяйку квартиры. Та явно находилась в полуобмороке и лишь моргала, забившись в угол дивана. Ну молодец, правильно рассудила: начнешь визжать — еще прикончат.

— Matrem tuam, — процедил сквозь зубы. — Леди, предлагаю нашу встречу забыть.

Девчонка закивала и посильнее ухватила за выступающий живот. Ну вот только ему не хватало роды спровоцировать.

— Дыши глубже, — приказал более спокойным тоном, — я беременных не трогаю. Скажи просто: как зовут твою гостью? Откуда она?

— Она представилась как Джин. Не знаю откуда, мы по электронной почте списывались.

— Давай адрес, — приказал Хан. Он записал электронную почту, хотя подозревал, что это может быть напрасно. Если ему попалась опытная Хищница, то электронка одноразовая и оформлена так, что не выйти на хозяйку.

— Что еще она говорила?

Девчонка вроде немного успокоилась, поняв, что убивать ее не

собираются. И уже не так сжималась.

— Ну... просила больше такие вещи, если попадутся, не выставлять на продажу, а уничтожать или выбрасывать.

Уничтожать? Хан решил, что ослышался. Чтобы кто-то из владелиц, да еще владеющих явно не одной «скверной», сказанул такое!

Пока что на его памяти только одна женщина была совсем не против уничтожить попавшую ей в руки «скверну». Но она осталась за тысячи километров. Хотя каждый день незримо присутствовала рядом. И это раздражало и выводило из привычного, чуть циничного равновесия.

— Не ошиблась? — переспросил он. — Именно выбросить или уничтожить?

— Да, — кивнула девчонка, — иначе ко мне кто-то придет и будет очень плохо.

— Верно подметила, — задумчиво протянул Хан, — «плохо» — это мягко сказано. А она не просила позвонить ей, если у тебя появится подобная вещь?

— Нет. Предупреждала никому не говорить и избавиться от нее. Это все, честно!

Хан ей верил. Девчонка не пыталась выгородить покупательницу, а всего лишь старалась поскорее избавиться от него. Явно чувствуя угрозу для ребенка и для нее самой. Не прощаясь, развернулся и быстро вышел, снедаемый сомнениями и вопросами.

А ведь он просто приехал сюда, чтобы поинтересоваться, не купили ли вещь, а если купили, то кто. Решил, что в квартире никого нет, и влез, чтобы обыскать. Обычная практика в Ордене. И вдруг такой нежданчик.

На улице резкий ветер то и дело врывается в узкие улицы, пытался сорвать рекламу и залезал под одежду. Застегнув куртку, Хан поймал такси и поспешил в аэропорт. Камеры, вот что ему надо, и как можно скорее. Вряд ли стерва прилетела сюда давно.

Но эти ее слова... Они все не давали Хану покоя. Он смотрел на улицы за окном автомобиля и хмурился все сильнее. Память вновь и вновь возвращала его к Еве. К ее явному отвращению, когда она рассказывала про платок. Хан знал, что некоторые владелицы слабее других подвержены влиянию «скверны», но такого вот еще не встречал. На Еву вещи словно вообще не влияли.

Хотя, возможно, просто она особо и не пользовалась платком.

В аэропорт Хан заходил уже переполненный подозрениями. И при этом старательно гнал их от себя.

Связи Ордена позволили ему беспрепятственно получить доступ к

видеокамерам. Небольшая комната и двое помощников, которые явно не понимали, как он собирается искать человека, которого даже не знает в лицо.

«Зато, — мрачно подумал Хан, — я знаю шляпу. И хочу проверить еще кое-что».

Он едва ли не впервые в жизни надеялся, что ошибается. Господи, пожалуйста, пусть это будет ошибка.

Для начала решил просмотреть записи последних двух дней. Если это Хищница, то она не должна была тут задерживаться. Если не дура, конечно. Впрочем, дур инквизиция выявляла очень быстро.

Спустя три часа голова у Хана раскалывалась, а в глазах рябило от людей. Они его уже бесили. Шляпы пока не было видно, да и не факт, что стерва носила ее постоянно. Что же касается второго подозрения, то Хан все больше ощущал себя дураком. Не искал ли он среди пассажиров Еву лишь потому, что хотел найти? И одновременно желал, чтобы ее здесь не оказалось.

— Donnerwetter! — рявкнул вдруг так, что помощники вздрогнули. — Останови! Так, отмотай назад... стоп! Увеличь картинку.

Качество записи было так себе, если честно. Лица на пиксели не расплывались, но и четкими назвать сложно.

Но Хан увидел. И узнал. И почувствовал, как волосы на голове приподнимаются.

«Зачем? — тоскливо простонало что-то внутри. — Ева, зачем?!»

Да, он ее узнал. И дурацкую шляпу, абсолютно не идущую к остальному наряду, тоже. Не знали владелицы вещей, что на видеокамерах эффект этой «скверны» исчезает. И Ева не знала.

Он мысленно прикинул, сколько у нее может быть вещей. Шляпа, плюс корсаж, полученный от девчонки, плюс явно что-то еще. И это в лучшем случае.

Три вещи... Хан испытывал острое желание сначала постучаться лбом о стену, а потом долго ругаться. Как? И главное — зачем? Он же просил ее не приближаться к вещам, умолял практически. Да и Ева производила впечатление здравомыслящей женщины. Неужели он ошибся, и «скверна» все же захватила ее душу?

— Вы увидели что хотели? — вежливо спросил один из помощников.

— Да, — глухим голосом откликнулся Хан, — увидел. Благодарю.

Лучше бы не видел, честное слово.

Он как в тумане вышел из помещения, попал в шумный зал аэропорта и невидяще уставился на людей вокруг.

«Ева, никогда больше не имей дело с этими вещами. Иначе наша следующая встреча будет не самой радостной».

Хан потер лоб. Почему же Ева решилась на такое? И эти ее слова насчет уничтожения вещей. Обычная Хищница попросила бы связаться с ней, пообещала бы золотые горы. А такие слова... или это игра? Может, Ева сказала их специально, если вдруг девчонку стали бы расспрашивать о ней.

А если... Тут Хан вскинул голову, ошарашенный совершенно безумной догадкой. Если Ева специально начала собирать вещи, чтобы привлечь его внимание? Но это же глупо! Членов Ордена очень много, и ее действия могли привлечь кого угодно. Не обязательно, что его.

Хан с усилием потер лицо, тряхнул головой. Зачем гадать, если можно спросить напрямую. Ева сейчас побоится оставаться в Катманду, постарается уехать отсюда. А точнее — улететь.

Или уже улетела?

Снова пришлось возвращаться и проверять камеры. А вскоре Хан опять не удержался и выругался: Ева была замечена в аэропорту час назад. Птичка выпорхнула из клетки.

Хан бросился выяснять, в какой именно зоне она находилась. Но пока узнал, пока примчался, было уже поздно. Ева вылетела в Калькутту.

Глава вторая

Знаете, прыгать с третьего этажа — малоприятное занятие. Даже если вас страшит одна из вещей Дамаль. А именно — нижняя юбка. Она затормозила и смягчила падение, но все равно я ударилась локтем и коленями. Но боль сейчас показалась самой меньшей проблемой. Не оглядываясь, но буквально спиной чувствуя злой взгляд Хана, я вскочила и помчалась в сеть переулков. Организм, перенасыщенный адреналином, орал: «Скорее, скорее! Опасность!» — чем подгонял еще сильнее.

Попастся в руки члену Ордена, даже если он бывший любовник, — нет, такое в мои планы не входило.

Конечно, Хан следом прыгать не стал. Он тренированный мужчина, но не супергерой. Я бежала, пока окончательно не выбилась из сил, после чего прислонилась к каменной стене какого-то здания и попыталась отдышаться. Сердце бешено колотилось где-то в горле, а перед глазами все еще стояло лицо Хана: сосредоточенное и... чужое.

Очень хорошо, что он меня не узнал. Я сумела увидеть, как он выглядит, когда не притворяется влюбленным. Злой, сосредоточенный и холодный.

Настоящий Инквизитор...

Я выпрямилась и сделала глубокий вдох. Что-то в глазах вдруг зашипало. Не вовремя. Почти год я старательно вытравливала образ Хана из сердца и мыслей, а вот теперь увидела на мгновение — и снова все внутри ноет.

«Ноет, да? Вот поймает он тебя, и тогда болеть будет не только душа. Ноги в руки — и мчись в аэропорт. У тебя пока есть фора».

После спонтанного быстрого бега ноги казались тяжелыми, хотелось сесть и посидеть, отдохнуть. Вместо этого я быстро поспешила, сверяясь с навигатором, в сторону оживленных улиц. Где можно взять такси.

Шляпа. Меня спасла шляпа. Пока Хан не знает, кого искать, так что надо поскорее уматывать из города. Я вспомнила, что в отеле остались зубная щетка, паста и расческа, но махнула рукой. Куплю новые.

Вот поэтому я путешествую налегке, а не с возом чемоданов.

В аэропорт я постаралась входить, не слишком явно оглядываясь. Вроде все тихо. То есть шумно, конечно, но никто не спешил на меня бросаться.

Удирать надо было первым ближайшим рейсом. Им оказался самолет в

Калькутту. И вылетал он буквально через пару часов. Чудом удалось купить билет, пройти контроль, и вскоре я уже была в накопителе.

Но выдохнула, лишь когда самолет взлетел. Прижалась лбом к иллюминатору и до боли прикусила губу, глядя, как земля все быстрее уходит вниз. Все, теперь можно немного расслабиться и переварить случившееся.

Весь салон был забит пассажирами в традиционных индийских нарядах. Только я да еще несколько человек выделялись из общей массы. Лететь предстояло примерно полтора часа. Я откинулась на спинку сиденья и поняла, что с трудом сдерживаю нервный смех. Нет уж, лучше сдержаться. Не хотелось путать соседей: пожилую индийскую пару.

Господи, какими путями мы вообще ухитрились пересечься с Ханом? Почему именно он? Я ведь год училась его ненавидеть. За то, что впервые в жизни тогда унизилась. Рыдала и умоляла не уходить. А меня просто отшвырнули, как использованную резиновую куклу.

Ненавижу!

Происшествие напомнило мне, насколько сейчас моя безопасность висит на нитке. Вот не надела бы я шляпу, и все — наверняка уже моя физиономия была у всех членов Ордена. И началась бы «охота на волков».

А пока рано, я не настолько сильна, чтобы противостоять им всем.

Но одного Инквизитора точно обведу вокруг пальца.

А внутри все равно не желала утихать тревога. Вроде все прошло почти гладко, узнать меня не должны были, да и Орджас я представилась совершенно другим именем. Плюс билет куплен на один из фальшивых паспортов.

Да, да, у меня их сейчас три. На всякий случай. Каждый раз, вспоминая, сколько я за них отдала, хотелось ругаться. Но другого выхода нет. Путешествовать со своим паспортом — это все равно что махать Ордену рукой и игриво кричать: «Я тут, противный».

Аэропорт неподалеку от Калькутты оказался большим и вполне современным: светлым, чистым, полным гула и рекламы. Первое, что я сделала, зашла в туалет и переоделась. Юбку оставила, а вот куртку сняла и запихала в рюкзак. Здесь было гораздо теплее, чем в Катманду, да и налегке передвигаться проще.

Дальше я решила поездом доехать до Дели, а оттуда выбираться во Францию. Там, по заверениям Абби, можно найти хорошую информацию насчет изначальной природы вещей Дамаль. И про их возможности.

Главное — достать билет на поезд. Я уже была наслышана о том, что поезда в Индии — та еще «прелесть». Но вроде для иностранных туристов

есть специальная квота, по которой можно выкупить билеты. Вот и проверим. Благо пока деньги есть.

Быстрой походкой перемещаясь к выходу из аэропорта, я незаметно оглядывала людей вокруг. Но ко мне никто не рвался бежать, да и шляпа защищала.

Тревога внутри продолжала давить, хотя я была почти уверена, что Хан сейчас, скорее всего, ищет Хищницу в Катманду. Ну удачи ему, чего уж.

Уже садясь в потрепанное ярко-желтое такси, я вдруг заметила кое-что. Две машины подлетели ко входу в международный терминал, а оттуда вышли двое мужчин. Вроде индусы как индусы, а внутри вдруг кольнул страх. Да такой, что я торопливо нырнула в салон машины и затаилась. Не удержалась и обернулась: мужчины заходили в здание аэропорта, и что-то такое было в их походке, отчего мороз прошел по коже.

Нет, я просто уже стала параноиком с этими поисками. Меня нельзя узнать! Хан не мог вычислить, куда я отправлюсь. Я сделала пару глубоких вдохов и постаралась не паниковать. Все хорошо, все хорошо.

* * *

Хан с трудом удержался, чтобы не высказать все, что он думал. Да, проблема Ордена в том, что его связи в азиатских странах не так сильны, как хотелось бы. Все дело в менталитете. Но они работают над этим. Хотя вот именно сейчас он готов был придушить братьев за их тупость и нерасторопность. Ведь сказал же, как найти, выслал фото, велел смотреть на прилетевших пассажиров через видеокамеру или фотоаппарат. В итоге Ева упорхнула, и ее следы затерялись.

Хан прошелся по номеру отеля. Ее номеру. С размаху сел на постель и на мгновение закрыл глаза, глубоко втянул прохладный воздух. Ему показалось, что в помещении до сих пор пахнет духами: свежими, с цитрусовыми нотками. Именно такими Ева пользовалась, когда они познакомились в Канаде.

Тема была запретной и опасной.

Хан мотнул головой, резко встал. Номер он уже обыскал, но ничего интересного не нашел. Хотя что удивительного. Он уже давно понял: Ева из тех, кто ответственно относится к любому делу. Сейчас, например, она, видимо, решила собрать все артефакты. Зачем? Ответ напрашивался сам собой, если бы речь шла о какой-нибудь другой «одержимой». Все они рано

или поздно сходили с ума и хотели как можно больше силы и власти. Вот тогда-то их и ловили, ибо Хищницы, потерявшие осторожность, легкая добыча.

Но в случае Евы Хан сомневался. Сильно сомневался. Она явно преследовала какую-то цель. И очень хотелось узнать, какую именно.

Он распахнул чуть скрипучие створки, позволяя осеннему ветру ворваться в номер. Чтобы запах духов выветрился из комнаты и из его памяти. Оперся руками о подоконник и задумался. Еве не известно, что он ее узнал.

Исход их встречи можно было предсказать. Хан одними губами пробормотал ругательства. Правила Ордена обязывали его сообщить все одному из Магистров, получить право вызвать Палача и отправиться на поиски Хищницы.

Так велели Правила. Но мозг и сердце, едва ли не впервые объединившись, нашептывали поступить немного по-другому.

Для начала узнать, куда она направляется. И выяснить цель.

Как найти человека, который желает буквально раствориться в Индии? Да, проблема. Тут Хан ощутил злой азарт. Ева бросала ему вызов, сама того не подозревая. Этот выставленный средний палец в момент их встречи — то есть о нем она была не самого лучшего мнения.

«Ты сам этого хотел. Чтобы она перестала о тебе думать. Ты сам разорвал отношения, которые ни к чему бы не привели. Вспомни Богдана, как он мучился. Как все закончилось».

Для начала — камеры. Хан набрал номер Армаса — программиста Ордена. Они уже несколько лет работали в команде и отлично ладили. Армас виртуозно обращался с компьютерной техникой и к тому же был великолепным хакером. Правда, после аварии оказался прикованным к инвалидному креслу. Но это не помешало ему жениться и завести троих детей. Все мальчики, что весьма поощрялось Орденом.

— Приветствую брата.

— Взаимно, — ответил Армас чуть сонно. Члены Ордена всегда были на страже порядка и защиты мира от коварной женской сущности.

— У нас проблема, — проговорил Хан, присаживаясь на край подоконника. На улице ветер гонял обрывки бумаги, где-то монотонно лаяла собака.

— Говори.

— Необходимо найти человека, который решил затеряться в Индии. Женщину. Вышла из аэропорта неподалеку от Калькутты. Надо выяснить, каким путем она покинула город.

— Уверен, что покинула?

— Хороший вопрос, — вздохнул Хан. — Нет, не уверен. Но девяносто процентов, что она все же решила замести следы.

— Фото пришли на почту. Ты сам где?

— Я вылетаю в Калькутту ближайшим рейсом. Пока что в Катманду. Погода отвратительная.

— Зато у нас жара, — вздохнул Армас, проживающий в Израиле. — Ладно, буду проверять по своим каналам. А ты там тоже не зевай.

Хан не зевал, он очень хотел, прямо жаждал добраться до Евы, встряхнуть ее за плечи и спросить: какого она творит?

Мобильник ожил, едва закончился разговор с Армасом. Звонил Богдан. Прямо как почувствовал, что его вспомнили.

— Последние новости слышал? — спросил, не здороваясь.

— Просвети, — коротко ответил Хан. Что-то в последнее время странное творилось с его другом. Инквизитор не мог точно описать свои ощущения. С виду все как всегда, но что-то изменилось.

Впрочем, возможно, Богдан просто устал.

— Магистры в бешенстве.

— О как...

— Отец занят по уши, просил передать тебе, чтобы ты срочно летел в Рим. Все братья собираются там.

— Что случилось?

Последний раз в Риме Хан был лет пять назад.

— Все по прибытии. Потом расскажешь. Я все еще в России, и пока неизвестно, когда освобожусь. Кстати...

— Что?

— Может, он все же решил тебя женить, — серьезным тоном сообщил Богдан и сбросил связь, не прощаясь.

— *Podex perfectus es*, — проговорил Хан, понимая, что ему порушили все планы по поимке Евы. Ослушаться и не явиться в Рим... ну это примерно то же самое, если бы он встал посреди площади и громко по матушке послал всех Магистров. Прямое оскорбление не прощалось никому.

Но что там могло случиться?

Глава третья

Монорельсовую дорогу в Индии я оценила по достоинству. Не люблю поезда, а индийские — особенно. Даже в первом классе порой находиться не очень комфортно. Но этот поезд меня приятно поразил. Идеальная чистота, почти не трясет, и скорость внушительная.

Монорельсовая дорога протянулась до Дели и дальше. Я успела немного отдохнуть, перекусить и переодеться. Вещи Дамаль пришлось снять и спрятать в рюкзак сверху. В конце концов, в лицо меня никто не знает. А их ношение мне тоже не на пользу.

Интересно, когда я пересеку ту грань, за которой мое здоровье начнет разрушаться? И успею ли я до этого момента собрать все вещи? И что случится тогда?

Ответы мне, конечно же, никто давать не спешил. За окном менялись пейзажи, я сидела в удобном кресле бизнес-класса. Вокруг спали, читали и перекусывали такие же пассажиры. В основном индийцы. Я поймала заинтересованный взгляд одного из них и отвернулась. После Хана остальные мужчины казались пресными и плоскими.

Вот ведь... Инквизитор! И тут ухитрился подгадить. Я ведь пыталась за год завести отношения. Но все они заканчивались одинаково и уже на первом свидании: становилось дико скучно, собеседник раздражал, и хотелось его стукнуть.

Что он сделал со мной? И главное — как у него такое получилось?

А еще я пыталась связаться с Абби, но все никак не получалось. Ее автоответчик на мобильном и на домашнем выдавал одно и то же: «Всем привет, это Абби. Если я не беру трубку, значит, занята на работе или уехала отдыхать. Обязательно перезвоню».

Лишь бы не попала в больницу. Здоровье у моей наставницы было уже не слишком хорошим, несмотря на здоровый образ жизни. В отличие от меня Абби избегала вещей Дамаль, предпочитая собирать и хранить сведения о них. Благодаря ее обширному архиву я узнала много нового и пугающего.

Ограничившись сообщением: «Еду во Францию, как доберусь — напишу. Перезвони мне обязательно», я прикрыла глаза и попробовала немного подремать. Хотя с недавних пор сон стал едва ли не проклятием. Потому что тогда являлся Хан.

Рядом кто-то сел. Резко открыв глаза, я едва ли не шарахнулась в

сторону. И с подозрением уставилась на незнакомца. Метис. Кто-то из родителей европеец. Одет в деловой светлый костюм, на запястье дорогие часы, темные волосы аккуратно подстрижены. Человек, ты кто? Тут я вспомнила, что это он все косился на меня, и приуныла. Только поклонников сейчас не хватает для полного счастья.

Или он не поклонник?

Сердце вдруг ускорило ритм так, что даже воздуха стало не хватать. Паника поднялась откуда-то из глубины сознания и попыталась разлиться волной. Меня выследили?

Невыносимого труда стоило сохранить на лице спокойное выражение. Ну не станет же он меня забирать или убивать при всех.

Очень надеюсь, что не станет.

— Извините, я вас напугал? — Голос у него оказался с приятным акцентом.

— Я хотела поспать. — Хорошо еще, удалось сдержать дрожь. — Я могу вам помочь?

— Извините, — явно смутился мужчина, — просто вы... вы мне показались похожей на одну женщину. Елена Дрейк...

— Это моя мать, — перебила я несколько торопливо.

Какое облегчение! Прямо затопило с ног до головы. Ну конечно! Просто человек оказался поклонником моей матери, а я на нее похожа. Можно выдохнуть.

Мужчина представился как Адам Бунмар. Он работал в Дели, ездил навещать родню. И я угадала — он был бешеным поклонником Елены. Забросал меня вопросами, признался, что однажды видел Елену близко. Когда она приезжала в Дели на благотворительный концерт. В общем, остаток времени я сидела и выслушивала дифирамбы в адрес любимой мамули. Но знаете, это лучше, чем бегать от Ордена!

К счастью, по прибытии в Дели Адам исчез, забросав меня заверениями в том, что я просто великолепна, почти как моя мама. И так далее, и тому подобное. Прямо вот кожей чувствовала, что он меня и трахнуть не прочь. Представляя на моем месте Елену.

В Дели я надолго задерживаться не собиралась. Чувствовала, что пока не окажусь от Хана за несколько тысяч километров — не видать мне покоя. Поэтому рванула в аэропорт Индира Ганди, что был на юге города. И торчать там предстояло семь часов.

Местную симку я купила в аэропорту. Подумала и решила позвонить Аделине. Среди моих друзей она не числилась, так как общаться мы начали после того, как я связалась с вещами Дамаль. У Аделины была юбка.

Ответила она почти сразу. Несмотря на то что в нашем городе сейчас была глубокая ночь.

— Слушаю.

Голос у нее звучал вполне бодро и... слегка напряженно.

Да, все мы — владелицы — жили в постоянном напряжении. Плата за ту силу, которую получили. Несколько пафосно, верно? Зато правдиво. В мире шла охота на ведьм, просто скрытно.

— Это Ева, — проговорила торопливо, — у тебя шрам под лопаткой, ты его получила в детстве, когда играла с младшими братьями. А еще ты мечтаешь увеличить грудь, но тебе жалко денег.

Облегченный вздох был мне ответом:

— Привет, Ева, ты далеко?

— Прилично.

Понятное дело, сообщать свое местонахождение я не собиралась. Не потому, что не доверяла. Просто... ну просто.

— Как вы? — спросила осторожно. С Аделиной мы договорились, что она будет время от времени сообщать мне новости о моих родных.

— Елена участвует в новом реалити-шоу. Одна из двух ведущих. В последнем интервью ее спрашивали о тебе, она сказала, что вы крупно повздорили и ты ей больше не дочь.

Я выдохнула. Молодец мама, может, когда захочет. Конечно, всю правду я ей не стала говорить, но объяснила, что для ее же безопасности лучше сделать вид, что мы полностью поругались. Думаю, никого такой исход не удивил. Елена — светская львица, меняющая любовников и обожающая быть в центре внимания. А я — веб-дизайнер и, по мнению многочисленных друзей мамы, просто бука.

— А бабушка? Она с ней?

— Да, она окончательно переехала к Елене. Мол, чтобы поддержать ее. А то дочь, гадина, удрала в Европу и знать никого не знает. Занимается в саду, ругается с садовником. С твоими подругами все хорошо. Никаких подозрительных мужиков вокруг заметно не было.

— Думаю, расслабляться не стоит.

— Согласна. Но я пью антидепрессанты, чтобы хоть немного расслабиться и поспать. Мне страшно, Ева, — вдруг призналась Аделина. — Передавая мне юбку, мать сказала про силу, спрятанную в ней, но не сообщила про Орден. Если б знала — выкинула бы.

— Выкини сейчас.

— Не могу, — просто ответила Аделина. — У меня от нее зависимость. Я как-то спрятала ее в подвале. Так через неделю достала и с

ревом надела. Меня ломает, если я не надену ее хоть раз в три дня или не потрогаю. Как тебе удастся не впасть в зависимость?

— Ну... видать, Орден накаркал, и я правда стала ведьмой, — невесело пошутила я, ощущая, как неприятный холодок скользит по спине и рукам. Аделина была из той категории владелиц, которые впадали в зависимость от вещей Дамаль очень быстро. Хищницей она не станет лишь потому, что безумно боится. Вдруг с количеством вещей возрастет и зависимость?

— А про Абби ничего не слышала? Не могу до нее дозвониться.

— Не слышала и не видела. Она могла уехать. Она часто осенью уезжает на Кубу, погреться.

У Аделины был талант оставаться невидимой, но при этом знать обо всех и все. То ли дело было в невзрачной внешности, то ли в чем-то еще. Непонятно. А может, все дело в юбке. Она давала эффект беззаботности. С ее помощью Аделина пыталась лечиться от приступов депрессии.

Поболтав еще немного, я распрощалась со знакомой, заверив, что свяжусь как смогу. И пусть она соблюдает осторожность. Ну и спит не по два часа в день, а подольше.

Внутри все горело, как всегда бывало после разговора и воспоминаний о доме. Горело и сдавливало так, что начинало болеть сердце. И в глазах мутнело.

Я спокойно убрала телефон, спокойно встала и пошла. Мимо многочисленных шумных пассажиров, мимо магазинчиков и бутиков, мимо переполненных кафе. В сторону синих дверей туалета. Хоть бы там никого не оказалось!

К счастью, внутри оказались свободные и чистые кабинки. Заняв одну из них, я наконец-то расслабилась и отпустила то, что разрывало изнутри. Медленно съехала вниз по кафельной стене, зажимая рот обеими руками. Чтобы ни один всхлип не вырвался наружу.

Тоска. Безграничная и темная, размывающая все на своем пути. Тоска по тому времени, когда я считала себя счастливой.

Сидя на полу туалета в аэропорту, я беззвучно ревела. Оттого, что ввязалась в такое, оттого, что дико скучала по родным и боялась больше никогда их не увидеть. От всей ситуации в целом.

Иногда надо поплакать, чтобы вновь почувствовать себя сильной.

Глава четвертая

На Хана Рим действовал слегка угнетающе. Слишком много истории, слишком много древних развалин, которые намекали — ничто не вечно. Для члена Ордена такие намеки ни к чему, они и так частенько рискуют жизнью. Хотя кафе тут в большинстве своем отличные, плюс еще одно место вызывало у Инквизитора умиление. Ареа Сакра — древние раскопки, обнесенные прозрачным забором. Находились они на площади Торре-Арджентина, окруженной жилыми зданиями, церковью и огромным театром.

Вот и в этот раз, несмотря на спешку, Хан не мог отказать себе в удовольствии и велел таксисту остановиться возле площади. Осенью толпы туристов значительно редели, и к развалинам он дошел спокойно. Не для того, чтобы полюбоваться на остатки колонн, стен и скамеек. Вовсе нет. Опустив ладони на бортик прозрачной загородки, Хан взглянул в развалины внизу. Да, вот они! Десятки кошек грациозно скользили между камней, умывались, выясняли отношения или просто сидели и щурились на осеннее солнце. Табличка рядом с Ханом гласила, что эти кошки — полноправные граждане Рима и их не стоит кормить, так как они могут выбежать на дорогу и попасть под машины.

Кошки притягивали его своей независимостью и свободой. В отличие от собак, к которым Хан подсознательно причислял и себя. А что? Верный пес Ордена, которого гладят, пока он выполняет работу, но пристрелят при малейшей попытке оскалить зубы.

Такие мысли бесили. Тем более появились они после разрыва с Евой. Тогда, сидя в самолете, Хан понимал, что будущего у них нет по одной причине — Орден. Его личная жизнь ему не принадлежала. Раньше он не задумывался, так как... не любил. Ну дали бы ему одобренную Орденом невесту, ну жил бы он с ней и изменял. Так делали все члены Ордена за редкими исключениями.

Ева была кошкой, он — собакой. Причем той, которая кошек загоняла и убивала.

К его ноге подошел кот. Огромный и матерый, с драным ухом и такими клыками, что они выпирали из-под губы. Внимательно оглядев Хана желтыми глазами, кот зачем-то тронул лапой его ботинок, после чего улегся неподалеку и замер, глядя на развалины немигающим взглядом. Погладить его Инквизитор не рискнул. В коте чувствовался властный и гордый

характер, нижняя тяжелая челюсть слегка выпирала вперед, а на боках шерсть была чуть ободранной, словно в жестокой драке. Хан уважительно посмотрел на него и тихо проговорил:

— Парень, ты нереально крут. Оставайся таким же.

«Ты тоже ничего, — сообщил кошачий взгляд, — но не трогай меня и ступай себе, человек».

И Хан отправился. К стоянке такси. Его целью были катакомбы святого Каллиста, что располагались в зоне Старой Аппиевой дороги. Находились они за высоким каменным забором и в это время уже не работали, что Хану было только на руку. Он просто зашел и спустился вниз, в переплетение захоронений, коридоров и небольших залов с табличками. Здесь, под катакомбами, был один из входов в сердце Ордена. За непримечательной серой дверью, без каких-либо опознавательных знаков или ручки.

В катакомбах, как всегда, царила промозглая, тяжелая атмосфера. Тяжелая почти физически. Хан словно ощущал невидимых призраков, наводнявших мрачные коридоры. Не глядя по сторонам, достал из кармана короткого стильного пальто плоский прямоугольник и приложил к двери. Та бесшумно и быстро отъехала в сторону, и Инквизитор скрылся за ней.

И словно перенесся в другой мир. Широкие коридоры, мягкий и приятный для глаз свет. И везде автоматические двери, плюс сухой прохладный воздух. Хан постоял пару секунд, вспоминая, куда дальше. Ага, лифт через сто метров, справа. И до минус седьмого этажа. Потом на автомобильчике до Красного Зала Советаний.

Народу на пути попадалось не так уж много. Хан автоматически отвечал на приветствия. Улыбнулся, лишь встретив знакомое лицо. Джерд Фишер — Инквизитор, как и он. Они вместе учились, правда, сильной дружбы, как с Богданом, не получилось. Но тем не менее они поддерживали общение.

— Приветствую, брат. — Голос у Джерда звучал бархатисто и низко. Да и сам немец производил впечатление: подтянутый, высокий, с длинными, стянутыми в хвост волосами и клинышком бородки. В одежде он предпочитал джинсы и светлые рубашки.

— Приветствую, — откликнулся Хан. Он заметил на безымянном пальце Джерда кольцо.

— Ты женился?

— Она достигла совершеннолетия и месяц назад стала моей.

Хан на секунду ощутил укол зависти. Среди членов Ордена браки заключались скорее по договору, нежели по любви. Главное, чтобы жена

прошла соответствующую подготовку и была членом семьи одного из братьев. Джерду повезло: он и его невеста полюбили друг друга.

А Хан до сих пор не мог заставить себя сходить на смотрины невест. Его раздражали покорные девицы, которые скромно усаживались на скамейках во дворе закрытой школы. Одинаково причесанные, одинаково одетые и с одинаковым смирением в глазах. В них не было огня, только лишь покорное ожидание.

Вот Ева была другой. Живой, яркой, порывистой.

И стала Хищницей.

Хан незаметно вонзил ногти в ладонь, болью прогоняя воспоминания, спросил:

— Ты не в курсе, что произошло? Тебя тоже сорвали?

— Не в курсе. Я был дома, в Дортмунде, с Анжеликой. Сам не понимаю, что произошло.

Они подошли к стальным дверям лифта. Тот мигнул зеленой кнопкой, открылся. Просторная кабина с матовыми стенами впустила их и еще нескольких членов Ордена, бесшумно ухнула вниз.

— Явно нечто из ряда вон выходящее. Я в Риме лет пять не был.

— То же самое. Слышал... ходят слухи, что Магистры паникуют.

Вопрос почему.

— Да уж...

Хан мог бы поинтересоваться у Вацлава — несостоявшегося тестя, но после разрыва помолвки с Ирен старался не навязывать ему свое общество. Вроде бы тот не злился, и Рождество они отмечали в одном доме в семье Богдана. Ирен уже с ними, правда, не было. Они с мужем путешествовали, наслаждались друг другом и планировали, как жить дальше.

Лифт доставил и выпустил двух Инквизиторов в широкий и такой же светлый коридор. Правда, здесь на стенах висели надписи на латинском: выдержки из Свода тамплиеров и инструкций Торквемады, одного из самых известных в свое время инквизиторов. Здесь народу было еще меньше. И все направлялись к высоким распахнутым дверям из тяжелого дерева. Двери резко выделялись из аскетичной и деловой обстановки вокруг, покрытые искусной резьбой, образовывавшей латинские символы. Хан не сразу понял, что при должном умении в них можно увидеть слова молитвы. Одной из многих, которые вбивали им в головы. Порой — в прямом смысле слова.

Ева точно ведьма. До сих пор он даже не задумывался о том, применимы ли подобные вещи к воспитанникам. Правильно ли силой запихивать в неокрепшие умы то, что надо почувствовать сердцем?

— Ты чего?

Хан вздрогнул и вспомнил, что не один. Оказывается, он замер перед дверьми и просто смотрел на них. Так что Джерд недоумевающе поглядывал на коллегу.

— Ты в порядке?

— Долгий перелет и смена часовых поясов. Хочу в постель с милашкой.

— Не травми душу.

«Тебе-то чего травить, — мысленно проговорил Хан. — У тебя в этом плане полная гармония».

И сделал шаг, переступая порог зала совещаний. Красного Зала, чьи стены, как бы оправдывая название, были затянуты шелковыми обоями цвета подсохшей крови. Их едва можно было разглядеть в том полумраке, что царил здесь. Непривычно после светлых коридоров. Хан незаметно поморгал, чтобы быстрее привыкнуть. И увидел, что почти все уже пришли. Несколько десятков самых лучших Инквизиторов и Палачей сидели в мягких креслах, расставленных полукругом перед небольшой трибуной, отделанной золотом. Здесь все выглядело слишком по-старинному, слишком... странно. Лично Хан предпочел бы проводить переговоры в более деловой и современной обстановке. А здесь даже пахло так, словно сутками жгли благовония.

Его братья приглушенно разговаривали, обмениваясь новостями. Так собираться приходилось редко. А встречаться специально, чтобы поболтать по душам, часто не хватало времени. Хан с тоской подумал, что они с Богданом-то уже почти год не виделись. Его названный брат так и торчал в России. А он все не мог туда вырваться: в основном мотался по Азии.

Найдя свободное место, присел, поздоровался с соседями и прислушался. Ну да, болтали о работе, о последних гаджетах, о том, что хочется в отпуск, и так далее. словно не в Ордене, а на совещании в крупной компании.

Нежный перезвон разом оборвал все разговоры в зале. Как отрезал. Хан едва не оглох от обрушившейся тишины. Все взгляды устремились на трибуну, где, подрагивая, горели толстые белые свечи.

И этот тяжелый запах, от которого уже стучало в висках.

Нет, совещания в инвесторской компании Хану нравились гораздо больше.

Магистры появились откуда-то из темноты за трибуной. Как всегда, в одинаковых мантиях белого цвета и в темно-красных масках, закрывающих все лицо, за исключением рта и подбородка. В лицо Магистров не знали.

Хан вот в курсе был только про Вацлава, да и то узнал далеко не сразу. Это были Старшие Магистры, семь человек, которым было известно все об Ордене. Если кто-то из них уходил из жизни, его место занимал следующий. Нового Магистра выбирали из Инквизиторов или Магистрантов — тех, кто был связным между Старшими Магистрами и Инквизицией. Палачей не выбирали из-за их «грязной» работы.

За спинами Магистров бледно засветился огромный экран. А потом раздался голос одного из семи: звучный и чуть хриплый. Усиленный невидимым микрофоном, он проник во все уголки зала, всколыхнул красноватый полумрак.

— Братья, мы рады видеть вас. Мы редко можем собираться вместе, ибо спасаемый нами мир не может ждать. И я очень хотел бы, чтобы встречи эти были более радостными. И не омрачались теми новостями, что я поведаю.

Хан старался не ерзать и не морщиться. В конце концов, возможно, оратор на самом деле говорил так, а не изображал пафосно-возвышенную речь.

— Братья, — присоединился второй Магистр, чей голос звучал гулко и чуть пугающе, — все мы знаем, что в этот мир когда-то давно проникло Великое Зло, Скверна Дьявольская, которую мы стараемся истребить по сей день. И станет наш мир чистым, когда последняя проклятая тряпка будет сожжена. — Он помолчал немного, добавляя эффекта словам, и продолжил: — Но нынче, братья мои, нам предстоит не просто сражение. Случилось то, чего мы все так опасались.

Хан почувствовал пока еще неясную тревогу. Что там еще произошло?

Магистр оказался хорошим психологом. Он опять сделал паузу, давая слушателям проникнуться сказанным, после чего громко проговорил:

— Антихрист явился миру в женском обличье.

Культурных слов, характеризующих это заявление, у Хана не нашлось. Так, что за... дела тут творятся?

На лицах соседей было написано неприкрытое изумление. Пожалуй, только уважение к Магистрам удерживало их от шквала вопросов. Хан прикусил язык, чтобы ненароком не сболтнуть лишнего. Сейчас им все скажут. А задавать вопросы, не дождавшись объяснений, признак несдержанности. Это не поощряется.

— Вижу, вы в таком же замешательстве, как и мы, — произнес Магистр отеческим тоном. — Хотел бы я ошибаться, но, увы, все совпадает. Мы боялись этого, братья, мы уничтожали скверну, чтобы она не взяла верх над миром. Но одна распутная тварь все же оказалась хитрее.

Пока хитрее.

Он глубоко вздохнул, точно брал на себя вину за то, что кто-то обхитрил Орден.

— Мы все знаем женское коварство, братья. Из наших жен, дочерей, сестер и матерей мы пытаемся его убрать. Но, увы, порой не всегда получается. Слишком много искушений приготовил этот мир для женщин. А они слабы, не в силах устоять. Плотские удовольствия влекут их со страшной силой. И скверна — тому пример. Враг человеческий действует через женскую слабость. Но мы знаем это, братья. — Его голос окреп, стал более звучным. — Враг может ненадолго одержать верх в битве, но не в войне. И женские слабости мы сделаем своей силой.

За его спиной загорелся экран, отчего сам Магистр стал напоминать черный силуэт. Силуэт, который все повышал голос, тем самым накаляя градус в зале. О да, он умел привлекать внимание и заводит публику.

— Похотливость женскую мы сделаем своей силой. Ради внимания мужского они предадут своих соратниц.

Хан потер подбородок и мельком подумал, что Магистр все же порой перегибает палку. Нельзя всех под одну гребенку, нельзя. Опять в голову проникла Ева. И укололо в сердце, когда вспомнил, как уходил от нее.

А на экране тем временем появилось видео. Какой-то подвал, судя по трубам и ободранным кирпичам. Камера была прицеплена к плечу оператора и периодически подергивалась. Но изображение четкое.

На цепях, прикрепленных к вывернутым запястьям, висела пожилая женщина. Чувствовалось, что пытали ее долго и с опытом. Не застенки Ордена, конечно, где находился полный набор для допросов, но тоже сильно. Камера приблизилась, и Хан отметил, что ногти у женщины успели все вырвать. Чуть поморщился. Все же он придерживался взгляда, что можно проводить допросы и с применением «сыворотки правды». Главное ведь результат. Но Магистры считали, что вместе с болью «одержимая» очищается от совершаемых грехов. И сполна получает наказание за свою слабость.

— Абби Алерано помогала одержимым, — произнес Магистр торжественно. — За свои грехи она рассчиталась сполна. И перед тем как отпустить ее душу, мы попытались узнать имя той, что может стать Антихристом.

Хан сжал кулаки до хруста в суставах. Перед глазами застыла черная фигура Магистра на фоне окровавленной и уже вряд ли живой женщины. Хотя нет, на съемке она застонала и попыталась приподнять голову. Вместо лица зияла сплошная рана.

— Антихрист направляется во Францию. Там мы и устроим засаду.

На экране послышался звук выстрела, голова женщины мотнулась, и во лбу появилась дырка. Все было кончено.

Хан моргнул и постарался дышать ровно. Как сквозь вату услышал окончание речи.

— Братья, мы не смогли узнать имя Антихриста, но мы отправляемся во Францию, чтобы искоренить зло. Я назову тех, на кого возложится почетная миссия. И они войдут в историю Ордена.

Хан одновременно ощутил безумное облегчение, что имя так и не удалось узнать. Но червячок беспокойства внутри не отпускал. Пожалуйста, только не Ева!

Глава пятая

До Парижа я добралась уже полностью обессиленной. Казалось бы, ну чего уставать? Ведь летела, а не шла пешком, но смена часовых поясов и пересадки вымотали. В конце концов, глядя на проплывающий внизу и сияющий вечерними огнями Париж, я поняла, что мне нужен отдых. Не три часа прерывистого сна в дешевом отеле, а нормальный полноценный отдых с мягкой постелью, завтраком в номер и горячей ванной. Потому что иначе любой Инквизитор легко поймает меня со всеми потрохами. Было еще подозрение, что и ношение вещей прибавляет усталости. Я по-прежнему щеголяла в шляпе, чтобы запутать следы, снимала ее только в самолете или во время сна.

Поэтому перед отлетом в Париж заранее забронировала номер в отеле неподалеку от центра города. Пусть весь мир подождет, я хочу отдохнуть, выпить вина и порыдать над мелодрамой. А перед этим поужинать в хорошем ресторане. Чтобы за окнами был ночной Париж, влюбленные, а я такая одинокая и красивая. Потом к моему столику подсядет загадочный одинокий мужчина, и я забуду Хана.

Вот последнего я желала отчаянно. И даже согласилась бы на амнезию.

Из огромного и шумного аэропорта доехала до отеля, по дороге едва не уснув. Спасибо таксисту: болтал без передышки. Это помогало держаться. И даже взбодрило, так что к моменту входа в огромные двери отеля я уже не шаталась от усталости.

Уютный номер на третьем этаже, в коричнево-белых оттенках, с широкой кроватью и небольшим подиумом, который вел в короткий коридор, заканчивающийся гардеробной. Просторная ванная, большие окна и мини-бар. Вот в ванную-то я и бросилась первым делом. С наслаждением просидела там минут сорок и вылезла довольная, с мокрыми волосами и закутанная в белый пушистый халат.

Кровать подождет. Я хотела поужинать и просто расслабиться хоть на немного. Тем более следы замести удалось.

Конечно, для ужина джинсы и пуловер не годились, а вечерних платьев с собой не было. Но это же Париж! Во многих отелях можно заказать платье напрокат. Что я и сделала, связавшись с ресепшеном. Гулять так гулять! Малахитовое, под цвет глаз, короткое платье с открытой спиной. Длиной чуть выше колена, из жатого приятного материала. Волосы

я просто заколола наверх, подвела глаза и мазнула помадой по губам. Хорошо, что можно не обращать внимания на погоду, так как ресторан находится на первом этаже отеля. Ехать куда-то не хотелось. Да и зачем?

В лифте я спускалась с пожилой парой. И старательно гнала от себя мысли, что, наверное, тоже хотела бы лет через сорок стоять за руку с мужем. Понимать, что ему плевать на мои морщины и седину, самой так же не замечать подобные мелочи...

Хотелось до рези в глазах и мысленного вопля.

Я улыбнулась им, получила в ответ улыбку и вышла из лифта первой. Плевать, Ева, судя по всему, тебя ждет дом престарелых. Если раньше Орден не поймает.

Ресторан состоял из трех просторных залов, сейчас наполненных сдержанным шумом голосов, вкусными запахами и живой музыкой. Квадратные столики под белоснежными скатертями, блеск бокалов в электрическом свете и безумно вежливая администраторша, вставшая на моем пути. Говорившая по-английски.

— Я одна. Да, подальше от сцены, если можно. Спасибо большое.

Я села за столик у окна. Как и хотела: ночной Париж, прохожие по яркой улице. А, еще вина надо заказать. И еды. Побольше еды.

Хан, я устала без тебя! Мысль эта коварно возникла в голове и уходит не пожелала. Пока я делала заказ официанту, пока потягивала холодное белое вино — она продолжала кружиться в голове. Я так старалась за год позабыть чувства к Инквизитору, но вот мы увиделись — и все началось заново. Сердце ныло так же ярко и больно, как в первые дни расставания. За что мне это? Он, наверное, уже и думать забыл обо мне. Ему нашли послушную невесту, он соблазняет других женщин. Черт!

Я так сильно сжала пальцы на ножке бокала, что едва не переломила ее пополам. Прерывисто вздохнула и постаралась успокоиться. Это просто усталость и неожиданная встреча, только и всего.

— Мадемуазель, — послышался негромкий голос официанта. Он подошел с бутылкой какого-то вина. — Вам подарок.

Я посмотрела на этикетку. Ого!

— И от кого же?

— От месье за тем столиком. — Он кивнул направо.

Месье оказался молодым парнем. Лет двадцать, не больше. Ну и что это такое? Увидев, что сумел привлечь мое внимание, он широко улыбнулся и, встав из-за стола, направился в мою сторону. Парень и парень. Довольно симпатичный, этакий типаж «раскованного и дерзкого». В темно-серых брюках и белой рубашке, чуть приталенной, с серо-синим платком вокруг

шеи. Русые волосы коротко подстрижены, лицо было бы брутальным, но безвольный подбородок слегка портил впечатление.

— Добрый вечер.

В его голосе слышался едва уловимый непонятный акцент. Похожий... на акцент Хана.

Ой, че-р-р-рт, зачем я об этом подумала.

— Добрый. Благодарю за подарок, но к чему он? Я не выпью столько вина.

— Могу вам помочь. Разрешите?

Я пожалала плечами: мол, решайте сами. А сама наблюдала за движениями незнакомца. Вот он отодвинул стул и присел, оказавшись напротив. Глядя темно-серыми глазами с длинными ресницами.

— Леон Келлер к вашим услугам. — Он чуть склонил голову и снова стрельнул в меня взглядом, от которого внутри вдруг все напряглось. Но отчего?..

— Алиса. — Я сама не поняла, почему представилась таким именем.

— Просто Алиса?

Я кивнула и улыбнулась чуть загадочно, явно заинтересовывая молодого человека все сильнее. Он продолжал беспокоить меня. И беспокойство отдавало легким покалыванием где-то внутри.

Женская интуиция? Возможно. Но с недавних пор я привыкла ей доверять.

Что не так с его взглядом? Слишком взрослый? Слишком жесткий?

— Загадочная женщина?

— Порой это полезно.

— Да, это придает остроты жизни, — подхватил Леон.

Он взял бутылку и поинтересовался:

— Так что насчет того, чтобы разделить вино и вечер со мной?

О как! С ходу взял быка за рога. Я машинально уцепилась взглядом за его руку, державшую бутылку. Сильное запястье, пальцы чуть коротковаты, на костяшках волоски.

И еще кольцо. Из черненого серебра, с печаткой. На ней что-то было изображено, какой-то символ. И он не желал уходить из головы. Где-то я встречала подобное.

«Твою...»

— Спасибо, — отозвалась машинально. — Наливай.

Да я не прикоснусь к вину из его рук! Бокал медленно наполнялся темно-красным напитком, и так же медленно у меня внутри нарастала паника.

Я видела этот перстень...

— И какими судьбами тебя занесло в Париж, Леон?

— Обычный отдых. У меня есть хобби: люблю фотографировать. А здесь шикарные виды. Хочу объехать всю Францию, вот машину взял.

Да, именно такой перстень сверкал на пальце того блондина, с которым встречался Хан.

— А ты, Алиса, какими судьбами оказалась здесь?

— Отпуск. — Я машинально продолжала улыбаться. — Просто хочу посмотреть Францию. Каждый год по стране.

— О, так у нас похожие интересы?

— Забавно, верно?

Да, именно такой перстень. Символы вроде отличались, но все остальное...

И взгляд. Теперь я поняла, где встречала его. В глазах Хана и того блондина. Ну а символы, возможно, как-то отображали звание их носителей. Фотографическая память не подвела и на этот раз.

На миг все вокруг замерло, а тело словно окаменело. Это меня и спасло от приступа паники и попытки бежать. Я замерла, невидяще глядя на Леона. Неужели совпадение? Они не могли, не могли меня найти!

Но передо мной сидел мужчина из Ордена. Я почти не сомневалась. Слишком явными были признаки, которые не заметил бы кто-нибудь не столь внимательный. Это я изучала их, долго и тщательно собирая информацию по крупицам. И перстень!

— Алиса?..

Оказывается, Леон окликнул меня и повторил еще раз, глядя с легким любопытством. Пришлось срочно отыскивать временно потерявшийся голос. Почти получилось, правда, вышел он каким-то охрипшим.

— Все хорошо, просто задумалась на секунду, какие же бывают совпадения на свете. Веришь в судьбу?

«А если ты ошибаешься? Может, просто парень с печаткой, и все? Решил познакомиться, скоротать вечерок, а то и ночку?»

И вот это сомнение не давало мне окончательно определиться.

— Я верю в то, что мы должны вовремя замечать важные совпадения, — ответил Леон, крутя бокал за тонкую ножку. Он сделал глоток вина, посмотрел на меня поверх стеклянной кромки:

— Эффект попутчика знаешь, Алиса?

— Хочешь проверить в действии?

Это был разговор, дрожавший на ниточке моей силы воли. Разговор над пропастью. Леон, скорее всего, не замечал, а я напряженно

вслушивалась в его речь, ловила изменения в голосе. Следила за жестами. И мысленно корила себя за тупость. В кои-то веки решила обойтись без вещей Дамаль. Я чувствовала себя голой и беспомощной.

Хорошо, что заранее продумала легенду. Одинокая молодая женщина, которая решила развеяться и отправиться в путешествие по странам, благо доход и работа фрилансера позволяют. Еще добавить в голос немного легкой игривости, упомянуть, что в отношениях состояла год назад, потом выгнала изменщика — и все, приманка заброшена.

Если он из Ордена, то мне это даже на руку. План созрел стремительно, был переполнен сомнениями и неточностями, но я думала, что при должном умении может и сработать.

Вино я лишь чуть пригубила, «признавшись», что у меня аллергия на красное и опасно пить алкоголь: могу опьянеть с бокала. После чего заметила блеск в глазах собеседника. Так, все с ним ясно.

— Алиса, бокал вина за знакомство. Я могу заказать вам совсем легкое, белое.

Весьма красочно изобразила колебание. Леон принялся уговаривать с удвоенной силой. Заверять, что алкоголя там всего ничего, а расслабиться мне необходимо. Париж, сказочный вечер и интересная беседа... что плохого будет в бокале вина?

— Ты умеешь уговаривать, — вздохнула я. — Хорошо.

Самое сложное было изобразить стремительно хмелеющую девушку. Ненавидя саму себя, я принялась глупо хихикать, облизывать губы и пороть какую-то чушь. Правда, не слишком громко, чтобы не шокировать посетителей вокруг. Судя по довольной ухмылке Леона, на этот эффект он и рассчитывал. Вот придурок! Неужели для того чтобы соблазнить девушку, надо ее спаивать?

Пошатываться все же не решилась, но к Леону обратилась с просьбой, подкрепленной смущенной улыбкой:

— Проводишь до номера? Боюсь, что могу завернуть не туда. Меня в таком состоянии тянет на приключения.

Конечно Леон согласился. Вскочил и с энтузиазмом приобнял за талию, повел к выходу. Я прижалась к нему, послушно засемила рядом. Глубоко вздохнула, так, чтобы мое дыхание пощекотало ему ухо, и почувствовала, как рука на талии сжалась чуть сильнее.

В просторном холле отеля, шумном и суетливом, мы остановились перед шеренгой лифтов.

— Ты очень красивая, Алиса.

Шепот рядом со мной произвел непередаваемое ощущение: захотелось

плюнуть в его обладателя. Вместо этого я томно улыбнулась и прошептала в ответ:

— Спасибо, люблю получать комплименты.

— У меня их много, — заверил Леон. Да, пикапер из него так себе. Действует слишком грубо. Может, кто и клюнет на подобное, но не я.

В лифте мы оказались одни, чем Леон и воспользовался. Мне лишь пришлось мысленно сдерживаться, чтобы не отвесить пощечину, когда он прижал меня к стене и поцеловал. После поцелуев Хана все остальные вызывали в лучшем случае недоумение. А тут вроде и техника на высоте, но все равно что-то не то. Жаль, нельзя ему в рот плюнуть, вот бы удивился.

Но я отвечала на поцелуй и даже чуток постонала, как бы подталкивая Леона на дальнейшие действия. Продолжая целоваться, мы вышли из лифта, пропуская в него пожилую парочку. Краем глаза я заметила свой номер и толкнула Леона в его сторону. Пара метров, щелчок карточки-ключа, и мы уже внутри.

— Ванная, — пробормотала я, на мгновение отвлекаясь от поцелуя, — мне надо в ванную.

— Прямо сейчас?

Я закинула голову, подставляя шею под губы Леона. Мурашки на спине были не от удовольствия, а от страха и напряжения.

— М-м-м, я буквально на минуту, а ты можешь пока располагаться.

Боже, я прямо как в популярном эротическом фильме. Хорошо еще, Леон решил послушаться. С явной неохотой отпустил меня, окинул жадным взглядом и проговорил:

— Через минуту я выломаю дверь и утащу тебя.

— Через минуту я сама ее выломаю, чтобы попасть к тебе.

Оставив парня в гостиной, я юркнула через спальню в ванную, по дороге подхватив рюкзак с вещами Дамаль. Закрылась и выдохнула. А вот теперь чтобы ни единой ошибки.

Дрожащими руками достала лиф и нижнюю юбку, на мгновение замерла и решительно надела их. Сверху накинула халат, плотно затянула пояс и заплела волосы, чтобы не мешались.

— Алиса!

О, пикапер уже явно в спальне. Небось лежит на кровати в одних трусах и нетерпением под ними. Я мельком глянула на себя в зеркало: лицо бледное, глаза безумные, а губы как у вампира, который крови напился. Пора!

Я угадала. Почти. Леон и правда разлегся на кровати, только без

трусов. Так что я смогла подробно рассмотреть все его возбуждение. Он еще и выбрит во всех местах!

— О, какая... прелесть.

«Так, Ева, не ржать, не ржать».

— Халат тут явно лишний, — заметил Леон.

— Я его сниму, — заверила тихим голосом. — Позволь поиграть. Я люблю эксперименты, особенно после вина.

Если не согласится, тогда будет «ой». Мне пришлось чуть распуścić халат и промурлыкать:

— Тебе понравится. Ляг на спину.

Спинка у моей кровати была хорошей: чугуновой, с завитушками и узорами. Я залезла на постель с ногами и медленно поползла к Леону, который, приподняв голову, нетерпеливо наблюдал.

Я развязала пояс и попросила:

— Можно связать тебе руки для начала. На пару минут.

Облизнула губы и наклонилась, зная, что вещей он не видит, а вот вырез — вполне. А там есть на что посмотреть.

Леон молча убрал руки за голову и проговорил:

— Ненадолго, я хочу трогать тебя всю.

Я тебе руки отгрызу.

Пояс от халата был прочный, хороший. Я как следует связала ему руки, продев пояс через спинку кровати. Затянула узлы и выпрямилась, сползла с кровати и едва ли не картинным жестом сбросила халат на пол. Чтобы сполна насладиться тем, как меняется выражение лица Леона. Ого! Похоже, он узнал вещички.

— Как я тебе? — поинтересовалась все тем же тихим и грудным голосом. — Красиво, правда?

— Ты! — хрипло выдохнул Леон, у которого все упало. — Чертова ведьма!

— М-м-м, как мило и сексуально. Что, с ведьмой не хочешь?

Парень облизал губы и явно постарался взять себя в руки:

— Ты о чем? Я имел в виду, что ты выглядишь по-ведьмински сексуально.

— Ну твой дружок явно говорит об обратном, — сообщила я, намекая на поникший мужской орган.

— Развяжи меня, и я докажу обратное.

— Тебе сколько лет?

— Двадцать.

Ясно. Что-то мне подсказывало: в таком возрасте они если и начинают

свою карьеру в Ордене, то явно с низов и без всякого опыта. Не походил этот мальчик на того же самого Хана. Он мне скорее напомнил мажора, которого волею отца запихнули на чужое место. И вот он сидит, тратит деньги и не знает, что делать дальше. Не факт даже, что ему известны полезные для меня вещи. Но попробовать стоило.

Я склонилась над Леоном, который пытался высвободиться, и прошептала:

— Мальш, на мне вещи, против которых твой мужской шовинизм бессилён.

— Стерва, — сообщили мне. — Сука! Таких, как ты, мои предки сжигали пачками. И вас бы надо.

Точно. Тупой и наглый. Или просто наивный. Странно, что в Ордене есть такие. Хотя, может, он только учится?

— Милок, кто и кого сжигал, рассудит время. Меня интересуешь ты.

Я прекрасно знала, какой вид открывается Леону. Лиф, в круглом вырезе которого можно было полюбоваться грудью, плюс сама вещь Дамаль. О, она обладала просто дьявольским свойством: его владелица мастерски манипулировала чувствами других людей. И сейчас я ощущала все, что переполняло Леона. Так странно...

— Хочешь подсидеть папочку? — спросила сочувствующе, проводя рукой по лбу. Тактильный контакт усиливал эффект вещей. Леон дернул головой и вновь обозвал меня.

— Конечно хочешь, — кивнула я. — Ты сейчас до смерти хочешь сдать меня Ордену и продвинуться вперед. Ты же в самом низу, да?

— Я ученик, дура! Один из лучших!

— Мельчает Орден, мельчает. Дружок, у тебя выбор. Ты отвечаешь на вопросы и топаешь отсюда. Или продолжаешь играть в героя, и я тебе что-нибудь откусываю. Что-нибудь... ценное.

Для усиления эффекта я ткнула пальцем в нижнюю часть его тела и щелкнула зубами. И без того трусящий парень просто побелел. Видать, мозги им в плане женской злобы и коварства промывали тщательно.

— Тебя убьют, стерва!

— Пусть поймают. А вот ты в моих руках.

Меня захлестывало ощущение власти над живым существом. Вот он лежит, и я могу сделать с ним все что угодно. Вообще все!

Наверное, это чувство отразилось у меня в глазах. Потому что Леон испугался. Он был мальчишкой, пусть и натасканным Орденом. Но в теории. А я была одной из тех, о ком ему рассказывали настоящие ужасы.

— Выбор, сопляк, пора его делать.

Я это буквально прорычала и добавила:

— Честность или жизнь?

Лиф помогал мне улавливать эмоции Леона. И поправлять его, если он пытался врать.

Жаль только, что мальчишка ничего толком не знал. Его отец, судя по рассказу, был где-то в верхушках Ордена. Буквально на днях его срочно вызвали в Рим.

— Зачем? — тут же спросила я.

— Не знаю, — буркнул Леон, — мне не сказали, хотя я спрашивал.

Я почесала подбородок: м-да, пока из допроса я поняла лишь, что сердце Ордена где-то в Риме, самим Орденом управляет горстка неких Магистров, и вроде как никого во всемирный розыск не объявляли. Плюс перепуганный Леон засыпал меня сведениями о его школе, от которых меня затошнило. Господи, они не просто фанатики, они — больные фанатики.

Хан ведь тоже учился, как и Леон. Только вот... только вот за время нашего общения не показал себя одержимым идиотом. Ну или же он хорошо притворялся.

«Заткнись, — молча приказала я своему сердцу. — Потом поноешь, а пока заткнись».

— Ладно, а скажи мне, почему вы вещи Дамаль ненавидите.

— Потому что их послал Дьявол, чтобы люди стали слабыми и зависимыми, — отчеканил Леон. — Прежде «скверна» служила мужчинам, но Дьявол понял, что так человечество станет сильным и он упустит слабые души. Поэтому хитростью забрал сущность вещей и переродил их в «скверну». Чтобы пользоваться могли только женщины, которые изначально слабы и подвержены его влиянию.

У-у-у-у, тут все запущено, можно даже не слушать.

— Идиоты, — проговорила я веско, выпрямляясь. — Уже больше ста лет прошло с тех пор, как инквизицию официально упразднили, а у вас мозги все те же. Нельзя тупо впитывать знания и не проверять их. Нельзя!

Ох, да кому я это говорю! Лежавший Леон хоть и трусил, но явно не собирался отказываться от своих взглядов.

И что мне с этим идиотом делать? Больше сведений из него не вытянуть.

— Лежи тут, — сурово приказала я, словно Леон мог удрать. Будущий член Ордена вообразил, что я сейчас буду его убивать, и завопил. Во все горло. При этом основные слова были «спасите» и «сгинь, ведьма». Вот хорошо, что стены тут толстые, а двери — звуконепроницаемые.

Я вышла буквально на несколько секунд — в гостиную. Откуда

вернулась со шляпой в руках. Леон при виде меня резко замолчал и, кажется, готов был заплакать. Прямо так бы и пожалела, если б не мысль: из таких, как он, состоит Орден.

Я так и замерла в дверях спальни, сменяя шляпу. В голову пришла чудовищная и крайне соблазнительная мысль. Почему бы не убить этого мальчишку? Я сделаю благое дело, уничтожу одного из тех, кто будет охотиться на нас.

«О Господи!»

Руки тряслись, пока я натягивала шляпу: криво, задом наперед.

У Абби было много записей, но большая часть посвящалась в основном описанию вещей и наблюдению за реакцией их владельцев. Но встречались и крайне интересные выдержки. Например, Абби описывала, что отыскала древние записи одной из первых владельцев. Своего рода дневник, одну страничку. И в ней упоминалось, что сочетание лифа, юбки и шляпы способно стереть память за последний час у одного человека.

Теперь Леон смотрел на меня с настоящим ужасом. Даже не хочу думать, какой гадюкой я выглядела в его глазах.

— Ты будешь спать, дружок, — проговорила ласково, наклоняясь над ним. — Ты сейчас заснешь и мирно проспишь до утра. А проснувшись, будешь помнить лишь о том, что провел шикарную ночь с красивой женщиной по имени Алиса. И все.

На самом деле я ни капли не гипнотизер, это все определенное сочетание вещей Дамаль. Я не знаю, как оно работает. Просто в какой-то момент глаза Леона закрылись, и он уснул. Мгновенно вырубился, как под наркозом. А я бросилась собирать вещи. Так, надо снимать номер в первом же свободном отеле и не шляться по ресторанам, а заняться делом.

Я знала, что Абби искала след женщины, у которой хранился дневник мадам Дамаль. И теперь тоже собиралась найти ее.

На подрагивающих ногах собрала вещи и выскочила из номера. Он оплачен на двое суток, ну и черт с ним! Плевать на деньги, надо удирать поскорее. Случайность или нет, но само присутствие члена Ордена делало отель небезопасным. Так что ищем подешевле и попроще. Надеюсь, снобы из Ордена в подобные места не суются. А если суются, то только по необходимости.

Уже в такси я, уставившись в окно на ночной Париж, мысленно передернулась. Это чувство, когда усыпляла Леона. Отвратительно. Ощущение власти и понимания, что могу убить. И мне ничего не будет. Ведь мелькала же такая мысль, соблазняла. И на краткий миг показалась вполне удачной.

Прямо по лицу себе надавать хочется. И страшно. Безумно. Потому что я знала — это были мысли, вызванные действием вещей Дамаль.

Кажется, я начинаю понимать Хищниц. Это мне почему-то повезло, и вещи не слишком сильно на меня влияют. А если нет такой выдержки?

Да, с такими мыслями еще и Ордену сочувствовать начну.

Я покосилась на темноволосый затылок таксиста. Тот слушал тоскливый романс по радио и насвистывал в унисон. Главное — с разговорами не лез, и то хорошо.

Кое-что из болтовни Леона меня заинтересовало. Значит, в Ордене считают, что вещи Дамаль когда-то принадлежали мужчинам? Насколько достоверны эти сведения?

Я уставилась на свои руки, на ногти, покрытые бесцветным укрепляющим лаком. Сегодня впервые в жизни мне на самом деле захотелось убить человека. Причем причина-то казалась вполне себе хорошей. Убрала бы будущего Инквизитора или Палача, или кто там у них еще есть.

Нет, нет, нет! Я зажмурилась и по-детски зажала уши ладонями, потрясла головой. Никогда я не поддамся таким желаниям. Никогда! Я хочу разрушить Орден, хочу, чтобы его последователи прекратили издеваться над женщинами, но убивать — нет, не могу. Одно дело, если ты вынуждена защищаться, и совсем другое — уничтожить лишь за то, что глупый мальчишка с детства подвергался промывке мозгов.

Я открыла глаза, встретила взглядом с водителем, который смотрел на меня в зеркало заднего обзора. И кивнула: мол, все в порядке. Наверное, я была похожа на обиженную любовницу. Ну и ладно, так безопаснее.

В этот раз отель был гораздо дешевле и не в самом презентабельном районе. Это даже скорее был хостел. Аккуратный, девятиэтажный, в красно-белых тонах и с интересными рисунками на стенах. И очень много молодежи. Веселой неформальной молодежи, которая в этот поздний час и не думала засыпать. Группки молодых людей сидели в баре, рядом с ресепшеном, куда-то выходили, болтали. Я на миг испытала укол зависти, настолько беззаботными они выглядели. И тут же мысленно сама себе дала затрецину. Смысл завидовать кому-то?

На ресепшене я, поколебавшись, все же решила взять четырехместный номер. Показалось, что так будет безопаснее.

Телефонный звонок настиг меня, когда я уже зашла в номер и поздоровалась с соседками — тремя веселыми девушками, явно подругами. Они успели мне сообщить, что приехали на музыкальный фестиваль. Извинившись, я бросила рюкзак на верхнюю кровать, а сама вышла из

номера и прикрыла дверь.

Звонила Аделина.

— Ева, Ева, — она редела в трубку, — это ужасно! Абби...

— Что такое?

— Она попала под машину, Ева! Ее нашли утром, на обочине. О-о-о-о-о!

У меня похолодел затылок от новости. Пару секунд я тупо выслушивала завывания Аделины, потом дошло: Абби больше нет. Скромной и приветливой женщины, которая так помогла и поддержала меня, больше нет на этом свете.

Я постаралась не моргать, так как глаза подозрительно защиало. Прислонилась к стене и спросила:

— Кто сбил — известно? Как это вообще произошло?

Так, главное — не реветь, не привлекать к себе внимания.

— Ищут. Нашла ее парочка, возвращались откуда-то утром, остановились с пробитым колесом и увидели в кустах тело. Полиция сразу приехала, мне позвонила уже Элис. Ее вызывали на опознание.

Элис была двоюродной сестрой Абби и единственной родственницей. У нее вещей Дамаль не было.

— А откуда ты ее знаешь?

Аделина шмыгнула носом и гнусаво произнесла:

— Мы с ней в библиотеке познакомились, долгая история. Вообще, я решила прийти к Абби на работу, взять пару журналов. Прихожу, а там все в шоке. Евочка, это ужасно!

Не то слово. Описать гибель близкого человека нереально. Пустота в голове аж до легкого звона и желание, чтобы все вокруг оказалось страшным сном.

Я потрясла головой, что-то сорвалось с ресниц. Провела рукой по щеке и поняла, что все же беззвучно плачу.

— Ева...

— Что?

— Мне страшно, — заскулила Аделина, — почему-то всю трясет, спать не могу. Что теперь с твоими планами?

С планами? Ах да...

Я все еще была оглушена свалившейся вестью и никак не могла собраться с мыслями. Смотрела на стену напротив, где легкими штрихами была нарисована балерина, тянущаяся к стайке бабочек.

Абби, как же так? Ты же всегда была такой аккуратной...

— Ева, не молчи, мне страшно.

Голос Аделины дрожал.

— А что планы, — произнесла я, — планы остаются в силе. Я в Париже, завтра с утра поеду в архив, попробую найти хоть что-то про ателье Дамаль. Мне нужен адрес. Абби не успела его найти.

Горло сжало невидимой рукой, так что перехватило дыхание. Я чуть согнулась и проговорила:

— Прости, Дели, я пока не очень хочу разговаривать.

— Я тебя понимаю. Погоди, но ведь адрес ателье мадам Дамаль известен.

— Абби подозревала, что он ложный. Хотела через свои связи получить архивные документы по частным предпринимателям Парижа начала двадцатого века. Но не успела.

Так, дышать ровнее.

— Удачи, Ева, — выдохнула Аделина. — Мысленно мы с тобой. Даже те, кто не знает, что ты делаешь.

Ну да, таких девяносто девять процентов.

Я еще несколько минут постояла в коридоре, глубоко дыша и мысленно оплакивая Абби. Подождала, пока высохнут слезы, и лишь потом вернулась в комнату. Машинально убрала рюкзак в специальную нишу рядом с кроватью, машинально сходила умыться и переоделась, машинально забралась обратно на кровать и обняла подушку. Девочки-соседки куда-то удрали, и никто не мешал мне думать.

Абби успела стать мне подругой. И свалившаяся новость терзала все сильнее. В такой момент я, как никогда, ощутила себя одинокой. Не имея возможности позвонить маме, бабушке, подружкам...

Я даже не могу сейчас обнять любимого мужчину, которого должна ненавидеть. Ненавидеть хотя бы за то, что он один из тех, кто мучает женщин из-за глупых предрассудков. Или за то, что вопреки всем законам логики мечтаю сейчас обнять его и вдохнуть знакомый запах, от которого внутри растекается тепло и чувство защищенности.

«Не бросай меня, Хан...»

Вот собака бесхвостая!

Я треснула кулаком по подушке и тихо засмеялась сквозь слезы. Да уж, мечтать увидеть мужчину, от которого болит сердце, чтобы его уничтожить. Драма века. Можно снимать кино и претендовать на «Оскар». И чтобы в конце мы оба поняли, что не можем жить друг без друга, но, увы, уже поздно. Или наоборот, лучше хеппи-энд? Зрители ведь любят счастливую концовку в виде поцелуев, свадьбы и так далее. Неважно, что будет после. Видимая часть спектакля должна закончиться на позитивной ноте.

Ну и странные мысли приходят на фоне шока. Я перевернулась на бок и поняла, что плакать больше не хочется. Абби в меня верила. Наверное, единственная, кто верила, потому что немногие владелицы просто боялись и предпочитали вообще не думать про Орден. Как ребенок, который прячется от воображаемого монстра под одеялом и считает, что в безопасности.

А я вот монстров решила извести.

В эту ночь не засыпалось очень долго. Встреча с будущим членом Ордена не прошла бесследно. Стоило закрыть глаза, как сразу со всех сторон начинали чудиться шорохи, тихие шаги, дыхание. Я привставала, прислушивалась и обзывала себя параноиком. Потом опять ложилась, и все начиналось по новой. Пока измученный организм просто не отключился. И то ненадолго.

Я проснулась от непонятного толчка изнутри. Резко села и огляделась. Тишина, прерываемая сонным дыханием соседок по номеру. Провела рукой по взмокнутому лбу: так, значит, голос Хана мне приснился. Он звал меня. Откуда-то издалека.

Я улеглась опять и постаралась расслабиться. До рассвета еще далеко, надо отдохнуть и набраться сил.

«Хан, я тебя ненавижу».

«Я мечтаю тебя увидеть снова».

«Я тебе лицо расцарапаю».

«Я безумно скучаю... безумно».

Постепенно перед глазами замелькали обрывки каких-то картинок, и удалось уснуть. Не знала я тогда, что буквально перед этим Хан проснулся оттого, что ему почудился мой голос.

Я этого, увы, не знала.

Глава шестая

Абби пыталась узнать адрес ателье мадам Дамаль через один из архивов Парижа, где хранились данные обо всех частных лавочках с начала восемнадцатого века. Но почему она сомневалась в том, что он настоящий? Думала, что первая владелица и изготовительница вещей нарочно заметала следы, чтобы ее не обнаружил Орден? Возможно. Я хотела проверить, нет ли какого-нибудь предприятия, зарегистрированного на ее девичью фамилию. Или на нечто похожее.

Здание архива, куда я приехала ближе к обеду, выпавшись и как следует позавтракав, подавляло величием. Толстые каменные стены, каждая трещинка в которых просто излучала старину, остроконечные крыши и узкие высокие окна, больше похожие на бойницы. Судя по тому, что я нашла в Интернете, прежде это строение принадлежало какому-то военачальнику с фамилией де Лассье. Он выкупил участок земли у тамплиеров вместе со зданием. И что интересно, больше никаких сведений до времен Наполеона. Тогда здесь впервые решили сделать исторический архив, куда входил и перечень всех частных контор с кратким их описанием.

Записалась я заранее, по Интернету. Классная вещь, честное слово. Я безумно рада, что родилась в свой век, когда получить информацию очень просто. Главное — суметь ею правильно воспользоваться. Да и сама я могу быть не бесправным существом, а человеком со всеми правами и обязанностями.

И в таком цивилизованном мире сохранились остатки мракобесия в виде Ордена. Сжечь бы их напалмом, как тараканов.

Сжечь, ага. Я невесело усмехнулась, глядя в окно автобуса. Почему-то большое количество людей вокруг успокаивало. Как я сумела уже понять, мужчины Ордена предпочитали действовать скрытно и не привлекать к себе внимания. Так что толпа внушала пусть и крохотную, но безопасность. Тем более с утра мне пришла в голову просто ужасная мысль: любой водитель такси мог оказаться членом Ордена.

Вот так паранойя и рождается.

Потом я стояла перед зданием архива и смотрела на него. А прохожие обтекали меня со всех сторон, шли своей дорогой. Осень в Париже выдалась на удивление тихой и теплой. Сейчас старинные здания в этом районе и золотая листва вокруг смотрелись удивительно гармонично.

Рюкзак был со мной. Из вещей Дамаль, после размышлений, решила надеть только шляпку. Ни к чему светить внешность.

Если само здание дышало стариной, то внутри явно его сильно переделали и наштиговали электроникой. Например, тяжелые двери открылись, стоило к ним подойти.

Внутри было прохладно и безвкусно. В смысле воздух ничем не пах. Просторный холл, круглый, с широкими лестницами, ведущими наверх, и просторной стойкой, на которой стояли обычные компьютеры. Вдоль стен, обитых деревянными панелями, — стеклянные шкафы со старинными документами. На небольших табличках можно было прочесть, какие бумаги к чему относятся. Люди здесь ходили тихо, говорили негромко, словно боялись спугнуть тонны накопленной в этом месте истории.

С интересом оглядываясь, я подошла к стойке. Три женщины среднего возраста. Доброжелательные и отзывчивые.

— Доброе утро, — проговорила я по-английски, и, к счастью, одна из них откликнулась.

— Доброе утро, мадемуазель, чем могу помочь?

— Я записывалась на просмотр документов. Алиса Шанталь.

Минута сосредоточенного изучения данных в компьютере, потом быстрая улыбка:

— Да, мадемуазель Шанталь, я вас вижу. Можно ваши документы?

Это пожалуйста. Мои поддельные документы идеальны, не зря я за них такую кучу денег вывалила.

Пока женщина там что-то изучала, я осматривала немногочисленных посетителей. Вот старушка в смешных круглых очках и розовой шляпке, а вот молодая пара с горящими интересом взглядами. Интересно, а они тут зачем? А пожилой человек в коротком пальто, что сидит в кресле, занят чтением потрепанной книги и не обращает внимания ни на что вокруг. Двое мужчин обсуждают что-то на французском и показывают друг другу экраны телефонов. Сотрудники в светлых рубашках и темных брюках ходят бесшумно и быстро.

— Мадемуазель Шанталь, вам надо пройти на третий этаж. Ваши документы.

Я убрала паспорт в сумочку.

— Спасибо.

Надеюсь, я не ошиблась и смогу найти настоящий адрес Дамаль. Потому что, если верить карте, на том месте, где якобы стояло ее ателье, сейчас разбит шумный гипермаркет. И ловить мне там точно нечего. Другие владелицы и Хищницы уже пытались, но остались ни с чем.

Все же здорово, что старинные здания внешне остаются прежними, но внутри у них новая «начинка». Вот и сейчас: светлый бесшумный лифт быстро доставил меня на третий этаж. Здесь обстановка была более деловой и сдержанной: дубовые панели, тяжелые столы, на которых поблескивали мониторы компьютеров и горели небольшие настольные лампы. А еще шкафы, просто море шкафов, заполненных книгами. Зачем? Насколько я знала, основные документы хранились на нижних этажах. Или здесь то, что просят чаще всего?

Многие архивные документы были оцифрованы, и архив предлагал прочитать их на компьютере. Копировать нельзя, правда, ну да неважно.

Еще одна женщина в светлой блузке и темных брюках. В ушах у нее поблескивали сережки с мельчайшими темно-красными камнями.

— Мадемуазель Шанталь, присаживайтесь, вам принесут документы.

— Их нельзя прочитать в электронном виде?

— К сожалению, нет. Вам придется подождать минут двадцать.

Я молча подошла к ближайшему столу и села. Посидеть — это хорошо. Это лучше, чем убегать. Хоть немного отдохну и огляжусь.

Народу в зале насчитывалось человек двадцать. Сидели, читали или с монитора, или едва слышно перелистывали тонкие страницы. Многие держали под рукой блокнотик, куда то и дело вносили заметки. Я отметила, что нет никого с личными ноутбуками. Ах да, тут же предупреждение: нельзя приносить с собой технику. Кроме телефонов.

На столе лежала стопка бесплатных журналов. По большей части рекламных. Я лениво начала перелистывать один из них.

«Пластическая клиника „Бьюти Шарм“ дарит скидки в честь своего дня рождения. Индивидуальный подход к каждому пациенту!»

Я хмыкнула. «Бьюти Шарм» после прошлогодних событий будет мне долго являться в кошмарах. Насколько я знала, сейчас генеральным директором у компании был некто Генри Лайон, дальний родственник Алиссы Тернер.

«Ресторан „Огни Парижа“. Ощути вкус Франции!»

Я не хочу есть Францию!

«Ночной женский клуб „Мадам Дамаль“. Ощути всю

прелесть своей силы!»

Что?!

Я еще раз перечитала строчку, не сильно уверенная в том, что вижу. Потом тряхнула головой и снова перечитала. Надпись не изменилась.

Мне внезапно стало жарко. Настолько, что я расстегнула верхнюю пуговицу рубашки и сняла шляпу.

«Ночной клуб „Миледи“ приглашает на грандиозное шоу для милых дам!»

Что?!

Так, кажется, все же это случилось: я сошла с ума. Интересно, в какой момент? Я поморгала, но нет: на месте строчек о мадам Дамаль красовалась реклама клуба «Миледи».

Что за...

Я зачем-то потрогала пальцем журнал, потом прищурилась. Затем призадумалась и покосилась на шляпу. Что-то внутри меня подсказывало: надень ее. Кстати, хороший совет.

Я не заметила, когда строчки рекламы снова изменились. Надела шляпу и вновь увидела сообщение про мадам Дамаль. При этом оно смотрелось вполне естественно.

Значит, с ума я не сошла, уже радуется. Едва заметно перевела дух и запомнила адрес. Видимо, прочитать про Дамаль могли лишь владелицы вещей. Или определенной вещи?

В любом случае дожидаюсь документов, изучаю и бегу в тот клуб. Кстати, что-то долго несут. Я огляделась, пытаюсь отыскать взглядом беседовавшую со мной сотрудницу. И успела заметить, как она выходит из зала через служебную дверь. Следом за ней последовали еще двое.

И народу в зале стало гораздо меньше. Я увидела, как выходит импозантный старик, постукивая палкой по темно-зеленому ковровину. Из двадцати человек сейчас остались от силы трое. Вот еще двое встали, чтобы уйти. Внутри что-то нехорошо засвербело. Я вдруг поняла, что вокруг слишком тихо. Как перед грозой, когда в воздухе медленно растет напряжение. Вот и здесь так. Я остро ощутила приближение больших неприятностей, хотя пока не могла понять, откуда и каким образом.

Кажется, мне тоже пора отсюда уходить. По-английски, тихо и незаметно. Плевать на документы, тем более все сотрудники куда-то резко пропали.

Я встала, напряженно отмечая, что в зале кроме меня остался еще мужчина средних лет. Вот он как раз никуда не торопился, а сидел, уткнувшись в экран телефона.

Я старалась не сорваться на бег, когда шла к выходу из зала. Потянула на себя тяжелую дубовую дверь... закрыта.

Я как-то глупо дернула ее вперед-назад и услышала голос за спиной:

— Леди Дрейк, не торопитесь.

«Мышка в мышеловке», — мелькнула крайне неприятная мысль, когда я развернулась и прижалась спиной к запертой двери. Эй, на мне шляпа! Вы не можете меня видеть!

Но они явно видели. Пятеро мужчин в безликих кожаных куртках и джинсах, вошедшие через служебные входы. Все как на подбор широкоплечие, сильные и бесстрастные. За исключением того мужчины, что сидел и рылся в телефоне. Сейчас он медленно вставал из-за стола и очень нехорошо улыбался. Очень нехорошо.

— Ева Дрейк, ты заставила нас поволноваться.

— Правда? — Голос у меня немного подрагивал. — А почему вдруг?

Ну да, включить дурочку и надеяться, что отпустят? Идиотский план, но мало ли...

Мужчины тем временем встали полукругом, отсекая мне возможность добраться до высоких узких окон. Наивные, я без юбки не рискнула бы выпрыгивать. Все равно достанут. Только тогда я буду переломанная и беспомощная. А сейчас хоть есть шанс как-то выбраться.

— Удивлена?

— Есть немного, — призналась я. Так, попытка диалога внушает надежду, что можно договориться. Хотя зачем я себя успокаиваю? Они просто играют со мной, как гепарды с мышью.

Проблема в том, что я — мышь бешеная и с ядовитой слюной.

— Господа, я же в шляпе.

— Можешь снять, — скучающим голосом проговорил пожилой, а остальные лишь промолчали. — А, ты же не знала, леди Дрейк, твоя маскировка исчезает на видеокадрах. Тебя засекли еще в аэропорту Непала. И с тех пор аккуратно вели в нужную точку.

Хан, ублюдок!

— Твоя проблема, леди, — продолжал пожилой Инквизитор, я кожей чувствовала, кто он, — в том, что ты полагаешься на других людей. Ты слабая, как и все остальные Хищницы. Ваша слабость в вещах. Вас легко поймать на них, как карася на жирного червя.

О, явно любит рыбалку. Ну или избитые сравнения. Боже, о чем я

думаю!

— Судя по тому, как вы за нами бегаете, вещи и вас привлекают. Тоже себя с карасями сравните или с чем-то позубастее?

Инквизитор усмехнулся. Точно, он явно наслаждался триумфом и хотел меня размазать не только физически, но и морально. Чтобы я поняла, насколько бессмысленной была моя борьба. Эх, да в сравнении с Ханом вы так, мелкая рыбешка, и только. Он вон парой предложений сумел заставить себя ненавидеть. А от вас я хочу просто сбежать.

— У нас иной подход к скверне. Наша задача — уничтожить ее.

— И поэтому вы взяли с собой еще пятерых головорезов? Настолько меня боитесь?

— Тебя? Нет, ты лишь инструмент в руках Дьявола. Мне очень жаль, но уничтожать приходится и инструменты. Ибо скверна имеет влияние на слабую женскую волю. А эти молодые члены Ордена просто должны воочию увидеть таких, как ты. Они учатся.

— Молодняк, — понимающе кивнула я, — понимаю. Будут смотреть, как седой Акела наносит первый укус, а потом набросятся стаей? А почему вы вообще со мной беседуете, а не скручиваете молча?

— Потому что каждый преступник должен знать, в чем его обвиняют. Официально тебе все объявят перед казнью, а сейчас я... считай, что я беседую с тобой, как с заблудшей овцой. Кстати, отдай вещи. Они ведь с тобой?

Ага, так я и сказала.

— С ума сошли? — Я постаралась, чтобы возмущение было искренним. — Таковую ценность я с собой не таскаю. Вещи спрятаны очень надежно.

— Охотно верю. Дэн, проверь ее.

Последняя фраза адресовалась одному из «молодняка» — светловолосому и голубоглазому парню с таким жестоким выражением лица, что мне резко стало не по себе. Будь возможность влиться в дерево — так и поступила бы. Но, увы, меняхватило лишь на то, чтобы до боли в спине прижаться к двери и постараться как можно дольше защищать свое имущество.

Допрыгалась, Ева? Сейчас тебя может спасти только чудо.

Драться я умела. Но одно дело отрабатывать приемы в зале, на татами, а совсем другое — в такой обстановке. От первого удара блондин легко увернулся, от второго тоже, и тогда я применила испытанное средство: ногой по яйцам. Попала. Блондин согнулся с резким выдохом, а я приготовилась отбиваться от остальных. Но почему-то другие мужчины не

тронулись с места.

— С-с-сука, — послышался рык. Это блондин сумел распрямиться и, размахнувшись, вlepил мне такую пощечину, что я не удержалась и упала на колени. В голове мигом зазвенело, а на губах появился соленый привкус. Пытаясь не упасть в обморок, я ощутила, как кто-то хватается за лямки моего рюкзака. А в следующий момент раздался звон и громкий хлопок. После чего послышались встревоженные команды пожилого Инквизитора. Я их, правда, плохо слышала из-за продолжавшегося звона в голове. Сквозь невольные слезы увидела, что мой обидчик лежит на полу. А вокруг его головы расплывается темная лужа.

Снова громкий хлопок, глухой удар упавшего тела.

И еще раз.

Члены Ордена разбежались и скрылись между шкафами. А я тихонько подцепила рюкзак и на коленях поползла к выходу. Толкнула дверь без особой надежды и тут же услышала, как с той стороны ее открывают. Как в тумане увидела перепутанное лицо одной из сотрудниц, чирикающей что-то по-французски. А потом собрала все силы и рванула вперед. Как можно дальше. Едва ли не кубарем по лестнице, затем через подозрительно пустой холл и на улицу.

Солнце ударило в глаза, кто-то рядом встревоженно вскрикнул:

— Мадемуазель, что с вами?

Я увидела вокруг удивленные взгляды и поняла, как смотрюсь со стороны: перепуганная, наверняка лохматая, да еще с кровью на лице. То место, куда меня ударил блондин, болезненно пульсировало и явно выделялось из общего вида.

Черт, срочно такси! Я огляделась, понимая, что обратиться в полицию не рискну. Вдруг лапы Ордена достанут меня и там.

— Такси, мадемуазель?

Довольно низкий женский голос заставил радостно встрепенуться. Да! Белое такси, оказывается, стояло рядом со мной. Оттуда выглядывала чернокожая женщина с густой шевелюрой.

Я буквально ввалилась в пропахший сигаретами салон и простонала:

— В аэропорт.

— Не стоит. Там тебя будут искать в первую очередь.

Что?!

Нет, правда — что?! Я непонимающе и даже с каким-то легким суеверным ужасом уставилась на водителя. Да, обычная негритянка, может, излишне полноватая и немного переборщила с косметикой.

Только скажите мне, почему у нее голос Хана?!

— Не советую на меня кидаться, — продолжила таксистка, — мы можем попасть в аварию. Здесь движение бешеное.

— Ты кто? — тупо спросила я, в душе надеясь, что это идиотское совпадение. И на самом деле незнакомка... ну не знаю, из тайного сопротивления Ордену. Эдакие амазонки, вооруженные вещами Дамаль.

— Ну ты ведь уже сама поняла.

— Хан?!

— Да. Извини, что в таком виде, но и ты тоже не особо правдиво выглядишь.

Ах да, шляпа! Я схватилась за нее и поинтересовалась на удивление спокойно:

— Через видеокамеру на меня смотрел?

— Конечно. Можешь снять ее, кстати, — в голосе Хана прозвучали нотки отвращения.

Я подумала и покачала головой:

— Мне и так хорошо.

— Не сомневался. Но шляпку придется снять, хотя бы в номере.

— Везешь меня своим?

Хм, а почему я так спокойна? Прислушалась к себе и поняла: не спокойствие это, а ледяная ярость. Сдержанная и тяжелая. Прикрытая снаружи видимой невозмутимостью.

— Везу тебя поговорить со мной, — вздохнул Хан, сворачивая в какие-то переулки. Машина начала словно плутать в неведомом лабиринте среди старых зданий.

— Это маска?

— Да. И, Ева, я серьезно. Не стоит пытаться меня ударить чем-нибудь или попытаться причинить еще какой-то вред. Потому что в этом случае я тебя свяжу и в таком унижительном виде доставлю в номер. И, поверь, мне это даже доставит удовольствие. Потому что я на тебя крайне зол.

Ты зол?! Я сжала кулаки и мысленно сосчитала до десяти. Нет, Хан, это я зла, а ты лишь пытаешься меня копировать. Ничего, подождем до отеля. Ты же туда меня везешь?

Несмотря на спокойный тон беседы, я просто физически ощущала витавшее в машине напряжение. Да и взгляд Хана, который он то и дело бросал на меня через зеркало заднего обзора, тоже нельзя было назвать легким. Я же просто превратилась в каменное изваяние. И представляла полянку с баранами, у которых были лица Хана. Нормальные лица, а не то, что он сейчас нацепил.

Мы еще минут двадцать кружили закоулками, прежде чем

остановились у простенького трехэтажного отеля, устроенного в старинном доме с довольно узкими окнами и толстыми стенами.

— Только без сцен, — попросил Хан, выходя из машины и открывая мне дверь. Не из соображений вежливости. Стоило высунуться наружу, как Инквизитор подхватил меня под локоть поистине стальной хваткой. Да еще таким хитрым способом, что даже вывернуться нельзя.

— Идем.

Со стороны мы выглядели старинными подругами или любовницами, уж не знаю. Но я едва не спотыкалась от нахлынувших эмоций. С одной стороны, кожу буквально жгло от злости, с другой — в голове все кружилось от понимания, что он сам нашел меня. И увез подальше от Ордена.

Впрочем, умилялась я исключительно до номера: простого, но довольно уютного, в сине-белых оттенках и с плотными шторами того же цвета, что и ковер возле широкой постели. Отель был из разряда «кровать и завтрак». Так что мебели тут наблюдался минимум. Но я заметила стоящую на специально состаренном комодике вазочку. И стоило Хану чуть ослабить хватку, как начала действовать. Прыжком подскочила к орудию возмездия и попыталась опустить его на голову Инквизитора. Жаль, не вышло, но зато я сумела увернуться от контратаки Хана и отпрыгнуть в сторону.

— Ева, стой!

Мы застыли друг напротив друга. Глядя мне в глаза, Хан стянул с лица маску, точь-в-точь как в фильме «Миссия невыполнима». А я на миг задохнулась при виде его настоящего лица. Вспомнила, как близко оно ко мне находилось, вспомнила, как гладила его по щеке. Пальцы зазудели от воспоминания о чуть колючей от легкой щетины коже.

— Так лучше? — спросил Хан, смотревшийся в женском свитере и бесформенных брюках несколько странно.

— Гораздо, — сообщила я и снова кинулась в бой.

Глава седьмая

Ладно, фраза «кинулась в бой» прозвучала слишком оптимистично. Я нападала на Хана, припоминая все уроки самообороны. В ответ он лишь ловко уворачивался и передвигался по номеру, то и дело заботливо сообщая:

— Ева, слишком резкий удар, можно руку вывихнуть.

Он еще и издевается!

— Да, вот так! Выплесни злость!

После всего!

— Осторожнее, дорогая, ты чуть не ушибла палец на ноге.

После тех ночей, что я прорыдала в подушку, вспоминая, как мы проводили время вдвоем. Он меня кинул, предал, бросил! Он наверняка все это время работал на Орден, жил как всегда и соблазнял женщин!

Скотина!

Красная пелена ярости перед глазами сильно осложнила бой. Точнее, не бой, а его попытки. Да и Хану, видимо, надоело дурачиться.

— Так, все, женщина, ты уже спустила пар. Теперь поговорим.

— Пусти! — заорала я, когда меня при очередной попытке ударить перехватили и бросили через плечо. Нет, все же у всех мужиков какие-то дикарские замашки: то женщин сжигать, то в пещеру утаскивать. Здесь, правда, меня дотащили до постели и швырнули на нее. Я взвилась, но тут же вновь оказалась прижатой к матрасу.

— Фух! — выдохнул Хан, усаживаясь сверху. — Ну прекрати уже! — прикрикнул строго, чуть сильнее вдавливая меня в постель. Но не перекрывая воздух.

И правда, деваться уже некуда.

— Прекратила, — прошипела, с трудом удерживаясь, чтобы не плюнуть в красивую мужскую физиономию.

— Тогда побеседуем. Спокойно и цивилизованно.

— И кто тут заговорил о цивилизации, господин Инквизитор?

— Человек, который пытается ее сохранить.

— Серьезно? Тем, что пытается и убивает женщин? — рявкнула я, чувствуя стальную хватку на запястьях, вздернутых над головой.

Хан нахмурился и явно попытался что-то сказать, но нет. Сейчас говорила я, и только я:

— Такие, как вы, во все времена искали виноватых, прикрывались

высокими словами. А сами устраивали кровавые жатвы. Вы не ведьм уничтожали, а тех, кто отличался от стада баранов! Козлы!

— Ты ничего не знаешь о сути вещей Дамаль!

— Правда? Ты говоришь это той, у которой их пять, но они никак на нее не влияют!

Один — ноль в мою пользу! Хан удивился, хотя и хватки не ослабил. Зато посмотрел на меня так, словно ожидал, что я вот-вот превращусь в какого-нибудь посланца Сатаны. Несмотря на всю серьезность ситуации, мне ярко представилось, как я начинаю зловеще хохотать, а Хан отпрыгивает и пытается осенить меня крестом.

Вот что за дурь лезет в голову?

— Пять вещей, Ева. Что с тобой случилось?! — В его тоне слышалось едва ли не отчаяние. Я поерзала и безуспешно попыталась освободиться.

— Лежи спокойно! — рявкнул вдруг господин Инквизитор. — Ева, да мать же ж твою... Да как так-то! Я же просил тебя не влезать во все это!

— Извини, там от тебя тогда свалилось столько информации, что я половину мигом забыла.

— Ева!

— Что? — невозмутимо поинтересовалась я, стараясь не обращать внимания на то, как приятно ощущать снова его запах и присутствие. — Я не понимаю, господин Инквизитор, почему вы опускаетесь до беседы с какой-то там Хищницей, вместо того чтобы тащить ее на расправу. Грехи отпускаете?

— Да убить тебя готов, — в сердцах сообщил Хан. — Ева, что случилось? Ты же казалась мне разумной женщиной. И сильной. Я просил тебя не касаться этого.

— Извини, — ответила ядовито. — Не в моих правилах слушать советы бывших.

— Погоди... — нахмурился Хан недоверчиво. — Так ты что... обиделась?!

Бинго! Не прошло и года!

— Конечно нет! Я привыкла, что меня ни с того ни с сего кидают мужчины, напоследок вытерев ноги, как о половичок.

Странно, но Хан теперь смотрел на меня совершенно другим взглядом. Даже в душе шевельнулось нечто, почти задавленное тонной обиды и злости. Потом он спросил осторожно:

— Если я тебя отпущу, ты не станешь кидаться?

— Хочешь поговорить?

— Очень.

— Хорошо, — кивнула я покладисто. — Не буду кидаться с кулаками и выпрыгивать в окно. Тем более юбка для прыжков не на мне. Отпусти, а то уже синяки на руках появились, наверное.

Миг — и Хан одним рывком отстранился. Я же села нарочито медленно, потирая запястья и вздыхая. Пусть его остатки совести сожрут, если смогут. Тем более он и правда слишком жестко меня держал.

— Выпьешь чего-нибудь? — поинтересовался Инквизитор, поднимая трубку внутреннего телефона. О, мы перешли к светской части. Отлично!

— Кофе, — отозвалась лаконично. И продолжая прятать взгляд. Боялась, что наш пронизательный, хоть и туповатый в плане женской психологии Инквизитор прочитает там лишнее. Но украдкой-то косилась. Как назло, Хан еще стянул бесформенный женский свитер, оставшись в простой черной футболке. Память услужливо подкинула картины, в которых я скользила пальцами по его рельефным мышцам. Вот черт! Пришлось сжать кулаки и прикусить губу. Расплываться лужицей возбуждения я не буду.

Хан коротко попросил принести в номер кофе, обед и зеленый чай. При этом не спускал с меня внимательного взгляда. Я же старалась не коситься в сторону своего рюкзака. Без вещей уже чувствовала себя голой.

— Присядем?

Я проследила взглядом за рукой Хана. Да, действительно, лучше сидеть там, а то беседовать на кровати слишком интимно.

Но стоило мне пересесть, как я поняла: кресла слишком близко стоят друг к другу. Еще и Хан, мало того что устроился рядом, так вдобавок чуть наклонился в мою сторону. Такое знакомое лицо... я уставилась в район его идеально выбритого подбородка. Такого мужского, твердого... Незаметно сглотнула и перевела взгляд в окно за спиной Хана. Лучше буду любоваться солнечной осенью Парижа, чем смотреть на Инквизитора. Не так больно.

— Итак. — Голос Хана звучал спокойно и несколько вкрадчиво. — Поговорим по душам, Ева.

— Что?

Я просто хмыкнула после слова «душа». А он мигом начал хмуриться. Тем не менее взял себя в руки и продолжил:

— Ева, ты в заднице. Орден решил, что ты — Антихрист. И сделает все, чтобы до тебя добраться.

— А теперь скажи: кого мне винить в том, что меня опознали?

— Тебе что-то скажет имя Аделина Астан?

Я поперхнулась, услышав об одной из владелиц. Самой запуганной и трусливой.

— Что вы с ней сделали?

Губы онемели от страха, спину закололо невидимыми мелкими иголочками. Как? Как они нашли Аделину? Безобиднейшую владелицу, которая слишком сильно привязалась к своей вещи. Иначе давно бы от нее избавилась.

— Мы? — нехорошо ухмыльнулся Хан. — Мы ничего. Нет, правда, ничего. Ева, не бледней, а то упадешь в обморок раньше срока.

В дверь постучали, и я мигом оказалась на ногах. Ближе к окну.

— Ты!

— Это официант, — прошипел Хан. — Сядь, истеричка. Сядь!

Чувствуя, как все внутри дрожит, я осталась стоять у окна. Нет веры ни одному члену Ордена. Особенно тому, с кем спала.

Но в номер и правда вошел официант с тележкой. Думаете, я успокоилась? Ничего подобного, занервничала еще сильнее и положила руку на деревянную статуэтку какого-то животного. Потому что в фильмах очень часто под видом официантов проникают похитители и убийцы.

Но этот в злодея превращаться не спешил. Спокойно расставил все на круглом столе посреди номера, пожелал приятного аппетита и вышел, получив щедрые чаевые от Хана.

Сам же Инквизитор, стоило двери закрыться, повернулся ко мне и вздохнул так, что мне едва не стало стыдно.

— Ну что? — Нет, он определенно читал мои мысли. — Убедилась, что это просто официант? И пистолет под белой салфеткой у него не спрятан?

— Ты мне отлично показал, что доверять никому нельзя.

Я подошла к столу первой, подняла чашку и подозрительно понюхала. Потом спросила:

— Первым попробовать не хочешь?

— Ева, паранойя — это ни капли не забавно.

— Согласна. Так первым попробуешь?

Хан явно хотел произнести еще нечто поучительное, но сдержался. Молча подошел, взял чашку и отхлебнул. Чуть поморщился, возвращая ее мне.

— Слишком крепкий. И горячий.

— Да, — с горечью кивнула я, — вечно тянет к крепкому и это... горячему.

Даже кофе расхотелось пить. Тем более после Хана. Это походило бы на отсроченный поцелуй. Я поставила чашку и отвернулась к окну, за которым погода начала хмуриться. Прямо как у меня в душе.

Нет, все же Хан не дурак. Просто иногда умеет хорошо притвориться. Но сейчас он подошел, почти касаясь меня, и тихо проговорил:

— Ева, я не мог по-другому. Ты оказалась невольно втянута в ту отвратительную историю с «Бьюти Шарм». Я сумел в отчете сделать так, чтобы ты проходила исключительно как случайная свидетельница, ничего не понимающая и не знающая. Но тем не менее сам факт засветки перед Орденом — вещь хреновая. Да и...

— Вы женитесь только на тех, кто воспитан в стиле «покорная овца», — хрипло продолжила я, — а я могла бы рассчитывать только на роль любовницы, что, по твоему мнению, меня бы оскорбляло.

— Ты все же удивительно разумная женщина.

Дыхание Хана за плечом сильно нервировало. До зуда в кончиках пальцев и затылке.

— И поэтому, Ева, я не понимаю, зачем тебе бесовские вещи? Ты таким образом мстишь мне? Но зачем? И чего хочешь добиться?

Я покачала головой и повернулась к Хану. Все так же глядя куда-то поверх его плеча, заговорила. И голос при этом не дрожал, в отличие от меня самой.

— Ты слишком высокого мнения о себе, господин Инквизитор. Да, расстались мы отвратительно, и дать тебе пинка я хотела. Да и сейчас хочу. Но мсть... нет, зачем мне тебе мстить? Ты же мужчина Ордена, который не считает женщин за людей.

Эх, все же голос начал подрагивать от проснувшейся обиды.

— Так что можешь расслабиться. Вещи я собираю не ради мести тебе. Это мое личное дело. Не знаю, почему ты не сдал меня до сих пор своим приятелям и...

Тут я не выдержала и посмотрела молчавшему Хану прямо в глаза.

— Так, не заговаривай мне зубы! Что с Аделиной?!

Хан не стал отмалчиваться:

— Она сдала тебя. И некую Абби. В обмен на избавление от зависимости от скверны.

— Врешь!

Вопль вырвался сам собой, а следом я заорала, вцепившись в Хана, точнее, в его футболку. До треска материи.

— Абби попала под машину!

— Абби пытал Орден, — парировал Хан, в свою очередь схватив меня за плечи, — я сам видел съемку. Ее пытали, а потом пристрелили, но тебя она не выдала. А вот Аделина рассказала все. Она не знала точно твой маршрут, но ты потом сообщила, что летишь в Париж. И обмолвилась про

архив. Ева, ты теперь понимаешь, во что ввязалась?

Абби... Господи, ее пытали. Абби, которая и котенка обидеть не могла. Абби, у которой в дождливую погоду обострялся артрит. А еще она на Рождество любила печь разноцветный кекс, и... и...

Я отпустила футболку Хана, чтобы в следующую секунду замолотить по широкой груди ее владельца.

— Гады, ублюдки!

Удар, еще удар...

— Пожилую невинную женщину! Сильные, да? Перед слабыми!

Бац, пощечина вышла сама собой. А я замерла, поняв, что переступила невидимую черту.

Хан молча коснулся щеки и медленно произнес:

— Никогда больше так не делай. Первый и последний раз я тебе это прощаю.

И что-то мне подсказало: так и правда делать не стоит.

— Сволочи, — произнесла устало, чувствуя, как он вернул руку мне на плечо. — Что тебе надо от меня?

— Все просто, Ева. Ты вляпалась, и ты мне небезразлична, хоть мы и не вместе по определенным обстоятельствам.

Я дернулась, но Хан меня держал крепко.

— Я предлагаю тебе следующее: ты отдаешь мне вещи, а я делаю так, что Орден тебя не найдет. Новый паспорт, новая жизнь в безопасной стране. Что скажешь?

— Ты стрелял в библиотеке?

— Я, — кивнул Инквизитор, а у меня глаза стали по пятаку.

— Ты стрелял в своих братьев?!

— Ты сейчас какого ответа ждешь?

— Это невозможно, — пробормотала я, — нет, нет... нет! Да ты...

— Чудовище? — холодно спросил Хан, стискивая пальцы на моих плечах. — Как ты там меня еще назвала? Ублюдком и уродом? Спасибо, дорогая, безумно приятно слышать. Может, и заслуженно, но ублюдок тебя спас. От участи более худшей, чем смерть. Ты в курсе, что тебя стали бы пытаться? Думаешь, ради того, чтобы выбить сведения? Нет, милая, сведения — дело, конечно, хорошее, но Орден пытается еще ради очищения. Прежде ведьм сжигали, теперь считается, что они через боль очищаются и умирают уже не последовательницами Сатаны.

Я дышала быстро и неглубоко, на слова воздуха не хватало. Только сейчас в полной мере осознала то, что мне грозило при поимке. Сразу в памяти всплыли те сны, что видела в прошлом году, после встречи с Ханом.

Генетическая память... я в нее никогда не верила. Но почему-то в снах я была своим предком. Женщиной, которую сожгли на костре. Женщиной, которая родила за несколько дней до свадьбы, в тюрьме, после пыток. Ребенка забрал предок Хана.

Как порой причудливо переплетаются судьбы. И связывают нас через века.

Сны исчезли со временем. Не знаю, из-за ухода Хана или просто их вытеснили другие проблемы. Но сейчас я их вспомнила. И поняла, что теперь Хан меня поддерживает, так как ноги подогнулись.

Меня настиг запоздалый приступ страха. Такой сильный, что затрясло всю, с ног до головы. И, почувствовав смену настроения, Хан мигом переменял тон.

— Ева, все позади. Все хорошо, пока ты тут.

Я позволила себя обнять, продолжая трястись. Пытки... в голове вертелось что-то про подземелья, страшные ржавые и острые инструменты, запах крови. Голос Хана хоть немного, но успокаивал.

— Ева, ну как ты с таким стрессом ухитряешься собирать скверну? Зачем тебе это? Ты умная и сильная женщина, умеющая любить. Поверь, я не хочу, чтобы с тобой случилось то же, что с другими Хищницами.

Знаете, что мгновенно отрезвляет? Неудачная фраза, сказанная любимым мужчиной. Только что я готова была расслабиться. Но слова про Хищницу тут же все расставили по своим местам. Хан, несмотря ни на что, свято верит во влияние вещей на меня.

Ничем он не лучше остальных членов Ордена. И будь на моем месте другая девушка, мог бы и лично пытаться. Или этим у них занимаются Палачи? Сведения об Ордене были скудными и противоречивыми. Единственное, что я поняла: они преданные последователи средневековой Инквизиции.

Вещи я ему не отдам. Мне страшно? До безумия. Но еще страшнее, что эти твари делают с женщинами. Не только с сошедшими с ума от вещей Хищницами. Но и с теми, кто с помощью них пытается внести в мир нечто хорошее. Или кто просто хранит их, не в силах справиться с тягой.

Я ни капли не героиня эпосов. Но попробую если не разрушить Орден, то хотя бы потрясти его до основания.

Продолжая прижиматься к Хану, я продумывала пути бегства отсюда. Понятно, что добровольно он меня не отпустит. Будет давить, требовать отдать вещи, предлагать золотые горы и безопасный домик в горах Швейцарии.

А у меня перед глазами останется стоять Абби...

Решение пришло само собой. Приподняв голову, я встретилась взглядом с Ханом, а потом... просто прижалась губами к его губам. До боли, до звездочек в глазах. Замерев на секунду, Инквизитор ответил мне с не меньшим пылом.

Его запах, его прикосновения...

Оказывается, за год я не забыла их. А безумно соскучилась. До дрожи в пальцах, скользивших по его мышцам, до сбивчивого дыхания, что переплеталось с его дыханием. До легкого головокружения.

Я задышалась, цепляясь за Хана, отвечая на его поцелуи. Не буду думать, что потом. Просто на время отдамся ощущению безопасности и безграничного счастья. Потому что потом будет, скорее всего, очень больно. Но я не позволю теперь растоптать себя.

Все потом. Сейчас в моей жизни был терпкий запах его туалетной воды, хриплые вздохи и шепот на незнакомом языке, руки, снимающие мою одежду. Биение двух сердец и взметнувшийся из глубины души жар. Который, как я думала, погас навсегда.

Уже потом я буду вспоминать эти часы сумасшествия отрывочно. А сейчас старалась прочувствовать каждую секунду проведенного вместе времени. Потому и раскрывалась навстречу Хану, позволяя делать с собой все. И сама трогала его, терлась и просто сходила с ума.

И бешеное столкновение двух наших стихий продолжалось до того времени, как оба одновременно взорвались на пике блаженства.

Я распласталась у Хана на груди, чувствуя, как колотится его сердце, а дыхание шевелит мои встрепанные волосы. Вот это... сражение.

На что я рассчитывала? На побег? У меня сейчас сложилось чувство, что все кости превратились в желе. Еще и Хан обеими руками продолжал прижимать к себе. И отпускать, похоже, не собирался.

И мы не предохранялись...

Хан шевельнулся, выходя из меня, отчего внутри лениво колыхнулись остатки наслаждения. Хрипло произнес:

— Теперь ты понимаешь, что никуда не денешься? Завтра утром отправишься в безопасное место. И будешь там сидеть, пока не утихнет шумиха. Вещи отдашь мне.

Я кивнула, проглотив лишние слова. Все, время, отведенное нам, закончилось. Пора было приступать ко второй части плана.

— Я в душ. — Голос мой прозвучал слабо. — И... Хан, мы не предохранялись.

Инквизитор обхватил руками мое лицо и приблизил к себе так, что наши носы соприкоснулись.

— Ну и ладно, — прошептал успокаивающе, — будет много детей. Я не против.

Угу, типа, давай, Ева, рожай и дома сиди. В тепле и безопасности. А мы и дальше продолжим свои дела.

— Для начала в душ, — ответила, мягко отстраняясь и сползая с кровати. Ноги дрожали после бурного оргазма.

— Ты меня замучил.

Приподнявшись на локте, Хан с усмешкой наблюдал за моими передвижениями.

— Буду мучить тебя каждую ночь.

Я послала ему улыбку и двинулась в сторону ванны, по дороге прихватив рюкзак.

— Ева...

— Да.

— Зачем тебе рюкзачок? — мягко спросил Хан, садясь на кровати. У меня сердце ухнуло в пятки, но внешне я продолжала устало улыбаться.

— У меня там салфетки и запасное белье.

— Ну так достань их, зачем весь баул тащить.

— Так пока я их найду...

— Ева, — чуть повысил голос Хан, — оставь рюкзак.

Вместо ответа я юркнула за дверь ванной комнаты и торопливо ее заперла. Потом дрожащими от волнения и страха руками начала доставать вещи. Мне повезло, что в отеле все ванные были с окнами. Пусть узкими, но пролезть такая худышка, как я, могла без проблем. Иначе пришлось бы влить на Хана вещами напрямую и сбегать. А я так не хотела. Было нечто мерзкое в том, чтобы манипулировать им таким способом.

Юбка, шляпка, перчатки...

Дверь дернулась от сильного рывка.

— Ева, открой!

Я включила душ на полную мощность и прокричала:

— Погоди немного. Сейчас выйду.

Так, теперь запасной свитер, длинную юбку, толстые носки. Жалко обувь и куртку, ну да лучше куплю новые. Благо наличка есть.

Дверь, кажется, немного треснула.

— Ева! — Хан уже практически рычал. — Ева, быстро выйди!

— Уже вытираюсь!

Я дернула на себя деревянную старую раму. В ванной резко похолодало, а Хан за дверью начал ругаться на латыни. Дверь затрещала, в нее врезались чем-то тяжелым. Кажется, плечом. Замок повис буквально на

«соплях».

Я вскочила на подоконник и быстро глянула вниз. Нормально, главное не думать о плохом. И спрыгнула в тот момент, когда Хан влетел в ванную, снеся дверь напроочь.

Глава восьмая

Идиотка! Хан одним прыжком оказался у окна, выглянул и увидел, как Ева встает с мостовой. От сердца отлегло на мгновение: не пострадала. В следующую секунду он заорал:

— Ева, убью!

Да, не очень разумно, но это пока все, что он мог сказать. В ответ снова получил фигуру с оттопыренным средним пальцем. И попытался взять себя в руки.

— У меня твоя одежда!

Хорошо еще окна ванной выходили на узкий переулок, где из свидетелей их разговора были лишь мусорные баки да воробьи.

— Оставь себе на память, — сообщила Ева.

— Послушай, давай поговорим как цивилизованные... — Хан осекся, когда его перебил звонкий смех девушки.

— Пока, цивилизованный! — Надо было слышать тон, которым она произнесла это слово. — Хан, ты предлагаешь довериться тебе. Тебе! Уже раз предавшему. Извини, я как-то, наверное, слишком недоверчива.

Прыгать с третьего этажа на асфальт Хан не рискнул. Поэтому рванул к выходу, уже понимая, что не успеет перехватить. Идиот! Расслабился, не забрал рюкзак сразу, а потом и вовсе как мальчишка поддался страсти. Коварная женщина явно с самого начала задумала сбежать.

Он пронесся с третьего этажа на первый, как молния. Наплевав на возмущенные вскрикивания позади. Мимо недоуменно заморгавшего администратора, задев ногой чьи-то чемоданы.

Евы нигде не было. Хан обегал три квартала, потом обессиленно опустился прямо на тротуар, не думая, как сейчас выглядит: в мятых брюках и криво натянутом женском свитере. Она опять обвела его вокруг пальца. Его! Инквизитора, на чьем счету были три выслеженные и пойманные Хищницы.

И как теперь ее искать? Хан взъерошил волосы и вдруг увидел, как на колени к нему упали три монетки. Проходившая мимо женщина вздохнула сочувствующе и ускорила шаг. Инквизитор же перевел взгляд с нее на монеты, потом опять на нее и... расхохотался. Неожиданно для самого себя. С этой Евой ему приходится испытывать массу новых впечатлений. За бродягу его еще не принимали.

Продолжая то и дело срываться на невеселый смех, Хан медленно

встал и пошел обратно в отель. Ладно, Ева сумела выиграть себе немного времени. Но это не означает, что он перестанет ее преследовать.

Потому что в его памяти остался запах ее волос, и смех, и взгляд. И то чувство, которое он испытывал каждый раз, оказываясь рядом с Евой.

И еще Хан понимал, что пока он преследует Еву и держит ее в зоне внимания, она в безопасности. Как и Орден. Члены которого многого не знали. Да и сам Инквизитор сомневался в том, что не так давно начал подозревать.

Даже Богдану он пока не мог рассказать всего. Тот бы и не поверил. Хотя... может, все же стоит встретиться с другом и обсудить все.

* * *

Нет, прыжки из окон явно не входили в перечень моих любимых видов спорта. Да, с юбкой в обнимку это делать безопасно. Но больно. На этот раз я приземлилась на четвереньки, содрала кожу на ладонях и явно опять сбила колени.

Хан меня не поймает. Хотя бы потому, что шляпу я надела, едва завернула за угол. А потом побрела проулками, запутывая следы. Адрес того клуба огненными буквами впечатался в сознание. Если там и правда есть владелицы, то надо к ним. Там безопасно. Наверное.

«Точно, — проснулась мнительность, до этих пор было задремавшая. — А может быть, это Орден заманивает таких наивных дурочек, как ты».

Такой вариант тоже имел право на существование, но я сомневалась, что эти шовинисты будут действовать столь изощренно. Да и подобное может прокатить раз, другой, а потом все равно слухи пойдут.

До заветного адреса я добралась вконец измученная и морально и физически. Горели содранные ладони и колени, болела голова и мучила мысль, что сегодняшней секс может иметь последствия. У меня как раз «опасные» дни, мы не предохранялись. Отлично, Ева, у тебя мозгов, как у мартовской кошки! Прыгнула на мужика, а о последствиях не подумала.

«Подумала! — огрызнулась, вылезая из такси и потуже завязывая пояс на куртке. — Я как раз и думала, как удачнее сбежать».

Клуб «Миледи» располагался между двумя старинными зданиями, в трехэтажном доме с двустворчатыми и явно тяжелыми дверями. Никаких ярких вывесок или огней я не заметила. Хотя, возможно, все это включалось с заходом солнца.

Дверь оказалась не заперта. Потоптавшись, я все же с усилием потянула ее на себя и зашла в красно-розовый просторный холл со множеством зеркал и кожаными диванами.

— Добрый день, — слышался женский голос. — Простите, мадемуазель, мы открываемся только в девять вечера.

Ко мне подошла непонятно откуда взявшаяся женщина средних лет в форме охранника. Вежливая прохладная улыбка, коротко стриженные волосы и... знакомый платок, обмотанный вокруг правого запястья. Похожий на тот, что год назад забрал у меня Хан.

— Добрый вечер, я не хочу посетить «Миледи». Я пришла в ютуб «Мадам Дамаль».

И я просто сняла шляпу, давая охраннице увидеть себя. Наблюдая, как меняется выражение ее лица.

— Сестра. — Голос женщины мигом изменился. — Добро пожаловать!

Она взяла рацию и, не спуская с меня взгляда, проговорила:

— Мишель, пришла одна из наших сестер. Нет, прежде не было. Да. Судя по всему, ей нужна помощь.

— Иду, — коротко ответили в похрипывающей рации.

— Садись...

— Ева, — представилась я, опускаясь на один из диванов, — просто Ева. Можно немного воды?

Мне принесли высокий стакан с ледяной минералкой, которой я была безумно рада. И успела выпить больше половины, прежде чем в холл стремительно вошла женщина, при виде которой я невольно встала. Наверное, так бы выглядела королева в изгнании. Темные волосы, уложенные в безукоризненное каре, породистое лицо с прямым носом и высокими скулами, пронзительный взгляд синих глаз, в уголках которых залегли морщинки. Возраст эту даму лишь красил. Как и строгий темно-серый костюм.

— Добро пожаловать, сестра. — Мишель повела рукой, предлагая вновь сесть. — Как ты нас нашла?

— По объявлению. О ночном клубе.

— Верно. Истинную суть увидит лишь одна из нас.

Слово «сестра» почему-то бесило. Сразу наведало воспоминания о «братьях» Ордена. Но я так устала, что просто закрыла глаза на такое обращение. В чужой монастырь, как говорится...

Мишель тем временем кончиками пальцев коснулась шляпы, что я держала в руках.

— Редкая вещь.

— Они все редкие.

— Дамаль обладала способностью проводить в наш мир силу, что наполнила вещи из ее мастерской. Женские вещи. Платков они успели создать много, как и перчаток. Шляпок меньше, я слышала о десяти, но, возможно, их гораздо больше. Много информации оказалось уничтожено.

— Орденом? — тихо спросила я.

Мишель задумчиво посмотрела на меня, кивнула, словно отвечая своим мыслям, и плавно встала.

— Идем, сестра, тебе надо прийти в себя и показаться нашему врачу. Потом поговорим. Тебе явно пришлось трудно.

«Трудно» — это такое миленькое маленькое слово. Я не стала поправлять Мишель, так как не решила пока, стоило ли ей говорить все. После предательства Аделины уже боялась верить кому-то.

Но здесь те, кто, кажется, вплотную знакомы с историей мадам Дамаль. Может, я пойму, как можно применить предметы против Ордена.

«Вот ты наивная, — проснулся внутренний голос, пока я шла следом за Мишель. — Рассчитываешь с кучкой старых тряпок развалить осиное гнездо Ордена. Ну да, отличный план, который ты даже толком не продумала. Ну соберешь ты все — и что?»

А я не знала, что будет потом. Главное — собрать вещи. Не зря Орден так боится. А отсутствие у меня сильной привязанности к вещам давало надежду, что напакостить Ордену получится с ясным разумом.

— Как видишь, я живу над клубом, — проговорила Мишель, пропуская меня вперед. — Заходи. Примешь душ, а я пока позову врача.

Квартира у нее оказалась большой, обставленной старинной тяжелой мебелью из темного дерева, отчего обстановка несколько угнетала. Особенно в сочетании с бархатными портьерами бордового цвета. Очень много картин в резных рамах, и везде запах сушеных роз.

Но хотя бы ванная оказалась современной, с модной душевой кабиной, белоснежными шкафчиками и сантехникой. Я с наслаждением постояла под теплыми, почти горячими струями воды, смывая остатки любви, усталость и пот. Так, не забыть купить таблетки, чтобы предотвратить последствия секса с Ханом.

Ох, он сейчас, наверное, рвет и мечет. Я выключила воду и шагнула из наполненной паром кабинки на мягкий коврик. Огромное белоснежное полотенце висело буквально на расстоянии вытянутой руки. Фух, наконец-то понемногу стало отпускать напряжение. Закутавшись в полотенце, я порылась в рюкзаке, который везде таскала с собой. Так, запасное белье есть, а вот с одеждой проблема. Осталась легкая футболка да то, что было

на мне. Пришлось снова влезать в длинную юбку, свитер и купленные впопыхах ботинки на толстой подошве. Красавица!

Я как раз расчесывалась, когда стукнула дверь в квартиру и вернулась Мишель. Вместе с пожилой кругленькой женщиной в балахонистом светлом платье и с ярко-розовыми волосами. Не знаю уж, была она владелицей или нет, но с порога забросала меня риторическими вопросами, окружила вниманием, и вообще ее оказалось как-то очень много. Царапины мои промыли, смазали, заклеили. Потом сообщили, что мне необходимо как следует поспать, и завтра я буду как новенькая. После чего врач ушла, а я сидела, все еще слыша в ушах ее громкий веселый голос.

Мишель осталась со мной.

— Я дам тебе одну из комнат на третьем этаже, — сказала она. — Тут часто останавливаются сестры, что бывают проездом. Ничего особенного, но удобно и мило.

— Спасибо большое. Я ведь приехала сюда, чтобы узнать побольше о природе вещей.

— Зачем?

Все рассказывать не хотелось. Но и откровенно врать не стоило. Синие глаза собеседницы смотрели прямо и строго.

Я решила просто немного не договаривать.

— Мою подругу убил Орден. Она собирала сведения о вещах Дамаль и уверяла, что их разные сочетания могут быть... необычными. Вплоть до возвращения в прошлое и полного изменения облика.

— Возможно.

— Я очень любила подругу... — Тут у меня на мгновение сжалось горло. — И хочу в память о ней закончить исследования. Она собиралась в Париж, но... не успела.

Да, так себе история. Но лучше меня сочтут сентиментальной дурой, чем озабоченной мстительницей, за которой по пятам идет Орден.

Мишель опять долго на меня смотрела, словно думала: выпнуть меня на улицу или поверить. Потом выдохнула и улыбнулась:

— Хорошее стремление, хотя и несколько экстравагантное. Что знаю — расскажу. У тебя только шляпа?

— Нет, еще... — Я вовремя осеклась и вывернулась: — Еще юбка.

— А, — чуть пренебрежительно протянула Мишель, — самая бесполезная, хотя и забавная вещица. Давай сделаем так. Сегодня ты переночуешь, отдохнешь, а завтра мы поговорим о мадам Дамаль. Хорошо?

— С удовольствием.

— Ну тогда давай перекусим в нашем ресторане.

Да-да, в клубе был ресторанчик, и пахло в нем заманчиво. За столом я оказалась в компании с Мишель и очаровательной блондинкой Кристель. Других владелиц я не заметила, но осторожно спросила о них.

— Мы же ведем обычный образ жизни, — пожала плечами Кристель, — вечерами собираемся здесь, а днем работаем. Клуб — наше с Мишель детище. Здесь же наша, м-м-м, штаб-квартира.

Принесли ужин: кролика с овощами, нежный салат с теплым мясом и кофе. Много кофе с коньяком, который я едва пригубила. Напиться не хотелось. Рано еще полностью расслабляться.

— Как же Орден вас не накрыл?

Мишель хмыкнула, разрезая мясо на ровные кусочки:

— Орден не вездесущ. Кучка снобов, решивших, что спасают человечество. От кого?

— От кого?

— Если б знать, — вздохнула Кристель. — Фанатики — страшные люди. А мы просто не высовываемся. Ну клуб и клуб, их полно в Париже. Чисто женский, тут каждый вечер стриптиз, выступления. Мужчинам просто неинтересно приходить сюда.

— А как вам удалось создать... такое.

— Ты про наше общество? Все просто, Ева. Надо быть хитрой и осторожной. Мы не стараемся творить добро направо и налево, не злоупотребляем нашими вещами. Просто тихо и незаметно ими пользуемся. А заодно поддерживаем друг друга и помогаем тем, кто нуждается.

— И все?

Я-то ожидала признания в том, что назревает заговор против Ордена, а столкнулась просто с кучкой владелиц, живущих по течению.

— А что еще надо? — удивилась Мишель, отхлебывая кофе. — М-м-м, шикарно. Ева, открытое столкновение с Орденом ни к чему не приведет. Лишь к жертвам. Надо просто научиться стать для них незаметной. Пусть ищут вещи, а мы их станем копить и жить дальше.

Какая-то позиция страуса, если честно. Я промолчала: если их устраивает такое положение, то пожалуйста. А мне тут просто переночевать, узнать про Дамаль — и в путь.

— Так у тебя юбка и шляпа, Ева? — спросила Кристель. — Забавное сочетание. Юбка, говорят, напрочь отключает мозги, начинаешь дуричь по полной.

— Зато в ней можно прыгать с третьего этажа, — возразила я. Странно, при надевании юбки мысли, конечно, становились несколько

беззаботными, но разума я не теряла. И что творила — понимала.

— Серьезно? — удивилась Мишель. Она даже чуть подалась вперед.

— Ева, это правда? Я всегда думала, что юбка — это главная ошибка Дамаль. Бесплезная вещь.

— Ну, кроме прыжков, от нее и правда никакого толка, — признала я со смешком. — А у вас какие вещи? Или об этом неприлично спрашивать?

— Здесь все прилично, — улыбнулась Мишель, отставляя чашку. — У меня платок и перчатки. Очень помогают вести дела, знаешь ли. И общаться с персоналом. А уж как ловко я открываю дверь, когда забываю ключи!

— А с тобой это случается часто, — подхватила Кристель со смешком. — У меня чулки. Вещь забавная, я с ними начинала карьеру танцовщицы, потом познакомилась с Мишель и поняла, что не стоит так ярко показывать свой талант. Орден не спит. Так что я теперь спокойно управляю клубом, а в свободное время могу выступить тут. Или станцевать для любовника. Кстати, сегодня выступает новый коллектив «Жаркие танцы». Мальчики там — блеск!

Я едва не поперхнулась кофе:

— Это стриптиз?!

— Ну да, у нас женский клуб, все по-взрослому. Хочешь посмотреть?

Стриптиз? Ну, я уже как-то видела, и, кроме смеха, у меня он никаких чувств не вызвал. Поэтому я неопределенно пожала плечами, даже не знаю, хочу ли. Еще раз посмеяться?

— Ева, уверена — тебе понравится.

— Ну, Мишель, если ты так говоришь...

На стриптиз я осталась. Правда, переделась. Кристель отправила курьера в магазин, и тот принес мне новую одежду, идеально подходившую по размеру. Ничего особенного: джинсы, темно-розовая рубашка и высокие сапоги без каблучков. Но я сразу почувствовала себя не бродяжкой, а цивилизованным человеком.

А про Хана старалась не думать. Хотя невольно представляла, как он бродит по городу и ищет меня. Может, не один, а с целым орденским легионом.

Ближе к одиннадцати в клубе стали появляться посетители. Некоторые подходили к Мишель и Кристель, болтали. Я не знала, владелицы они или нет, вежливо здоровалась и перекидывалась стандартными фразами. Спрашивать у моих новых знакомых не решилась. Не говорят — значит, не надо.

И все же не фанат я ночных клубов. Хотя здесь и была очень милая

обстановка. Без стучавшей по ушам музыки, без бешеного мелькания огней. Лишь приятное и несильное освещение, вкусная еда и милые посетительницы. А еще заводная музыка, под которую танцевали стриптизеры.

Я на них смотрела с хорошим скептицизмом. Нет, наверное, они и правда мастера, но вот честно, голый ковбой, прикрывающий стратегическое место шляпой, это как-то... не мое.

— Ничего танцует мальчик, — проговорила мне Мишель. На парня она смотрела как кошка на особо жирную мышь.

— Нормально, — проямлила я, мечтая уже пойти и лечь в постель. У меня явно шел откат после дневных событий. Немного знобило и хотелось спать. Кажется, Кристель это заметила.

— Мишель, наша гостя уже клюет носом. Бедная девочка. Давай ты ляжешь спать, а утром обо всем поговорим.

Я лишь кивнула и спросила, где мне лучше устроиться.

— Идем, я тебя провожу в одну из комнат.

Уходя, я заметила, как Мишель поманила к себе мальчика-стриптизера, и торопливо отвернулась.

— Ты такая милая, когда смущаешься, — хмыкнула Кристель. Мы поднялись на третий этаж. Шум из клуба сюда не долетал, в длинном коридоре горел приглушенный свет, под ногами пружинил светлый ковер.

— Не люблю стриптиз.

— Мишель его обожает, маленькие слабости — они такие. Иногда им стоит потакать. Да что ты таскаешь с собой рюкзак? Могла бы оставить у Мишель в квартире. Туда все равно никто не зайдет.

— Дурацкая привычка, — откликнулась я. Нет уж, рюкзак я никому не доверила бы. Слишком большая ценность находилась внутри.

Комната, которую мне выделили, оказалась небольшой, но чистой и милой. Кровать у окна, на полу круглый ковер, в углу небольшой письменный стол и кресло, ну и шкаф с зеркальными дверцами. Вот и все. Матовая стеклянная дверь вела в крохотную ванную.

— Не так шикарно, как хотелось бы, но обычно тут останавливаются переночевать и ехать дальше.

— Все великолепно! — искренне сказала я, жадно глядя на кровать. Тело ныло и требовало отдыха.

Мне хватило сил умыться и снять одежду, после чего я забралась под легкое и теплое одеяло и уснула. Крепко, хотя и немного беспокойно. Сама не могла понять, в чем причина беспокойства. Сны снились тревожные, рваные. И в какой-то момент я не выдержала и проснулась.

Тишина. Она давила на уши и не приносила успокоения. Чертовы нервы. Я встала и поняла, чего не хватает: воды. Обыкновенной холодной водички, чтобы попить и снова заснуть. Хлебать из-под крана не хотелось, и я решила рискнуть, пройтись по коридору. Тут наверняка должна быть какая-то кухня. Вряд ли те, кто останавливаются, завтракают в ресторане клуба.

Легкий шум шагов в коридоре почему-то заставил замереть. А затем я, повинувшись интуиции, шмыгнула обратно в постель и затаилась. Натянула одеяло по уши, сама же сквозь прикрытые ресницы наблюдала за дверью. Да, глупо. Скорее всего, просто кто-то возвращается к себе в комнату. Только вот интуиция орала и требовала лежать неподвижно. Я даже сопеть начала, как глубоко спящий человек.

Кстати, еще одно наблюдение: с появлением в моей жизни вещей Дамаль интуиция обострилась в разы. И почти никогда меня не обманывала. Забавно.

Когда дверь в комнату бесшумно приоткрылась, я представляла собой туго натянутый нерв. Где мой рюкзак? А, под подушкой. Это хорошо.

В проеме возник тонкий женский силуэт, потом послышался шепот:

— Ева, ты спишь?

И что Мишель тут понадобилось? Я продолжала посапывать и выжидать.

Владелица клуба помолчала, потом медленно стала подходить. Чем ближе подходила, тем сильнее колотилось мое сердце. И уже совсем скоро грохотало в ушах. Я даже подумала, что незваная гостья может услышать и поймет, что я не сплю.

Мишель обошла всю комнату и шепотом выругалась. Потом заглянула под кровать, выпрямилась и замерла.

— Где же он? — донеслось едва слышное.

Это она про кого, успела я подумать, а потом дошло: рюкзак! Мишель ищет мой рюкзак! Ну а какие еще могут быть варианты? Вряд ли своего очередного любовника или стакан с водой.

Послышался шорох, потом тихий шепот Мишель. Мне приходилось изо всех сил напрягать слух, чтобы услышать, что она там говорит.

— Кристель, ее рюкзака нигде нет! В смысле? Я все обшарила! Да спит она без задних ног. Нет, надо найти сейчас. Орден прибудет рано утром, как договаривались, а я хочу до этого времени обыскать ее вещи. Уверена — девчонка что-то скрывает. Ладно, попробую еще раз все обыскать. Где? О, ты гений!

Я замерла, когда Мишель убрала телефон и беззвучно начала

приближаться ко мне.

— Ева...

Ага, конечно! Я сплю.

— Ева, ты спишь?

Я поворочалась, обняла подушку и снова засопела. Мишель облегченно выдохнула и подошла вплотную, а я внутри вся напряжинилась. Сознание стало прозрачным и словно хрустальным. Как в тот момент, когда в меня целилась Алисса Тернер или когда члены Ордена медленно окружали там, в библиотеке.

Мишель, затаив дыхание, осторожно сунула руку под подушку. Я дождалась, пока она нащупает рюкзак, открыла глаза и молча ударила кулаком в район глаза. Коротко и жестко. Это с Ханом у нас была сильная разница и в весе, и в умении драться. А с какой-то владелицей я справлюсь, зря, что ли, на уроки самообороны ходила.

Одеяло полетело в сторону, когда я выпрыгнула из кровати. Все еще молча. Оглушенная ударом Мишель упала на пол и только открыла рот, чтобы закричать, как я заткнула его ладонью и прошипела:

— Вякнешь — и одной владелицей станет меньше.

Женщина замерла. Вряд ли угроза подействовала, скорее все еще не могла сконцентрироваться из-за удара. Ну мне это на руку. Опрокинув ее на живот, я села сверху и дотянулась до рюкзака. Так, аптечка, пластырь. Заклеила Мишель рот несколькими слоями. Не задохнется, насморка-то у нее нет.

Мысли проскакивали в голове отдельными рублеными фразами. А я сама действовала как робот. Раз — связала руки своими колготками, два — та же участь постигла и ноги. Три — с трудом перевернула и усадила Мишель спиной к кровати. Потом подошла к двери и проверила: замка не было. Плохо, но не критично. Кое-как подвинула тумбочку и кивнула: сразу зайти в комнату не выйдет. Мельком глянула на мобильник: три ночи.

— Значит, так, — проговорила тихо, подходя к Мишель и присаживаясь на корточки, — будешь отвечать на мои вопросы — отпущу. Попытаешься заорать — убью. Мне терять нечего.

Тут главное — говорить нужным тоном, чтобы поверили. Судя по округлившимся в слабом свете глазам женщины и участившемуся дыханию, она поверила.

Пластырь я отодрала сразу, не жалея. Меня ведь они не пожалели. К чести Мишель, она не вскрикнула, лишь поморщилась, а потом прошептала:

— Ты сошла с ума.

— Есть такая версия. Но я предпочитаю более благородный вариант: я себя защищаю. Итак, один вопрос: какого черта? Что я вам сделала?

Мишель облизала губы и бросила быстрый взгляд на дверь. Я покачала головой.

— Я не шучу. Ножа у меня нет, но придушить смогу. Или стукнуть по голове тяжелым. Ты знаешь, что висок проломить довольно легко? И тебя никто не спасет. Твоя подруга Кристель уверена, что ты роешься в рюкзаке, да? Итак, отвечай быстро. Зачем вы сдали меня Ордену?

— Всем хочется жить, — хрипло ответила Мишель. — Думаешь, Орден — это сплошные фанатики и праведники, желающие уничтожить «скверну», как они называют вещи Дамаль? Среди них разные люди. Многие не против поставить галочку в поимке очередной владелицы и получить с нее «скверну». При этом закрыв глаза на наш клуб. Мы никому не мешаем, живем тихо.

— А совесть не мучает? — спросила, на миг окаменев от такой циничности.

— Это вопрос выживания, Ева. И это бизнес. Мы откупаемся малой кровью, чтобы нам давали право жить и не прятаться.

Я не удержалась. Да, мне потом будет стыдно, но сейчас волна холодной ярости затопила всю, до кончиков ногтей. И я словно со стороны услышала звук хлесткой пощечины, увидела, как дернулась голова Мишель.

— Твари, — проговорила сдавленным голосом. — Откупаетесь, значит? Так что, про мадам Дамаль вам ничего не известно?

Мишель молчала, приходя в себя после удара. Я тряхнула ее за плечи и прошипела:

— Будешь тянуть время — убью. У меня и так руки чешутся!

Подействовало.

— Знаю только, что разное сочетание вещей может приводить к интересным событиям.

— Это и я знаю.

Тут я чуть склонила голову к плечу и ласково спросила:

— А на тебе сейчас вещички есть?

Мишель поджала губы, но от моего взгляда не укрылось то, что она попыталась принять другое положение. Так, значит, есть. Куда она могла их спрятать? Я без зазрения совести обыскала начавшую было возмущаться женщину. Из кармана юбки достала платок. Похожий на тот, что был у меня, но бледно-лилового цвета.

— В качестве компенсации, — сообщила, повязывая на шею. — А

теперь извини, мне пора. А это тебе на память.

Я снова залепила ей рот пластырем. Хотелось задать Мишель кучу вопросов, но подгоняло понимание, что Кристель в любой момент может забеспокоиться долгим отсутствием подруги. Так что я нацепила юбку и уже отработанным движением вскочила на подоконник. Третий этаж — право, пустяки.

Не знаю, что им сделает Орден, когда не найдет свою «дань». Но, если честно, жалость лишь кольнула сердце и тут же исчезла.

Я становилась более жестокой. И меня это пугало.

Глава девятая

Хану позвонили утром, когда он только сумел задремать, злой и уставший. Ева как сквозь землю провалилась. Это уже начинало входить у нее в привычку.

— Ты где? — Голос Вацлава мигом разогнал сон. Хан сел и провел рукой по лицу, стирая его остатки.

— В Париже.

— Как успехи?

Хан помолчал мгновение, но все же решил не врать:

— Ева ушла. Кстати, я не знал, что ее пытались перехватить. Она мне сказала, что ее окружили в здании исторического архива, а потом началась перестрелка.

Магистр Ордена грязно выругался и ответил:

— Да, кто-то стрелял в наших братьев. Но мы узнаем, кто это, обязательно узнаем. Как ты упустил Хищницу?

— Ну, у нее были козыри в рукаве. Не волнуйтесь, я от нее не отстану.

— Надеюсь, — делано мягко проговорил Вацлав, — а знаешь почему? Потому что если ты еще раз подведешь меня, то я сильно разочаруюсь.

— Понял.

— И вот еще. Попробуй выманить ее через мать или бабуку. Лучше через бабуку, все же Елена Дрейк — персона светская и на виду, не стоит ей вредить.

Хан на мгновение решил, что ослышался.

— Магистр, трогать невинных, согласно Кодексу Ордена, запрещено. А вы мне сейчас явно намекаете его нарушить.

— Мальчишка, ты мне возражаешь?

— Нет, я лишь напоминаю правила.

— Я знаю эти правила! — рявкнул Вацлав. — Но еще я знаю, что если собрать все вещи, то явится Антихрист и наступит конец света. Поэтому прямым приказом я тебе говорю: ступай и выбей из родственницы Евы все сведения. Не верю я, что она с ними не общается.

У Хана была масса возражений. Но по опыту он знал: спорить со взбешенным Магистром бессмысленно. Поэтому он ограничился кратким:

— Понял.

Вацлав прервал разговор, не прощаясь. А Хан, глядя на замолчавший телефон, от души выругался. Встал и подошел к окну.

Отель он сменил, не смог находиться в номере, где до сих пор ощущалось присутствие Евы. Остановился в историческом центре, в одной из самых дорогих гостиниц. И сейчас смотрел сквозь большое окно на улицу, затянутую пеленой дождя. Семь утра. Где сейчас Ева? Пытается улететь из Парижа или спряталась в очередном убежище? Хан не обольщался насчет ее безопасности. Можно бегать год, ну два, а потом Орден все равно захлопнет ловушку. Так было всегда.

А в Париже сейчас особенно опасно. Приезжие братья плюс местное отделение Ордена, очень сильное и злое. Порой у Хана было чувство, что здесь собрались особо ярые фанатики. Слухи об их отношении к пленным владелицам заставляли Хана морщиться. Он не понимал насилия и пыток. Зачем? Есть современные препараты, под действием которых любой человек выложит всю правду. Он даже как-то обсуждал это с Богданом, на что получил ответ:

— Ты умный мужик, но иногда задаешь тупые вопросы. Они кайфуют. Те, кто пытаются. Понимаешь?

— Нам нужны сведения и вещи. Все это можно получить другими методами, а не средневековыми пытками. Ты же вот убиваешь из пистолета, а не рубишь голову мечом.

— Ну мечом с первого раза еще наловчиться надо, а я против бессмысленной жестокости. Потому и не пытаю, а просто привожу приговор в исполнение. А эти наши пыталыцики — они наркоманы, Хан. Они кайфуют от чужой боли и верят, что таким образом очищают владелиц от «скверны».

— А сам-то ты веришь в очищение? — спросил тогда Хан. Его друг промолчал, а потом и вовсе перевел разговор на другую тему.

Сейчас Инквизитор продолжал смотреть на дождливый Париж. Потом позвонил вниз и попросил принести завтрак. После этого связался с местным отделением.

— Мне нужны сведения о Джессике Дрейк, сброшу сейчас ее данные.

— В течение пары часов будет готово. Сбросить на вашу почту, мистер Зегерс, или хотите забрать распечатанные данные?

— На почту.

Хан сейчас никого не хотел видеть. И, желательно, слышать. Внутри все еще покусывало бешенство от побега Евы. Сбежала! Через окно! Кулаки сжимались сами собой при одном только воспоминании: зараза выпрыгивает и бросает на него такой взгляд, что сразу ощущаешь себя самым главным зубрилой в школе.

Стук в дверь раздался, уже когда Хан умылся и оделся. Пришла

миленькая официантка с тележкой, на которой разместился завтрак. Вкусные запахи, крепкий кофе, симпатичная девушка — в другое время Хан бы с радостью ее соблазнил. Просто так. Для здоровья. Сегодня же молча выдал чаевые и выставил за дверь. Не до женщин.

Данные пришли ровно через два часа. Хан к тому времени успел позавтракать и прочитать пришедшие на почту новости от Ордена. Про Еву ни слова, к счастью. Зато в Париже сегодня поймали двух владелиц, которые держали здесь ночной клуб.

Джессика путешествовала, и явно с наслаждением. А как еще может быть на Мальдивах, где она сейчас находилась? Хан почесал затылок и начал вспоминать, где лучше всего купить плавки и билет на ближайший рейс туда.

* * *

Горячее солнце пополам с морским ароматом ударили в Хана, стоило выйти из небольшого самолета, который доставил его на нужный остров. Инквизитор даже замер на пару секунд, глубоко вдыхая свежий и пропитанный негой воздух. Мелькнула трусливая мысль: плюнуть на все, найти Еву и спрятаться здесь. Но уже через миг пришло отрезвление: от Ордена не спрятаться. Даже если они с Евой смогут укрыться, останутся родные. У нее.

А у него, кроме семьи Магистра Вацлава, никого нет.

Отель, где отдыхала Джессика, Хану сказали. Заодно спросили, не нужна ли помощь. Ну да, конечно, ему обязательно понадобится поддержка всего Ордена, чтобы пообщаться с пожилой женщиной, пусть и острой на язык. На словах же он вежливо ответил, что привык работать один.

Джессике удалось найти не сразу. Она словно растворилась в атмосфере острова, где отдыхающих было не так уж и много. Хан проверил номер, заглянул в бар, в спа-комнатки, побродил по пляжу и едва поборол искушение поплескаться в океане. Уж слишком заманчиво блестела под солнцем вода. И девушки в бикини. Некоторые из них весьма красноречиво поглядывали на Хана, чуть приспустив солнцезащитные очки. Но образ Евы заставлял остальных женщин отступать на задний план.

Вот ведьма! Выпороть и сжечь!

И бабуля у нее такая же. Хан почти два часа ходил по территории отеля, злясь все больше. Администрация отеля лишь разводила руками. Нет, экскурсий не было, нет, туристы сегодня никуда не выезжали. Где

Джессика? Понятия не имеем, туристы могут свободно перемещаться по территории отеля.

И когда Хан уже практически кипел, он все же отыскал Джессику. И понял, почему мог уже несколько раз проходить мимо нее.

Бабуля сидела в баре на открытом воздухе, за длинной стойкой. Все стильное, в лазурно-белых оттенках, много цветов и удобные кресла. Народу, правда, всего человек пять, основная масса нежилась на пляже.

Джессика выглядела... эпатажно. Хан запомнил ее бодрой пожилой дамой в спортивном костюме. А тут сидела женщина с сиренево-желтыми волосами, поставленными торчком, с зеркальными солнцезащитными очками на лбу, в длинной яркой тунике и просторных шелковых брюках. Плюс куча блестящих местных украшений и высокий стакан с полосатой жидкостью и крохотным зонтиком. В общем, судя по всему, Джессика действительно наслаждалась жизнью.

Хан пригладил волосы и не спеша подошел. Он понимал, что выглядит среди всех этих расслабленных людей несколько странно. Даже в легких белых брюках и такой же футболке, даже в легких сланцах, а не в деловых туфлях, даже с легкой щетиной. Главное отличие: они были расслаблены, а он — нет.

Джессика подняла взгляд от электронной читалки, когда Хан присел рядом. Со стаканом апельсинового сока. Спустя секунду в зеленых, как у Евы, глазах мелькнуло узнавание.

— О, бывший дружок моей внучки, — проговорила Джессика, чуть улыбаясь. — Почему я не верю, что ты оказался тут случайно?

— Потому что у вас хорошая интуиция?

— Потому что у меня хорошие мозги, — парировала собеседница и постучала согнутым пальцем себе по лбу. — А вот Евушке не помешало бы тоже такие завести. Хотя, согласна, на тебя сложно не клюнуть.

— А вы общаетесь сейчас с Евой?

Джессика отодвинула бокал и в упор уставилась на Хана. Тот стойко выдержал взгляд, не привыкать. Сам умел смотреть так, что собеседник начинал заикаться и выкладывал все тайны.

— Зачем тебе это? — спросила Джессика. — Вы же расстались.

— Я ее ищу, — честно сказал Хан, — но она не хочет меня видеть. Я не знаю, как ей это удастся, но найти ее не получается. Нам надо многое с ней обсудить.

— Знаешь, дорогой, я тебе скажу одну вещь: если женщина прячется так, что ты ее не можешь найти, то лучше смирись. Ты ей не нужен. Потому что когда мы любим, то, даже прячась, оставляем подсказки, где

нас искать.

Хан откашлялся. Да, в чем-то Джессика была права. Но она не учитывала некоторые факты.

— Значит, вы с Евой не общаетесь?

— Если я скажу «нет», ты меня убьешь?

А вот этот вопрос заставил Хана онеметь. Он просто уставился на Джессику. А та снова чуть улыбнулась и пояснила:

— Знаешь, я ведь не дура. Когда твоя внучка внезапно исчезает и не желает общаться, а потом приезжает ее бывший друг и начинает выпытывать — где Ева, а не общаюсь ли я с ней... это наводит на определенные мысли. Хочешь повлиять на нее через меня? Взять меня в заложницы?

— А толк будет? — в тон ей спросил Инквизитор, отхлебывая ледяной сок.

— Моя внучка позвонила мне год назад, — проговорила Джессика, разглядывая кольца на пальцах, — сказала, что она уезжает очень далеко. И у нее будет другой номер на другое имя. И она больше не станет звонить, пока не решит свои проблемы. Понимаешь, дорогой? У нас нет связи. Ева попросила меня сменить номер телефона, чтобы у нее не было искушения позвонить мне. Я это сделала. Еще она заблокировала свою старую почту, все странички в соцсетях и прочее. Так что ни я, ни Елена не знаем, где она и что делает.

Собеседница подняла взгляд на Хана, и тот вдруг ощутил, что сок отдает горечью.

— Когда моя внучка исчезла с таким заявлением, я попала в больницу. С инфарктом. Но поняла, что надо просто ждать. Ждать, пока Ева снова появится. Если ты думаешь, что сможешь выйти на нее через меня, то ошибаешься.

— И вы даже не пытались узнать, что происходит?

— Я знаю, что пока не вмешиваюсь, через меня не могут выйти на Еву.

Хан провел пальцем по запотевшему стеклу бокала. Да уж, Ева хорошо все предусмотрела.

Пытать Джессику он не собирался. Просто не видел смысла. Но она все же оставалась хоть какой-то нитью, через которую возможно связаться с Евой.

— У вас много родственников?

— Она не поедет ни к одному из них.

— Тем не менее.

— Есть родственники в Майами, в Онтарио, еще парочка проживает на

острове Виктория. Ну и все. Кстати, Ева мне тогда сказала, что ее не надо искать ни у родных, ни у друзей.

— Кто бы сомневался.

Хан потер затылок и огляделся. Хорошо тут, так и тянет расслабиться. Когда он последний раз был в отпуске? Ответ — никогда. Член Ордена всегда на страже и должен быть готов в любой момент сорваться на другой конец мира.

Сначала это безумно интересно, но в какой-то момент понимаешь, что живешь интересами Ордена, а свои прячешь подальше.

— Джессика, Ева никогда не показывала вам вещи с кружевами? Вот такими.

Хан достал из кармана телефон и, открыв фото с платком, развернул его к собеседнице. Та, чуть прищурившись, изучила снимок и качнула головой.

— Извини, нет. Вещь явно старая, а Ева предпочитает современность.

«Знали бы вы, леди, что предпочла ваша внучка».

— Вам придется поехать со мной.

— Серьезно? — переспросила Джессика, чуть вскинув тонкие брови. — Как ты себе это представляешь?

— Вы сейчас соберете вещи, и мы отправимся отсюда...

— Куда?

— Для начала к вам домой, откуда я начну поиски Евы.

— Думаешь, я все-таки прячу ее под кроватью? — усмехнулась Джессика. — Ну а если я сейчас закричу и позову охрану?

Хан со вздохом сцепил руки в замок и положил их на стол. Тихо проговорил, взвешивая каждое слово.

— Послушайте, я в принципе не хотел сюда ехать, мы не трогаем тех, кто вне нашей компетенции. Но мое, кхм, начальство решило нарушить свои же правила. И у меня серьезные подозрения, что если я сейчас вас отсюда не заберу, то вместо меня пришлют другого. Или других. И они не будут столь вежливыми.

— Угрожаешь?

— Открываю карты, только и всего.

— То есть ты у нас «хороший полицейский»?

— Скорее — правильный, — вздохнул Хан, — тем более не люблю пытаться. Вы просто отправитесь со мной туда, где Ева.

— А ты ее найдешь?

— Да, это вопрос времени.

— Тогда зачем я?

— Ева вас любит, — протянул Хан задумчиво. — Скорее всего, ей очень не понравится то, что вы со мной. Скорее всего, она захочет вас забрать. И отдаст то, что я попрошу.

— А если нет?

— Отдаст, — спокойно возразил Хан. — У вашей внучки, Джессика, есть слабость. Она очень любит вас и Елену. Потому и порвала с вами все контакты. Возможно, это могло сработать, не разбуди она такое гнездо ос.

— Трутней, — поправила его Джессика со смешком. — То есть ты собираешься взять меня под локоток и обменяться с Евой подарками?

— Вроде того.

— А с ней самой ты что собираешься делать?

Вопрос в лоб. Хан едва не отшатнулся, хотя и понимал, что его стоит ожидать. Джессика же внимательно за ним следила, вся как-то подобрившись. Да уж, понятно, в кого Ева.

— Вреда ей я причинять не хочу.

— Мне бы конкретики.

— В отличие от других своих коллег я хочу просто забрать некоторые вещи, а саму Еву спрятать. До поры до времени.

— А она-то согласится?

— У нее нет выбора, — мрачно проговорил Хан. — Вы не понимаете всего масштаба происходящего. Ева в бегах, за ней охотятся очень опасные люди. Опасные и жестокие. Итог один: ее поймают. Так лучше это сделаю я.

— Но раз там такие опасные люди, думаешь, они перестанут ее искать, заполучив какие-то там вещи?

— Нет, конечно. Ева погибнет, появится другая девушка, с новым паспортом и новой жизнью. Скорее всего, с новой внешностью.

— О как!

Джессика откинулась на спинку кресла, продолжая сверлить Хана взглядом. Тот не торопил ее с ответом, понимая, что подобные новости сваливаются на голову не каждый день.

— Выбора ты мне особо не оставил, — проговорила она наконец. — Только вот и верить тебе я не знаю как. Где гарантия, что, получив нужное, ты не убьешь меня и Евушку?

— Нет гарантий, кроме той, что я люблю Еву.

Он сказал это, как нырнул с головой в холодную воду. Аж пронзило ознобом до глубины души от собственных слов. Таких простых, но едва ли не самых искренних в его жизни.

— Люблю, — повторил, пробуя слово на вкус. — Только поэтому я

сейчас здесь. И беседую с вами.

Хан так и не понял, что больше произвело впечатление на Джессику: его признание или честность. Но она, подумав еще пару минут, кивнула:

— Но учти, мальчик, билеты за твой счет.

— Все к вашим услугам.

* * *

О пожаре в ночном клубе я узнала из дневных новостей. Когда сидела в кафе, далеко от туристических троп, и пыталась поесть. Вроде и паста выглядела аппетитно, и кофе пах просто божественно, а в горло толком ничего не лезло. Еще и новости эти, от них и без того не радужное настроение испортилось окончательно.

Я могла сто раз гнать от себя ненужные мысли, но лучше взглянуть правде в глаза: меня загоняли в угол. И не потому, что дура. Хотя только дура могла в такое ввязаться из-за бросившего ее мужика. Просто я не учла главного — предательства от тех, кто со мной в одной лодке. И пока эта мысль никак не могла уложиться в голове. Ведь владелицы всегда скрывались от Ордена, боялись и ненавидели его. Те, кто о нем слышал, конечно. Так неужели им хочется и дальше жить в постоянном страхе и видеть, как менее удачливых владелиц пытаются и убивают? Двадцать первый век... хотя о чем я!

Горечь внутри грозила выплеснуться наружу. Я сделала глоток кофе и поморщилась: несмотря на сахар, он тоже горчил. Вся сложившаяся ситуация говорила, нет, кричала, об одном: мне стоит затаиться. На время, пока шумиха немного не уляжется. А потом двинуться дальше.

— Как же вы так? — пробормотала, смаргивая влагу с ресниц. Вопрос относился к владелицам клуба, судьба которых явно была незавидной. Ну а с влагой все обстояло проще. Я представила, что среди членов Ордена, сжигавших клуб, мог быть и Хан. Слишком тяжелая мысль для женщины, еще недавно целовавшей его.

Что-то еще крутилось на грани сознания. Что-то я забыла сделать, но не могла вспомнить из-за всех новостей и постоянных перемещений.

Нет, затаиться придется. Это ясно, как и то, что Хан явно закусил удила и теперь уже ищет меня всерьез. Хотя и до этого он вряд ли шутил.

— Скотина, — прошипела себе под нос и едва не ударила кулаком по столу, но сдержалась. В этом полутемном маленьком кафе посетителей было не так много. А я не хотела привлекать лишнего внимания.

«Скотиной» был, конечно, господин Инквизитор. Какого черта он попался мне на пути год назад?

Место, где можно спрятаться, у меня было. И искала я его сама. Как чувствовала, что лучше сохранить в тайне от всех, включая подруг-владелиц. Хорошее место, уединенное, купленное на другое имя. Дом, спрятанный в лесу, в нескольких километрах от небольшого городишки. Раньше там жил мужчина, мнивший себя великим философом и социопатом. Пока не встретил женщину, с которой все его прежние убеждения рассыпались в труху. И он выставил дом на продажу, ну а я его купила. И заранее отвезла туда все, что может потребоваться, если нужно на некоторое время залечь на дно. Туристов там не бывает, природа неплохая, но сильный ветер и холодно. И вряд ли кто-то свяжет меня с тем местом.

А потом снова в бой. Пока буду сидеть взаперти, зарююсь в те документы, что сумела достать за год. Надо выяснить, куда стоит ехать в поисках вещей.

А Хан пусть ищет меня до чертиков в глазах.

* * *

Хан всегда старался продумывать свои поступки на два шага вперед. Вот и с Джессикой он наивно решил, что все предусмотрел. Только не учел одного: ее приверженности к здоровому образу жизни. И болтливости. Причем надо заметить, она не старалась его специально вывести из себя.

— Нам ведь теперь долго проводить время друг с другом, — говорила Джессика, пока они сидели в бизнес-классе самолета, летевшего в Торонто. Хан смотрел на вино в бокале и понимал, что у него отбило весь аппетит.

— Долго, — подтвердил мрачно.

— Надо провести время с взаимовыгодной пользой. — Джессика широко улыбнулась и продолжила: — Могу подсказать, как правильно питаться. Поверь, мальчик, для мужчин это очень важно. Особенно после тридцати. А тебе, кстати, сколько?

— Двадцать девять, — скрипнул Хан зубами.

— Ой, извини, ну, значит, слушаешь для профилактики.

— Думаю, мое питание не должно вызывать у вас интереса.

Джессика задумалась, одновременно ковыряясь в салате. На ее вегетарианскую еду Хан не мог смотреть без легкого содрогания. Там же сплошная зелень и немного сыра. Как таким наестся можно? Нет, их

учили, как прожить долгое время совсем без еды или питаюсь чем попало, но когда был выбор, Хан предпочитал много мяса. Очень много.

— Ты прав, — проговорила Джессика наконец, — и правда, зачем тебе мои советы? Ешь стейки, жареную картошку и не забывай кетчуп. Кстати, любимым блюдом моего мужа была смесь из фри, мясного соуса и плавленого сыра. И, конечно, пиво, алкоголь. Хотя он не был пьяницей. А когда обнаружилась язва, то пришлось забыть обо всем этом. Правда, диету он нарушал часто. Ты, кстати, видел фото язвы? Зрелище так себе, я скажу. Но, опять же, язва появляется при повышенной кислотности желудка, а при пониженной так свои гадости могут вылезти. У тебя какая кислотность?

— Нулевая, — процедил Хан, косясь на выданные улыбчивой стюардессой наушники. Уютный и светлый бизнес-класс с такими удобными креслами сейчас казался едва ли не мрачным казематом. А в роли мучителя — милая пожилая леди с широко распахнутыми глазами.

— Бедняжка, — пожалела его Джессика, наливая себе минералки, — значит, запорами мучаешься. Тут надо на правильное питание переходить. Но я тебе советовать не буду. Поэтому приятного аппетита, дорогой.

Ну вот последнее у Хана пропало напрочь. После слов Джессики он вообще на миг ощутил себя развалиной с кишечными проблемами и почему-то выпадающими зубами. Неприятное чувство. Чтобы избавиться от него, Инквизитор поспешил отрезать кусок стейка и вздрогнул от голоса Джессики:

— А еще мой муж как-то съел непрожаренное мясо и заразился паразитами.

Хан решил, что это будет очень долгий полет. И потянулся за наушниками. Лучше он поест под кино. Любое кино.

Глава десятая

То, что со мной происходит неладное, я поняла не сразу. Мысли были заняты другим. Вместо двух-трех недель пришлось пожить в укромном месте целый месяц. Но я не скучала, несмотря на то, что поселилась неподалеку от небольшого населенного пункта провинции Юкон. Конечно, из дома приходилось выходить замаскированной под женщину средних лет с коротко стриженными седыми волосами и в бесформенной одежде. Но выбиралась я редко, предпочитая сохранять имидж социопатки, которая приобрела дом у дальнего родственника и работала через Интернет юридическим консультантом. Основное время я и правда проводила за ноутбуком, изучая те документы, что удалось найти за год. Из-за вечных поездок и игры в прятки мне толком не удалось их просмотреть. И сейчас я наверстывала упущенное.

За окном ветер гнул ветки деревьев, ударял в стекло. Ноябрь перевалил за середину, и вокруг уже все было покрыто снегом. Отвлекаясь от документов, я расчищала небольшой двор и дорожку перед домом. А заодно дышала свежим морозным воздухом. И отдыхала. Просто спала, ела, разбиралась с бумагами. И думала, что мне делать дальше. Связываться с кем-то не решалась. Уже не знала, кому можно доверять.

Первые несколько дней просыпалась ночью каждые два часа: мне чудились в тишине шаги преследователей, по обшитым золотистым деревом стенам скользили пугающие тени. Приходилось обходить весь дом, убеждаться, что все в порядке, и потом опять пытаться заснуть.

Орден потерял мой след, к счастью. Хотя я понимала, что это всего лишь короткая передышка перед большой битвой. Чего я хотела? Ну уж явно не заставить их устыдиться. Это из области фантастики. Заставить их страдать, бояться? Возможно. Хотя кто-нибудь мог сказать, что я наивная дура.

Да, может быть. Но я не могла спокойно жить и знать, что кучка фанатиков, возомнивших себя спасителями мира, думают, что могут мучить и убивать женщин лишь за то, что они родились... женщинами.

Заметьте, я не феминистка. Но после последних событий заметила, что на мужчин кошусь с несколько зверским видом. А вдруг этот из Ордена? Или вон тот милый бородач в кожаной куртке и на потрепанном внедорожнике? Или грузный владелец бара, который любит поболтать с посетителями? Или...

Так и начинается мания преследования.

Документы дали мне зацепку. Во многих упоминалось, что во время Второй мировой часть вещей Дамаль была утеряна. Затем некоторые всплыли уже в России. Причем пара из них были на самом деле редкими. Ателье шило вещи в основном бежевых оттенков или же с примесью бледно-голубых. Но встречались и черные вещички. В одном из мемуаров владелицы, с которой беседовала Абби, упоминалось о черных панталонах. Если честно, я сначала даже посмеялась. Потом смех прекратился сам собой, когда дочитала до конца. Если верить мемуарам, черные вещи усиливали действие остальных предметов Дамаль. И делали что-то еще, только что — непонятно. Мемуары обрывались на самом интересном, а дальше шла приписка от самой Абби. Оказывается, до владелицы добрался Орден.

Так прошел месяц. И я поняла: хватит отдыхать, пора действовать. Идея с Россией мне пришла по вкусу. Страна огромная, затеряться легко. Правда, русский я знала крайне плохо, но иностранцев там много, так что не проблема. Объясниться смогу. А еще хочу попробовать выйти на след вещей, которых у меня нет в коллекции. И попытаться узнать подробности о черных предметах Дамаль.

А еще пора было вылезать из тени по другой причине. Хан. Слишком много было его в моих мыслях. Если я не занималась документами, то думала о кареглазом Инквизиторе. И медленно сгорала в огне, что разожгла сама. Глядя в окно на заснеженный двор, пытаюсь уснуть ночью и считая тени на потолке, наблюдая за игрой пламени в камине, то и дело мыслями возвращалась к Хану. Где он? Что делает? С кем сейчас? Ищет ли меня? Хотя ищет, конечно. Они все ищут.

Билеты до Москвы я заказала с пересадкой в Торонто и Амстердаме. Больше суток пути. Аж тошно представить. Причем тошно в прямом смысле. Ой...

Я стремглав рванула в туалет и едва успела добежать, как содержимое желудка рвануло вверх. Прощай, завтрак.

Я обнимала унитаз и пыталась прийти в себя. Дыхание постепенно выравнивалось, зато на лбу выступил холодный пот. Но больше не тошнило. Подождав еще минут пять, осторожно встала и открыла ящик, где держала аптечку. Что это? Я отравилась, подхватила кишечный грипп? Но температура была в порядке, да и больше позывов наклоняться к унитазу не было. Живот опять же не болел. Он давно не болел.

Очень давно.

Я замерла, тупо глядя на отражение в небольшом зеркале, все еще

запотевшем после горячего утреннего душа. Черт! Трижды черт! Со всеми этими погонями, переживаниями и размышлениями я забыла напрочь о месячных. Цикл автоматически отмечался в приложении телефона, но я туда не заглядывала уже давно. Когда они должны были прийти?

Десять дней назад. В затылке стало тяжело и как-то нехорошо. Я в отчаянии перерыла всю аптечку, хотя и так знала: тестов на беременность там нет. Я просто не думала, что они мне понадобятся.

И заезжать в магазин уже поздно: пора отправляться в аэропорт. По такому бурану это может занять много времени. А как теперь ехать? И куда?

«Стоп, — холодный внутренний голос задавил панику, — отставить истерику. Езжай в аэропорт, в Торонто купишь все нужное и уже потом будешь решать».

Руки у меня дрожали и были ледяными, пока я накладывала маскировку, похожую на фото в паспорте. Седой парик, чуть затененные очки, бордовая помада и мешковатый костюм. Плюс платок Дамаль под кофту, чтобы быть более красноречивой.

Я заметила, что во время стресса мысли начинают течь слишком ровно и спокойно. Так и в этот раз. Пока ехала до аэропорта в Уайтхорс, мимо белых полей и одиноких домиков, то чувствовала себя хрустальной куклой. И пока сдавала багаж, проходила паспортный контроль. Легкая улыбка, спокойные движения и совершенно прозрачные и ровные мысли. Словно паника с истерикой затаились в ожидании своего часа.

Уже в аэропорту Торонто с его стеклянными стенами и высокими полукруглыми потолками я бросилась на поиски магазина, где можно приобрести тест. Благо времени было достаточно: целых пять часов. Маскировка пока действовала отлично. Никто не спешил кидаться ко мне с воплем: «Ведьма!». Ну а если бы такое даже произошло, то боюсь, что рискнувший мог получить прямой удар в глаз. Или куда придется. Я сейчас готова была растерзать любого, кто попытался бы встать между мной и тестом на беременность.

К счастью, сейчас в аэропортах можно купить все что угодно. Так что уже спустя час я находилась в кабинке туалета, чьи стены сверкали холодно и неуютно. То и дело шумели вода и сушка для рук. А у меня мир временно сузился до крохотных размеров.

Три минуты растянулись на триста лет. Сердце грохотало, пока я не сводила взгляда с тонкой полоски. Где медленно проступали черточки.

Две. Две черточки!

Кажется, я давно не была так близко к обмороку.

Пришлось ухватиться за тонкую стенку кабины, стараясь удержаться на ногах. Как так?

«А вот так, — резанул безжалостно внутренний голос, — забыла тогда принять меры предосторожности. Получите, распишитесь: сюрприз от Хана».

Меня опять замутило, на этот раз от страха. На спине и лбу выступил холодный пот. Нет, это невозможно! Нет, нет, нет!

Но две полоски красноречиво шептали: «Да, да, да».

Меня все-таки вырвало. И из кабинки я вышла той еще красоткой. Из зеркала над раковиной на меня глянуло нечто бледно-зеленое, с тенями под глазами и размазанной помадой. Но если последнее я устранила быстро при помощи влажных салфеток, что делать с беременностью, пока не знала. Точнее, знала, но не могла решиться.

Я не знаю, сколько еще продержусь. Меня могут банально убить или схватить в любой момент, пытаться. Сразу вспомнились прошлогодние сны из жизни моей много раз «пра» бабки. И ее незавидная судьба. Она родила ребенка в тюрьме, и счастье, что его забрал один из инквизиторов, предков Хана, чтобы отдать бездетной семье.

А что станет с моим ребенком, когда меня поймают? Я слишком сильно вляпалась во все это и теперь не смогу даже мирно отступить. Да и не хочу. Его заберет Хан. И если будет мальчик, то вырастет еще один член Ордена, а если девочка... Тут я вздрогнула, вспомнив рассказы Ирен. Нет, нет и еще раз нет. Не такой судьбы я хотела бы своему ребенку.

— Простите, с вами все в порядке?

Я перевела невидящий взгляд на женщину рядом. Та смотрела с легким испугом. Ну да, лицо у меня сейчас путающее. Впору «Скорую помощь» вызывать.

— Все хорошо, спасибо.

— А... — Тут она увидела тест в моей руке и понимающе кивнула. — Понятно. Вам точно не нужна помощь?

— Спасибо, — я зачем-то соврала, — меня снаружи муж ждет.

Успокоившаяся незнакомка кивнула и вышла первой. А я еще минут пять стояла у длинного ряда раковин и смотрела на себя в зеркало. С Ханом мы занимались сексом месяц назад. Тогда я и забеременела.

Провела дрожащей рукой по лбу. Нет, эта мысль по-прежнему не могла ужиться в голове. Надо что-то решать, и срочно. Обращаться в больницу опасно. Да мне везде сейчас появляться опасно.

Разве что нарушить правило и связаться с той, которая в глазах Ордена была для меня никем. Потому что они не знали, что мы успели

подружиться.

Ирен долго не брала трубку, а когда взяла, то голос ее звучал сонно:

— Кто звонит в три ночи?

— Я...

— Ева?! — Судя по всему, дремота с подруги разом слетела. — Ты где? Ты, блин, где?! Ты вообще в курсе, что вокруг тебя происходит?!

— Ты одна?

— С мужем. И он уже проснулся. Так, я понимаю, что ты мне не можешь и не хочешь говорить, где находишься. Скажи только, у тебя все в порядке?

— Нет, — призналась я, — у меня вообще ничего не в порядке. У меня тут просто... ну дальше уже некуда. Ты сейчас где живешь?

— Живу я в Ванкувере, а сейчас временно в Москве, в России. У Берта здесь дела, а я, как верная жена, полетела с ним. Эй, Ева, ты чего?

А я чего? Я просто рассмеялась, немного истерично. Видимо, мне и правда судьба лететь в Россию.

— Ева, Ева, ты меня пугаешь.

— Я сама себя пугаю, Ирен. Мне нужна будет твоя помощь. В Москве можно будет как-то инкогнито сделать аборт?

— Думаю, да... что?!

— Я могла бы сделать его там, где сейчас нахожусь, но боюсь, что меня могут найти. Орден в Северной Америке очень силен. А я... ты вроде вне подозрений.

— Ева, погоди, какой аборт?! Это... — Тут Ирен запнулась и тихо спросила: — Это ребенок Хана?

Я кивнула и только потом сообразила, что подруга меня не видит. Впрочем, мое молчание уже было ответом.

— А он знает?

— Нет, я от него сбежала и месяц отсиживалась в укромном месте. Сама узнала пять минут назад.

Ирен выругалась слишком жестко для девочки, воспитанной в строгости и почтении к старшим.

— У Берта есть связи, — проговорила наконец. — Прилетай, Ева, не бойся ничего. Но... ты уверена в своем решении?

Я прикусила губу, прежде чем ответить:

— Я ни в чем не уверена, Ирен. Но в моей ситуации это единственный выбор.

— Ты можешь рассказать Хану.

— Не обсуждается. У меня посадка через два часа. Только не

встречайте меня, я отлично доберусь сама.

— Сброшу тебе адрес сообщением, — решила Ирен. — Ох, Ева, у меня нет слов.

— Да ты вроде, наоборот, тараторишь без остановки.

— Я волнуюсь за тебя. Ты пропала, и все, а потом поползли эти слухи. Я немного знаю, но все же поддерживаю связь с братом. И, судя по его намекам, у них там какой-то ужасный переполох. Потом еще Хан звонил, рвал и метал, спрашивал, не в курсе ли я, где ты прячешься.

Я икнула: значит, Хан продолжает меня искать. Хотя этого следовало ожидать.

— Я тебе все расскажу, Ирен. Поверь, меньше всего я хочу втягивать тебя во все это.

— Забей. Нас с тобой никак не свяжут. Просто прилетай. Вместе все решим. Так легче, поверь.

* * *

В детстве я была уверена, что всех беременных постоянно тошнит. А еще они спят большую часть времени. То есть вы поняли, да? Если их тошнит, то они не спят, а как полегчает — опять впадают в спячку. И толстеют. Все это пошло с того времени, когда мне, еще совсем маленькой, мама объяснила, почему уволила одну из горничных. И напугала, сообщив, что если стану гулять подряд со всеми мальчиками, то буду такой же. То есть толстой и с вечной тошнотой. Понятное дело, после этого я на мальчишек смотреть не могла. Уже потом, в школе, постепенно поняла, что Елена банально меня запугала. Боялась, что я могу «найти себе козла с отвратительным характером». А вместо этого я много лет опасалась забеременеть и со всеми партнерами применяла кучу средств защиты. Потом расслабилась, конечно, перешла просто на таблетки или презервативы. После чего появился Хан, которому теперь можно дать прозвище Меткий Стрелок.

В самолете меня, к счастью, во время полета не укачивало. Но когда пошли на снижение, то прямо почувствовала, как начинаю зеленеть. И остаток времени просидела с пакетом наготове. Но вроде желудок успокоился, стоило самолету покатиться по посадочной полосе.

Я прилетела в Москву. Вышла из тени и снова вступила в бой. Только вот теперь правила игры изменились. И я как никогда ощущала себя беспомощной. Выходя из самолета в неизменной шляпе Дамаль, понимала,

что теперь она не панацея. Любая видеокамера покажет мой настоящий облик.

В Шереметьево я старалась особо не оглядываться по сторонам. В конце концов, Орден не вездесущ. И среди огромной толпы вычислить меня сложно. Так что спокойно прошла паспортный и таможенный контроли, спокойно вышла на улицу и огляделась. Никаких такси, только автобус. Благо мне Ирен прислала адрес и подробный маршрут. Ну и я за год путешествий уже почти не страдала географическим кретинизмом. Так что ловко обогнула многочисленных таксистов, что наперебой предлагали свои услуги, и поспешила на остановку. И старалась по возможности молчать. С русским у меня проблемы, говорить на английском — привлекать лишнее внимание. Так что если уж окончательно заблужусь, тогда да — придется рисковать.

В автобусе опять замутило. Я сидела у окна и старалась отвлечься на пейзаж снаружи, но выходило плохо. Там царствовали серая осень и мокрый снег. И яркие пятна рекламы.

Я все же сдержалась до того момента, пока не вышла, а точнее, выскочила, из автобуса. Неподалеку от дверей метро все же склонилась, и меня вывернуло на асфальт. Черт!

Облокотилась о стену, стараясь отдышаться. Проходившие мимо меня люди неприязненно косились, одна женщина пробормотала что-то. Судя по интонации, не слишком хорошее. А вот молодая парочка остановилась и встревоженно спросила, все ли у меня в порядке. Знание языка помогло понять эту фразу. Я кивнула и показала на живот.

— Вам нужна помощь?

— Спасибо, — мне все же пришлось ответить, просто с чудовищным акцентом, — я... я беременна.

— Вы иностранка, — воскликнула девушка, — вам далеко?

Показывать адрес Ирен я не хотела. И кое-как, на двух языках, объяснила, что дом тут рядом и сейчас должен подойти мой друг. Только тогда успокоенная парочка отправилась дальше, а я шмыгнула в метро. Врать плохо, но я уже не хотела рисковать.

Добираться до Ирен оказалось сущим адом. Во-первых, я прилетела рано утром и попала в час пик. И пока доехала до нужной станции, то меня едва не затоптали, пару раз чуть не вынесли из вагона, и я успела немного поплутать. Добавьте к этому постоянную смену голода тошнотой, сонливость — и станет понятно, что к концу путешествия меня уже потряхивало от всего вокруг.

Ирен с Бертом остановились в апартаментах в пятиэтажном доме. В

шумном районе, полном машин и офисов, неподалеку от делового центра, чьи башни смотрели в серое небо. Дойдя до нужного подъезда, я просто позвонила Ирен и проговорила устало:

— Я внизу и сейчас грохнусь в обморок.

— Черт! — послышался вопль. — Уже бегу!

И ведь правда прибежала. Я как раз стояла и разглядывала светлые стены дома, когда из-за стальной двери выскочила Ирен в наброшенном сверху пальто.

— Ева! — Она бросилась ко мне. — Какая ты бледная!

Ну да, я побледнела. Хотя, казалось, куда сильнее? Потому что теплое бирюзовое пальто на красавице Ирен не могло скрыть ее животика. Примерно месяц пятый, может, чуть больше.

— Ты носишься беременной? — выдавила я, пока подруга увлекала меня в теплый и идеально чистый подъезд.

— Движение — жизнь. И я же не на каблуках бегаю.

— Да если бы я знала, что ты в положении, то не стала бы беспокоить!

— О, заткнись! Лучше скажи, что натворил Хан, раз ты от него скрываешься?

Я вздохнула: подставлять Ирен в ее состоянии не хотелось вдвойне. Но меня уже запихнули в просторные апартаменты, состоящие из двух огромных комнат, кухни и утепленной лоджии, похожей на зимний сад, — столько там было цветов.

— Сейчас, сейчас, — успокаивала Ирен, — ложись-ка, дорогая, мы тебя быстро приведем в порядок.

— Давай лучше ляжешь ты. Прекрати бегать, мне на тебя смотреть страшно!

— Я тебя ударю! — рявкнула Ирен. — Да я отлично себя чувствую, понимаешь? Я прямо цвету!

Она и правда выглядела шикарно. Светлые волосы стали еще гуще, кольцами спускались по плечам и спине, на щеках появились ямочки, а в глазах какое-то особенное выражение. И улыбка словно нежнее. Я невольно залюбовалась подругой и сказала искренне:

— Ты просто красотка, но, кхм, не хочу тебя напрягать. Ирен, почему не сказала, что беременна?

— Сюрпри-и-и-из! Никто не знает, кроме Берта и его родителей. Представляешь!

Я представила и охнула. Отчасти еще и оттого, что закружилась голова. Ирен прекратила меня ругать, едва ли не насильно уложила на диван в гостиной и побежала на кухню. А я пока огляделась. Все в бежевых

и бледно-коричневых тонах, классика и уют, мебель явно дорогая, но не вычурная. На стене — телевизор, на небольшом подиуме в конце комнаты — обеденный стол и четыре стула.

— Так, выпей это, а потом пойдешь в душ. Я тебе дам халат.

Ирен принесла огромную чашку с горячим напитком, от которого пахло лимоном и имбирем. Присела рядом и уставилась на меня взглядом ястреба. Я не удержалась и осторожно сделала небольшой глоток.

— Вкусно.

— У меня не было сильного токсикоза, но мутило постоянно. Спасало только это. — Ирен кивнула на чашку. — Так что пей, дорогая, и не переживай. Из этой квартиры не выйдут никакие слухи.

Я слушала ее болтовню, пила чай с имбирем и мне правда становилось легче. А уж после душа и вовсе ощутила себя обновленной. Берта не было, и Ирен сообщила, что он целыми днями проводит с будущими партнерами по фамильному бизнесу. Все крутится вокруг больших денег, так что домой он приходит под ночь. И в семь утра уже убегает. А ей немного скучно, гадкая погода не позволяет долго гулять. Так что я просто вовремя приехала.

Мы болтали обо всем, деликатно обходя тему моего положения. Но в конце концов Ирен все же спросила. К тому времени мы обе устроились на диване, обложившись тарелками с едой и чашками с чаем. Есть мне не хотелось, а вот имбирь с лимоном шел на ура. По телевизору фоном показывали какое-то кино.

— Ева, я никогда не влезаю в чужие дела. Но скажи: что у вас с Ханом?

Я аккуратно поставила чашку на пол, так как руки задрожали. Что-то я стала слишком чувствительной.

— Мы расстались, Ирен. Точнее, он меня бросил. А потом, видите ли, решил снова вернуться.

Конечно, рассказывать всю правду не собиралась. Ирен явно не знала о том, кто такие Хан и ее отец. Может, подозревала, но на этом все.

И пусть не знает, для ее же блага.

— Но если он решил вернуться...

— Ирен, я похожа на игрушку, которую можно за ненадобностью запихать в темный угол, а потом достать? Ты в курсе, как он меня кинул? Он просто сказал, что я не нужна, и ушел. А я рыдала ему вслед!

Голос у меня дрогнул, и пришлось замолчать, чтобы не наговорить лишнего. Ирен не стоит сейчас волноваться.

Но, кажется, я недооценила нервы подруги. Она слушала спокойно,

лишь ноздри носа чуть подрагивали.

— Ева, Хан, конечно, тот еще козел. Я в курсе, как он любит мимолетные романы. Но думала, что с тобой будет по-другому.

Ну да, еще как по-другому. Я усмехнулась и промолчала.

— Иногда, дома, — продолжала Ирен задумчиво, — я случайно ловила обрывки разговоров отца и Хана с Богданом. Знаешь, мне порой казалось, что они занимаются чем-то... нехорошим. Но нельзя так думать про родных. А теперь этот переполох. Хан мне звонил, Богдан мне звонил. Я им честно сказала, что знать про тебя ничего не знаю, и они вроде отстали. Что происходит?

— Ничего, — пожала я плечами, — просто Хан сошел с ума, только и всего.

— Поэтому ты не хочешь оставить ребенка? — тихо спросила она, кладя ладонь себе на живот. А у меня что-то кольнуло внутри. Совсем глубоко.

— На то есть свои причины.

— Потому что ты не любишь Хана?

Да-а-а, у Ирен деликатности просто море. Но сердиться на подругу не получалось. Слишком взволнованной она выглядела. В ней не было ни грамма притворства. Выросшая в патриархальной суровой семье, воспитанная в закрытой школе для девочек, Ирен сейчас жадно ловила все краски жизни. И щедро делилась ими с друзьями, которыми успела обрасти за год замужней жизни.

— Я люблю Хана.

Вот так, призналась, и сразу даже легче стало. До этих пор никто не слышал от меня таких слов. Жаль, что любовь вышла отравленной.

— Тогда почему? Потому что он воспитан... иначе? Как и Богдан? Но, Ева, такие взгляды у их семей. Мальчики в своих школах, девочки — в своих. Поверь, Хан очень хороший.

— Да. — Собственный голос показался мне чужим. — Да, он очень хороший.

Я не могла попросить Ирен замолчать. Наверное, потому, что сама хотела услышать подтверждение того, что думала про господина Инквизитора. Если мозг упорно шептал, что на своей настоящей работе он мог убивать и мучить, то сердце сомневалось и пыталось найти оправдание его делам.

Проблема влюбленной женщины — она смотрит сквозь розовые очки и всегда пытается оправдать того, кого выбрала.

— Ладно, — вздохнула Ирен, — это твое дело. Но вы с Ханом так

любите все усложнять. Просто если он узнает...

— Не узнает. О беременности в курсе только ты.

— Ну и Берт еще будет. Придется рассказать ему, чтобы он записал тебя на прием к врачу в частную клинику. Он хорошо общается на русском. Я кивнула. Ничего, Берт не болтливый.

Остаток вечера мы проговорили на отвлеченные темы. Я искренне радовалась за Ирен, которая вышла замуж вопреки воле отца. Да, ее изгнали из семьи, но зато она получила любящего мужа и его многочисленных родственников, которые приняли ее как родную дочь. Наверное, я немного завидовала подруге.

После всех перелетов и волнений спать захотелось рано. И в какой-то момент Ирен прервала рассказ и заметила:

— Дорогая, ты клюешь носом.

Я вскинула голову и протерла глаза, в которые словно песок насыпали.

— Извини, устала за эти дни.

— Ну еще бы. Давай ложись. Я постелю тебе в гостиной, здесь раскладывается диван. Я тоже лягу, с этой беременностью стала ленивой обжорой.

На мой взгляд, Ирен ленивой не была, о чем я и сказала. Но подруга лишь махнула рукой и убежала за постельным бельем. Я же переоделась в пижаму, прислушалась к себе: хотелось спать, усталость растекалась по телу, но зато не тошнило. Хотя и аппетита толком не было.

Я отобрала у Ирен белье, постелила и, кажется, уснула прежде, чем голова коснулась подушки. Хорошо, что прошлогодние кошмары про инквизицию больше мне не снились.

* * *

Берта я увидела только утром. И поразились тому, как он изменился. Вечно уставший полицейский превратился в бизнесмена с модной прической и в темно-сером деловом костюме. На руке дорогие часы известной фирмы. И лишь взгляд остался прежним, по крайней мере, когда Берт разговаривал со мной. А уж при виде Ирен он и вовсе становился мечтательно-восторженным.

— Ева, ты любишь сюрпризы.

Про ребенка он деликатно не спрашивал, но Ирен ему явно все рассказала. Подруга сидела и ела третий по счету бутерброд с шоколадкой и огурцом, а Берт пил кофе и краем глаза поглядывал в лежавший перед

ним планшет.

— Извини, что не могу с тобой нормально пообщаться, но тут какой-то кошмар, а не переговоры. Я уже мечтаю вернуться домой, но нам тут придется пробыть еще неделю как минимум. Не представляю, как отец столько лет вел дела фирмы и даже не поседел. Хотя подозреваю, что он красит волосы.

Берт вздохнул, глядя, как Ирен намазывает на печенье слой паштета, и продолжил:

— По поводу клиники. Я еще вечером переговорил с будущими партнерами. Они назвали тут одну, сами там постоянно наблюдаются. Там возможно сделать то, что ты хочешь. Цены правда... но я могу помочь с деньгами и...

— Берт, — перебила я, — никаких денег, спасибо. С финансами у меня пока нет проблем, хотя я и много трачу. Плюс, если что, всегда смогу продать те драгоценности, что мне подарила мама. Скажи, как и что делать.

— Сейчас поедем в клинику, там я помогу тебе записаться на прием. Ну а дальше разберешься. Я знаю, что они работают с иностранцами, так что, думаю, проблем в общении не будет. Милая, а ты что будешь делать?

Последний вопрос адресовался Ирен. Та отложила недоеденное печенье и потянулась.

— Я лягу спать.

— Врач сказал тебе почаще бывать на свежем воздухе.

— Ключевое слово «свежий», — проворчала Ирен. — Я выйду обязательно. Твоя жена ухаживает за собой, не волнуйся.

— Я волнуюсь за вас обоих.

Я молча вышла из кухни, предоставив возможность влюбленным поворковать наедине. Радостно смотреть на них, но при этом в душе разрастается полынная горечь. До привкуса во рту. Черт!

Я рванула в туалет и едва успела склониться над унитазом. Ну вот, рано обрадовалась, что тошнота не вернется.

Вывернув завтрак, я умылась холодной водой и пару минут постояла, разглядывая свою побледневшую физиономию. Потом вышла, понимая, что пора одеваться. Только вот сил не было.

«Взяла себя в руки и оделась!»

Мысленный окрик подействовал. Так что к тому времени, когда Берт собрался уезжать, я уже натянула джинсы и свитер, причесалась и даже замазала синяки под глазами. Шляпу Дамаль спрятала в рюкзак, что взяла с собой. Как и остальные вещи.

Да, все свое ношу с собой.

Поездку я запомнила плохо. Мы сели в темный автомобиль, на заднее сиденье, где я почти сразу уснула. Чего раньше никогда за собой не замечала. Проснулась от деликатного покашливания Берта, зевнула и извинилась.

— Все нормально, — откликнулся друг, — Ирен теперь вообще половину времени в спящем режиме проводит. Такое чувство, что я женился на медвежонке. Спит и спит. И ест.

Интересно, а как бы я вела себя на ее месте? Воображение совсем не к месту подкинуло картину: утро, я сижу в кресле и смотрю, как Хан собирается на работу. У меня живот уже большой, примерно седьмой месяц. А на душе спокойно и мирно. Тут я и говорю ему: «Милый, ты сегодня будешь ведьм расстреливать или сжигать?»

Последняя фраза развеяла всю остальную картину. А я поплелась за Бертом к регистратуре, которая больше напоминала ресепшен в модном отеле. Медсестра с легкостью перешла на английский, попросила у меня документы, и дальше все завертелось очень быстро. После долгих расспросов меня отправили к врачу-гинекологу. Берт пожелал мне удачи и уехал по делам, а я последовала за медсестрой по широким и светлым коридорам. В кабинет попала почти сразу и... начала паниковать.

Потому что никогда еще не оказывалась в подобной ситуации.

— Мадам, вам нехорошо?

Голос у доктора звучал мягко. Я попала к мужчине средних лет, со спокойным лицом и в модных очках. Он выслушал меня, потом предупредил о возможных последствиях и подробно рассказал, как проходит аборт. Не знаю зачем, видимо, чтобы я была в курсе. Но меня едва не стошнило.

— Аборт мы можем сделать не раньше чем через сорок восемь часов после вашего обращения, — продолжал он рассказывать. — Сейчас вы сдадите все анализы, пройдете УЗИ, а потом проведем медикаментозное прерывание беременности.

Эти слова прозвучали холодно и обезличенно. Ну, в общем-то, да, я буду одной из многих.

На какое-то мгновение я почти решилась удрать. Слишком сильной была внутри паника. Она кусалась и пыталась прорваться наружу. Но я продолжала сидеть и невидяще смотреть перед собой.

— Давайте пройдем на осмотр.

И вот тут у меня слезы хлынули градом. Но доктор, видимо, уже привык к подобным ситуациям. Спокойно дал мне одноразовые платки, погладил по плечу и задумчиво проговорил:

— Знаете, это тяжелый выбор. Поэтому мы даем пару дней для принятия окончательного решения. Я могу вам сейчас порекомендовать успокоительное, но...

— Не надо, — всхлипнула я, — уже все... все нормально.

Нормально не было, конечно. Но разводить истерику я не собиралась. А смысл?

— Уверены?

— Выбора нет.

— Идемте на УЗИ, — вздохнул доктор.

Я никак не могла запомнить его фамилию, словно в один момент резко поглупела. Да и в принципе в голове почти не было мыслей. Лишь сплошная темнота и какое-то чувство нереальности. Словно не со мной это происходит.

Я не хотела идти на УЗИ, но это даже не обсуждалось. Надо же убедиться, что я и правда беременна, исключить внематочную беременность и уточнить срок.

И, конечно, на УЗИ слышали сердцебиение.

— Ваш срок — шесть недель, — сообщила узи-специалист, водя датчиком по моему животу. — Сердцебиение прослушивается...

Она говорила еще что-то о нормах и так далее, а я смотрела в белый потолок и пыталась прогнать из головы фразу «сердцебиение прослушивается». Мне не должны такое говорить. Это слишком... жестоко.

Сердце ведь бьется у живых. Да, внутри меня, если следовать логике, пока всего лишь сгусток клеток.

Но сердце, мать его, сердце!

Взятие крови на анализы и все остальное я уже перенесла как-то равнодушно. Даже не дернулась, когда проткнули палец. Безучастно наблюдала за тем, как кровь бежит в колбу, и только спросила, уже когда оказалась в кабинете у врача:

— Это будет происходить долго?

— После результатов анализов я дам вам препарат. Желательно приходить на голодный желудок. Вы пробудете в клинике несколько часов для наблюдения, и если все хорошо, то отправитесь домой. Выделения могут начаться через два часа, а могут через сутки. Я дам вам свой номер телефона для экстренной связи, и запишу на следующий прием через двое суток.

Он снял очки и зачем-то протер их мягкой тряпочкой. Потом снова взглянул на меня и мягко произнес:

— Мадам, вы сейчас можете ехать домой и подумать. Через два дня я

жду вас у себя, сейчас позвоню медсестре и скажу, чтобы записала вас на утро. За это время, пожалуйста, примите четкое решение.

— Да, — прошептала я, зачем-то трогая заклеенную после анализов руку, — да, я приму.

Обязательно приму и останусь твердой.

Глава одиннадцатая

Конечно Берт не ждал, пока я освобожусь. Но он оставил мне подробный план, как проехать обратно. И карту метро. Так что, выходя из клиники, я была уверена, что спокойно доеду до Ирен. А там лягу и буду спать. Просто спать до предела, чтобы не задумываться о том, как было бы...

До метро я добралась часам к двум, голодная и уставшая. Странно, что стала так быстро уставать. И еще до безумия хотелось спать. А вот аппетита все не было. Я специально проверила: зашла в кондитерскую и поняла, что даже любимые эклеры не хочу. И кофе, и молочные коктейли. Даже воду не хотела.

Еще на выходе из клиники я надела шляпку Дамаль, не собираясь облегчать Ордену свои поиски. Кстати, нигде в документах не указывалось, как вещи влияют на беременность. Но ведь владелицы рожали. И передавали дочерям предметы Дамаль. Ну если рождались дочки. С другой стороны, в основном ведь носили одну вещь. Очень редко две. А если таскать пять, шесть или больше?

В метро было одновременно душно и почему-то холодно. Хотя потом я сообразила: на самом деле тут вполне нормальная температура, просто меня знобит.

Так, организм мой, что ты еще предложишь в качестве симптомов беременности?

Оказалось, головокружение. Оно настигло меня, когда я подъезжала к одной из станций. Пришлось выскакивать из вагона и садиться на ближайшую скамейку, благо они там были. Посидев пару минут, поняла, что не помогает. Голова кружилась не так сильно, но виски сдавило от духоты. Мне надо было на воздух, и срочно.

На улице резкий холодный ветер помог немного прийти в себя. Но теперь накатила слабость и задрожали коленки. Да что же это такое?! Сейчас я стала бы легкой добычей для любого члена Ордена.

— Вам плохо?

Женский голос раздался откуда-то сбоку, стоило мне присесть и прикрыть глаза.

— Я плохо говорю по-русски, — пробормотала заученную фразу. Но собеседницу это не смутило.

— Вы говорите по-английски?

— Да.

У нее оказалось хорошее произношение и едва заметный акцент. Я приоткрыла глаза и скосилась в сторону собеседницы.

Рыжие волосы, огромные зеленые глаза, приятное лицо с чуть вздернутым носом, светлый пуховик и... инвалидное кресло. Современное, способное ездить само, но все же инвалидное.

— Вам помочь? Вы болеете?

— Все нормально, — проговорила я, выпрямляясь, — просто... просто я беременна.

Вырвалось само собой.

Пока беременна.

Нет, не думай об этом. Не думай!

— О! — Девушка протянула мне руку. — Меня зовут Лиля. И вон там меня ждет муж на машине. Давайте я вас подвезу до места?

Темно-синий автомобиль и правда стоял не так далеко. А возле него курил приятного вида мужчина.

— Не бойтесь, — расценила мои колебания по-своему Лиля, — я сама в Москве только третий раз. Правда, первые два приезжала просто отдохнуть, а теперь вот... очередная попытка встать на ноги.

— Мне написали адрес, — проговорила я, — одну минуту...

Бумажка нашлась во внешнем кармане сумки, рядом с перчатками Дамаль. Их я держала поблизости, на всякий случай. В то время как платок повязала под свитер, поверх тонкой майки. Край перчаток с кружевами случайно вылез из кармашка, я поспешно его запихала назад и замерла.

Взгляд округлившись глаз Лили не отрывался от моей сумки.

— Господи, — выдохнула, — у вас эта дрянь?!

Наткнуться в многомиллионной Москве на ту, которая знает о вещах Дамаль. Это наводит на подозрения, знаете ли. Я дернулась в сторону, временно позабыв о недомогании. Не верю в совпадения.

— Простите! — Кажется, незнакомка тоже испугалась. — Просто... просто у меня была вещь. Чулки... теперь вот.

Она кивнула на свои ноги, укрытые красивым пушистым пледом.

Красивая молодая женщина, только глаза грустные. Грусть таилась в самой глубине. Но я ее заметила. Наверное, потому, что такое же выражение видела у себя, когда смотрелась в зеркало, и у Абби, и у всех владелиц.

Тем не менее садиться в незнакомую машину я не собиралась. Ни за что! У меня теперь даже рефлекс выработался: вижу незнакомого мужчину, что мной интересуется, — удираю. Тут, конечно, девушка, но ее ждет

мужчина.

— Это у вас из-за вещей? — спросила чуть хрипло. Шок и все такое, но зато самочувствие резко улучшилось. Видимо, организм решил, что сейчас придется удирать, и мобилизовался.

— Косвенно.

Я, конечно, многое слышала, но чтобы из-за ношения вещей лишались возможности ходить...

— Я поплатилась за то, что делала при помощи вещей, — пояснила Лиля. — К счастью, осталась жива. И все же надеюсь когда-нибудь пойти.

Короткий и нежный взгляд в сторону машины.

— Хорошо, что муж поддерживает во всем.

Я не знала, как реагировать на такое. Бормотать соболезнования — глупо, закидывать вопросами — неудобно. Поэтому просто молчала и смотрела на собеседницу.

— Извините, — проговорила Лиля, — понимаю, что смотрится странно то, что я вдруг увидела у вас одну из вещей и начала болтать. Просто я никогда не видела еще кого-то с такими же предметами. Мне чулки достались по наследству, но бабушка уже была немного в маразме и толком не смогла объяснить, для чего они. Я сама поняла и... поддаюсь искушению.

Она смотрела на меня, я же заставила себя пробормотать:

— Вещи Дамаль жестоки и порой могут заставлять делать то, от чего стыдно.

Лиля колебалась. Она снова посмотрела на мужа, что стоял у машины, потом на меня и спросила:

— Скажите, вы не будете против поговорить в кафе? В любом ближайшем. Я попрошу мужа подождать.

Засада или нет? Еще одна любительница подставить ближнюю ради Ордена? Черт, как же сложно везде видеть подвох! Я так хочу расслабиться и просто поболтать с кем-нибудь за чашкой кофе! А, кофе вроде мне нельзя. Хотя какая разница, если через два дня я уже буду опять не беременной.

Внутри все сжалось.

— Вы связаны с Орденом? — спросила прямо, внимательно следя за эмоциями на лице собеседницы. Открытая молодая женщина, не умеет играть. Вот и сейчас я увидела искреннее удивление и непонимание.

— Какой Орден? — как-то даже робко спросила Лиля. — Прошу прощения, может, я неправильно поняла...

Нет, к Ордену она имеет такое же отношение, как и я.

Ну или она шикарная актриса, достойная всех «Оскар» мира.

— То кафе подойдет? — спросила я и ткнула пальцем в первое попавшееся через дорогу. Небольшое кафе с затененными окнами и нарисованной над входом коричнево-бежевой чашкой.

— Вполне. Идемте.

Внутри оказалось не так много народу, а еще было тепло и вкусно пахло кофе и выпечкой. Даже мой многострадальный после утренней тошноты желудок воспрянул духом и захотел чего-нибудь сладкого и почему-то хрустящего.

— Странно, — пробормотала я, когда Лиля выслушала мои пожелания и передала их официантке.

Мы устроились за столиком в углу зала, где тише всего звучала музыка. Удобные кресла и небольшие столики, где не надо тянуться за чем-нибудь. Я чуть поерзала и выдохнула. Да, весьма комфортно. Сняла шляпку, и Лилия снова удивилась. Ну да, согласна, на голове убор смотрелся как обычная шапка. Иллюзия. А теперь перед ней возникла старомодная шляпка с кружевами.

— У тебя две вещи?! — В ее голосе звучал едва ли не ужас.

— Ага, — решила я соврать. Меньше знает — крепче спит.

— Я даже не слышала, чтобы кто-то носил две вещи!

— Что ты вообще о них слышала?

Да, мы незаметно перешли на «ты».

— Очень мало. Говорю же, бабушка, когда мне отдавала чулки, уже мало что соображала. Но в один из периодов прояснения сознания сказала, что они мне помогут в будущем, в танцах.

Лилия замолчала, так как подошла официантка с нашим кофе и пирожными. Я выбрала торт с необычным названием «медовик». Вкусно, сладко. Спустя две ложки желудок решил, что больше не хочет, и я сосредоточилась на кофе и на разговоре. Но настоящее имя не назвала, не рискнула.

— Элизабет, я с детства танцевала. С трех лет меня отдали в школу танцев, а к семи годам я ездила по городам с нашим ансамблем. И так до шестнадцати лет, пока меня не отправили учиться в Париж.

— О как.

— Да, у меня обеспеченная семья. Мама бредила, да и бредит Францией. Ей хотелось, чтобы единственная дочь получила образование в Европе. А мне было... все равно. Я жила танцами. Там была возможность продолжать ими заниматься.

— При чем здесь чулки?

— Они оказались волшебными. Ну, так мне тогда казалось. Сначала я

не стала всерьез воспринимать бабушкины слова. Ну кто в здравом уме натянет старые чулки? Но я бабушку любила, а та очень просила надеть их на выступление.

Лиля сделала глоток кофе и продолжила:

— Ну я как-то раз и надела. Элизабет, было чувство, что внутри меня поселился кто-то, дающий вдохновение. Я танцевала тогда сольный танец. И зал в конце просто встал и хлопал. Понимаешь?! В тот момент я ступила на кривую дорожку. Я впала в зависимость от чулок сразу же.

Я вздохнула и машинально отломилась еще кусочек торта. Он остался лежать на тарелке, как и несколько предыдущих. Да, по документам мне тоже было известно: вещи Дамаль по-разному влияли на владельцев. Кто-то впадал в зависимость быстрее, кто-то сопротивлялся годами. Но итог один: все со временем начинали испытывать болезненную тягу. Мало кто сумел отказаться от них. Добровольно, во всяком случае.

— Твоя бабушка страдала только маразмом?

— Ноги еще болели, — откликнулась Лиля. — Она все просила меня надевать чулки только на выступления. Мол, иначе я расплачусь здоровьем. Но вот серьезно, кто послушает таких советов, да еще в пятнадцать лет.

Боже, она впервые надела вещь в пятнадцать лет?! Чем моложе человек, получивший вещь Дамаль, тем он податливее ее влиянию.

Вывод: лучше бы мне попался платок лет эдак в семьдесят.

— И... ты начала сразу часто их носить?

— Нет, сначала только на выступлениях. Но потом, уже в Париже, мне понравился один парень в коллеже. Ну и...

— Ясно, — вздохнула я.

— Да, я решила понравиться ему.

— Извини, но мне кажется, что тебе необязательно носить чулки для внимания мужчины.

— Скажи это шестнадцатилетней, — хмыкнула Лиля. — Тогда думаешь совсем по-другому. Я надела чулки на занятия один раз, второй. И заметила, что моя походка заставляет мужчин смотреть мне вслед. Понимаешь, это пьянит. Сначала немного, а потом все сильнее я чувствовала себя хозяйкой положения. Знаешь, как серый кардинал или тайная королева. У тебя две вещи, Элизабет, ты такого не чувствуешь?

— Нет.

— А что ты ощущаешь?

— Когда их снимаю, то легкое сожаление, без них — отвращение, а когда они на мне — прилив энергии. А как так получилось...

Я перевела взгляд на ее кресло. Губы Лили тронула легкая улыбка без

малейшего проблеска радости.

— О, ту историю можно увековечить в книге. Когда мне было девятнадцать, я с друзьями поехала на горнолыжный курорт. В Швейцарии.

— О... — только и могла я сказать.

— Ну да, — кивнула Лиля, — предки спонсировали, почему бы и нет? И там были любительские соревнования. Раз в две недели. Мы же приехали туда на месяц. И там я выяснила, что чулки помогают и когда катаешься на лыжах.

— О не-е-ет! — простонала я.

— Сейчас вспоминаю ту себя и чувство, что там не я управляла телом, а кто-то чужой. Знаешь, это как оргазм, когда ты побеждаешь.

Чулки нашли слабость Лили — тягу к лидерству, к победе. И активно применили ее.

— Ты победила в обоих соревнованиях?

— В первом — да, а потом приехали они.

Лиля замолчала, а я не торопила ее. По влажному блеску глаз поняла: дальше рассказ получится совсем невеселым.

— Два парня и сестренка одного из них. Богатые, красивые, такие, знаешь, хозяева жизни. Но при этом не заносчивые, а вежливые. Просто в каждом движении чувствовалась власть. Понимаешь?

Я кивнула. Да, такая же магия власти исходила и от Хана.

— Я влюбилась, — просто проговорила Лиля, вертя ложечку в руках. — Как удар молнии. Seriously. Посмотрела и поняла — вот оно! Богдан был просто воплощением того, что мне нравилось в парнях. Мы тогда оба словно сошли с ума. Я чувствовала, что не нравлюсь его сестре, не нравлюсь его другу, но мне было плевать. Кто они и кто я! Я! Которая могла заставить мужчин пускать слюни от одного только шага. Крохотного шага!

Лиля замолчала, понимая, что начинает повышать голос. Отхлебнула остывший кофе и продолжила уже потише.

— Потом были вторые соревнования, где я упала. С пятнадцати лет не падала, а тут просто не смогла удержаться на лыжах на крохотном трамплине, и все. Куча переломов, какие-то осложнения. По больницам провела столько времени, все надеялась, что встану. Что все это лишь временно. А потом наступило отрезвление. Спустя год. Когда я проснулась, подъехала к зеркалу и... тогда мелькнула мысль выброситься из окна. Я не знала, как дальше жить. Без танцев, без движений, без... него.

— Без Богдана? — спросила, пытаюсь вспомнить, почему имя кажется

мне таким знакомым.

— Да. Он пропал. Просто исчез в тот день, когда я упала. Ни звонка, ни записки. Словно его и не было. А я сходила с ума и все надеялась.

Нет, определенно я это имя слышала.

— А потом, в больнице, я стала кое-что понимать. Когда лежишь, в голову лезут разные мысли. И я стала сопоставлять части произошедшего. Как головоломку. Я ведь надевала чулки перед соревнованиями и еще все думала, что-то не так. Потом дошло: не те кружева были. Похожие, но не те.

— В смысле?

— Знаю, что звучит глупо, но правда — кружева заменили.

— В кружевах заключена сила вещей, — пробормотала я, — если тебе их заменили, то чулки потеряли силу. Но тогда тот, кто это сделал...

«Мать вашу!» — едва не выкрикнула я, но вовремя прикусила язык едва ли не до крови и диким взглядом посмотрела на Лилю.

Богдан? Богдан!

— Элизабет?..

— Лиля, — у меня едва ворочался язык, — а как звали сестру и друга Богдана? Ты помнишь?

— Мне эти имена на всю жизнь в память врезались. Ирен и Хан.

Я в этот момент как раз решила глотнуть кофе, чтобы освежить пересохшее вмиг горло, и тут же не удержалась, выплюнула его.

Этого не может быть!

Это чей-то злобный заговор!

— Что с тобой?

Голос Лили донесся до меня как сквозь вату. Я пока даже не была уверена, что смогу ответить, потому что мозг и сознание завывали на разные голоса.

Как? Как среди нескольких миллионов я ухитрилась отыскать ту, которая тоже знает Хана.

Которая пострадала от них. Я была абсолютно уверена, что кружева на чулках подменили Хан с Богданом. Но зачем? Почему они не сдали Лилю Ордену? Пожалели? Они умеют жалеть?

«А почему Хан не сдал тебя Ордену, а решил спрятать подальше от всех?»

Богдан любил Лилю? Все может быть.

— Элизабет...

Я вздрогнула и поняла, что Лиля окликнула меня уже несколько раз.

— Извини.

— Ты знаешь их, да?

Сказать или нет?

— Иногда мне кажется, — призналась вдруг собеседница, — что я избежала тогда чего-то гораздо более страшного. В конце концов я переболела Богданом и потом встретила Костю. Он гораздо лучше, он всю поддержку меня и уверен, что я встану на ноги. Только вот... я ему не говорю кое-чего.

— Чего? — прошептала я.

— Деньги. Спустя месяц после моего падения мне по почте пришла карточка, оформленная на меня. И там была хорошая сумма, которая пополняется каждый год.

— Думаешь, это он? Замаливает грехи?

— Не знаю, — пожалала Лиля плечами, — но я их не трогала. Пока вот не представился случай обратиться к одному специалисту. Говорят, у меня неплохие шансы встать на ноги. Что у тебя с лицом?

Меня перекосило? Все может быть. Правый глаз, во всяком случае, опять дергался.

— Просто история страшная, — пробормотала я. — Но тебе повезло, что все ограничилось таким вот наказанием. Это мерзко и жестоко, но поверь, ты легко отделалась.

— Что ты имеешь в виду?

— Есть люди, — я тщательно подбирала слова, — которые не любят владелиц вещей. Скорее всего, Богдан был одним из них. Обычно они сдают нас в руки Палачам, а тут он тебя пожалел.

— Пожалел?! Он сделал меня калекой!

— А Палачи пытаются и убивают. Могут пытаться очень долго.

Лиля заметно побледнела и прошептала:

— И Богдан такой же? Не верю! Я давно его разлюбила, но поверить в такое... нет!

Я понятия не имела, кем был в Ордене Богдан, поэтому лишь уклончиво проговорила:

— Какая разница, если прошло много времени. Просто держись от вещей подальше.

— Но ты, я смотрю, не держишься.

— У меня нет выбора, — вздохнула я. — Поверь, с удовольствием бы от них избавилась. Благо, зависимость от них минимальная. Ну да неважно. Была рада познакомиться.

— Не знаю, что с тобой случилось, — сказала Лиля медленно, — но, кажется, ты чем-то обеспокоена. Могу тебе сказать одно: за это время я

поняла... Мы все несем ответственность за свои поступки. Крайне банальная фраза, но она правдива. Жаль, я это поздно поняла. Расплачиваться придется.

— Знаю. И я готова.

Правда готова, во всяком случае, почти сумела себя в этом убедить.

С Лилей мы расстались спустя часа два. Не стали обмениваться телефонами, лишь пожелали удачи. У меня сложилось впечатление, что новая знакомая постарается как можно скорее забыть о нашей случайной встрече. Я заставила ее разбередить старые раны. Одни из самых болезненных, связанных с первой любовью.

До Ирен добралась на метро, больше не пытаюсь заблудиться или упасть в обморок. О встрече с Лилей не рассказала, а просто упала на диван и уснула. До утра. Организм махнул на все рукой и сказал, что собирается отдохнуть. Так что я не слышала, как Ирен куда-то выходила, как вернулся Берт. Пару раз вставала в туалет в полусне и опять засыпала.

Так же прошли два дня. Я словно провалилась в туман, полный отупения и лени. Спала, ела, болтала с Ирен, смотрела тупые сериалы и опять спала. Узнала, что в Москву прилетел Богдан, но новость прошла мимо сознания, лишь мельком уколов. Тем более Ирен заверила, что обо мне ее брат не узнает.

Утром, в день «Х», я едва не потеряла самообладание. Когда умывалась и глянула на себя в зеркало. Бледная, с кругами под глазами и перепуганным взглядом.

Что я собираюсь делать?!

Вцепилась пальцами в раковину и пару минут просто училась заново дышать. Я должна, просто должна это сделать. Потому что... ну не представляю, как иначе дальше убежать от Ордена. Одно дело моя жизнь, а другое — подвергать опасности жизнь ребенка.

«Отдай его Хану».

Нет, тоже не вариант. Во-первых, что тогда из ребенка вырастет, во-вторых, сомневаюсь, что господин Инквизитор оставит меня в покое.

Надо ли говорить, что завтрак проходил в молчании. Берт уже уехал, а вот Ирен делала вид, что увлечена новостями. Ага, на русском языке, которого она не знала. Я заметила, что подруга нет-нет да касается рукой округлившегося живота. И сама с трудом удерживалась от такого же жеста.

У них желанный ребенок, а мой...

Я не знаю!

Глотнула чая и покосилась на свежую выпечку. Нельзя, надо прийти на голодный желудок. Который внезапно запросил есть, да так сильно, что мне

даже не по себе стало от его урчания. Пришлось сделать пару глотков чая, чтобы заглушить звуки.

— Ты когда придешь? — спросила Ирен.

— Не знаю, там надо провести несколько часов.

— Попрошу Берта заехать за тобой, он сегодня обещал часов в пять освободиться.

— Ирен, я понимаю, что ты не одобряешь...

— Ева. — Подруга отвернулась от экрана и отчеканила: — Такие вещи должны решать только люди, которых это касается напрямую. Поэтому никогда не спрашивай мнение и не слушай тех, кто считает, что знает лучше. Ты приняла решение, так что давай действуй. Уверена — для этого у тебя серьезные причины. Извини, у меня эти... гормоны.

Громко всхлипнув, Ирен поспешила удрать из кухни. Я же допила остывший чай, стараясь при этом не реветь.

Точно, это все гормоны. Надо все закончить и заняться дальше поиском вещей. А от Ирен уехать, чтобы лишний раз их не подставлять.

Дорогу до клиники я изучила еще вчера. Две пересадки и потом пять минут пешком. В принципе, ничего сложного. Главное, чтобы опять не накатило полубморочное состояние.

Сейчас, ближе к десяти утра, поток машин через дорогу достиг своего пика. Я кое-как дождалась зеленого света, перешла с остальными пешеходами и свернула в сторону входа в метро.

Откуда взялся этот автомобиль на тротуаре? Я сама не поняла. Услышала истошный сигнал, обернулась и успела заметить, как одна машина пытается не столкнуться с лихачом, что вырулил из-за угла. Для этого водителю пришлось заехать на тротуар, почти пустой, за исключением меня и еще пары парней. Мы шарахнулись в разные стороны, но мне повезло меньше всех. Машина задела, боком, да так, что я взвыла в голос. Неправда, что можно не сразу почувствовать боль. Потом в голове помутилось, зрение сузилось до размеров светлой точки, а затем и вовсе пропало.

Мой организм решил, что самое время отправиться в обморок.

Глава двенадцатая

Потом я узнала, что обморок был вызван шоком и беременностью. Но когда я очнулась, то мне было очень плохо. Просто отвратительно. Разговоры воспринимались как неясный гул, изредка я улавливала какие-то обрывочные фразы про загранпаспорт, что-то на русском, невнятное бормотание. Затем резкий запах выдернул меня из тошнотворной нирваны. Я дернулась и зажмурилась от неожиданно яркого света. Чуть пошевелилась и вскрикнула: ногу в районе бедра прострелила боль. Так, переломы есть? Голова гудела, локти, колени и ладони горели огнем, но в целом я вроде не собиралась помирать. Еще чуть тянуло низ живота.

— Как ваше имя? — на отличном английском спросила рыжеволосая молодая женщина, склоняясь надо мной. Легкий акцент выдавал в ней русскую.

Мне понадобилось несколько секунд, прежде чем вспомнила имя в поддельном документе.

— Элизабет... Грин.

Покашливание сбоку заставило меня скосить туда взгляд. Парень. Перепуганный и какой-то дерганый.

— Кхм, — кашлянула рыжеволосая, привлекая мое внимание. — Меня зовут Роза Валерьевна, я хирург и дежурный врач. Вы сейчас в смотровом боксе, вас привезли после аварии. На вас наехал вот этот молодой человек.

Последние слова она произнесла таким тоном, что парень едва ли не затрясся.

— Он уходил от столкновения с пьяным идиотом, — продолжила Роза Валерьевна, — но почему-то не заметил вас. Понимаю, вы захотите подать на него заявление в полицию.

Связываться с законом мне по понятным причинам не хотелось. К чему такое внимание?

— Что со мной? — проговорила тихо.

— Ну... вам повезло. Переломов нет, внутренних повреждений тоже, сильный ушиб правого бедра, там отличная гематома. Во многих местах содрана кожа. Думаю, мы обработаем пострадавшие места и отпустим вас домой. Вы помните адрес, где живете?

— Да. — Я кашлянула и спросила: — Это он привез меня сюда?

— Да, он.

— Извините, — выдавил из себя парень, — я не хотел! Пожалуйста!

Я... я могу оплатить какие-нибудь процедуры.

— Заткнись! — рыкнула на него рыжеволосая.

А она красавица: статная, лицо как у модели и огромные серые глаза.

— Он ваш родственник? — дошло до меня. Судя по тому, как чуть порозовели щеки Розы Валерьевны, я угадала.

— Послушайте, — говорить мне было трудно из-за пересохшего горла, сильно хотелось пить, — я не буду подавать в полицию. Вы мне скажите, я ребенка потеряла?

Голос у меня все-таки дрогнул. А вот на лице Розы Валерьевны появилось удивление пополам с волнением.

— Вы беременны?

— До аварии была.

Роза Валерьевна перевела взгляд на парня и сказала лишь одно:

— Костя, я тебя убью. Лично. И даже жалеть не буду.

Она зашла ко мне с головы, и тут я наконец поняла, что лежу на каталке. Куртка куда-то делась, зато рюкзак лежал рядом. И меня прикрыли одеялом.

Меня довольно быстро вывезли из смотрового бокса, повернули за угол и... я столкнулась взглядом с мужчиной, смутно мне знакомым. Где-то я уже видела это красивое породистое лицо с холодными серыми глазами.

Светлые волосы...

Мощная фигура, слегка напомнившая Хана...

И, как вспышка, воспоминание: отель, Хан идет навстречу и обнимает... этого блондина.

Богдан!

* * *

Я не дернулась лишь потому, что окаменела от ужаса. И пусть Богдан почти сразу отвел взгляд, внутри все орало, что он узнал меня.

Узнал, мать его!

Он из Ордена!

— Роза Валерьевна, — на вполне чисто русском языке начал Богдан довольно холодно, но врач его перебила резким тоном:

— Если вы хотите, то мы вернемся к нашему разговору позже, у меня беременная пациентка после аварии. А ваш друг подождет. Все.

Судя по взгляду Богдана, ему как минимум хотелось придушить врача. И он явно сдержался невероятным усилием воли. На прощание мазнул по

мне взглядом, и я вздрогнула. Пожалуйста, пусть ты меня не вспомнишь.

Как мне хотелось внушить это себе и ему.

— Я в порядке, — попыталась сказать Розе, но та лишь коротко глянула на меня и отрезала:

— Вы-то в порядке, а ваш ребенок — непонятно.

— Но я...

Хотела сказать про аборт и почему-то осеклась. Лишь уставилась взглядом в скользкий надо мной потолок с длинными лампами. Неважно, пусть выяснят, что с ребенком, а потом я уйду.

Из Москвы придется удирать. И, видимо, вообще из России. Лучше в Мексику, и побыстрее. Сделать аборт там.

Если смогу.

Смогу!

На все проверки ушла пара часов.

— Поздравляю, с вашим ребенком все в порядке.

К тому времени я устала, меня подташнивало и хотелось спать. Чертов организм. Я лишь кивнула и проговорила:

— Мне надо уйти.

— Это ваше право, Элизабет. Но как врач, я бы вам посоветовала остаться у нас на несколько суток. С таким ушибом вы не сможете толком ходить. И у вас небольшой тонус. На таком сроке это может быть чревато потерей ребенка.

— Да я не могу здесь остаться! — воскликнула я. — Вы не пони...

Я приподнялась и тут же «поплыла». Сознание стало ватным, в ушах зазвенело. Лишь слышала, словно в отдалении, как Роза кричала что-то медсестрам. Потом почувствовала легкий укол в районе локтя и без сил опустилась обратно на подушку.

— Куда вы собрались, Элизабет? — услышала голос Розы. Звучал он ужасно устало. — Посмотрите на свое состояние.

— Я...

Перед глазами продолжало все плыть, пришлось их прикрыть, иначе тошнота усиливалась. Никогда я еще не чувствовала себя так паршиво.

— Лежите, вам поставили капельницу. Ничего опасного для ребенка. Лежите и отдыхайте.

Я не могу отдыхать. Мне надо бежать отсюда. Я кожей чувствовала опасность от Богдана.

Но мысли хоть и говорили правильные вещи, тело не слушалось. Я продолжала лежать, чувствуя пульсирующую боль в ноге. Полежу совсем немного, совсем... немного. И тут же уйду.

Сон сморил меня совсем незаметно. И перенес в безопасное место, где не было Ордена. Зато был Хан. И я. И наш ребенок.

Я спала очень долго. Слышала, как звонил мобильный, но не было сил взять. Видимо, организм решил восстанавливать силы и всю зарядился энергией во сне. Кажется, мне меняли капельницы, но я не уверена. Иногда выныривала из сна, обводила взглядом двухместную палату с белым потолком и бежевыми стенами, снова засыпала. За дверью словно текла другая жизнь. Там слышались шаги, голоса, порой грохот каталок. А тут было тихо. Лишь иногда заглядывала медсестра.

Окончательно проснулась лишь часов в восемь утра. Чувствуя себя посвежевшей, даже головная боль прошла. Проснулась от странного звука, диссонансом вкравшегося в сон.

Это был женский голос. Знакомый с детства.

— Евушка, ну как же ты так, а?

А, ясно, я еще не проснулась. Потому что бабули в Москве ну никак не могло оказаться.

Но прикосновение к руке было реальностью.

— Ева, пруснись. Евушка, посмотри на меня.

Меня аж приподняло над кроватью.

— Бабуля?!

Да, она сидела здесь. И вздрогнула от моего вопля. А я сидела и смотрела диким взглядом, но не на нее. А за спину бабули.

Туда, где стоял Хан.

— Ева... — Нечто в его голосе подсказало мне, что он в курсе моего состояния.

Рядом со мной находилась стойка от капельницы. Ее я и толкнула в его сторону, в душе понимая, что мне не повезет и она не стукнет Инквизитора по лбу.

Как в воду глядела. Хан легко перехватил стойку и вернул ее в прежнее положение. Правда, поставил подальше от меня. После чего проговорил тихо:

— Джессика, я пойду найду врача, поговорю с ней. А вы тут... пообщайтесь.

Его взгляд, брошенный при выходе, обжег меня до самого сердца. Даже дыхание перехватило. Чувствовалось, что господину Инквизитору есть что мне сказать.

А я своих слов не сдерживала.

— Ты! Ты украл мою бабулю! Чтобы меня шантажировать! Скотина!

Спина Хана буквально окаменела. Он пару секунд постоял на пороге,

потом вышел, явно борясь с желанием шарахнуть дверью о косяк. Но сдержался, закрыл аккуратно. А потом донесся его голос, говорящий что-то на латыни.

— Сам такой! — сказала злобно, глядя на белую дверь.

— Как же вы похожи, — вздохнула бабуля. — Нервный он у тебя. Вроде разговаривает спокойно, держится стойко, а у самого правый глаз подрагивает. Я ему предлагала очищающие клизмы и один специальный отвар. Он чакры хорошо чистит.

Я представила и расхохоталась. Грозному Инквизитору предлагали такое!..

— Бабуля, малознакомым людям ты подобное не говоришь. Значит, ты над ним издевалась, да?

— Понимаешь, дорогая, я так поняла, он тебя обидел.

— О да-а-а.

— Но при этом мужчина он хороший, тебя любит.

Я закашлялась, но промолчала, а бабуля продолжила говорить:

— И ты его любишь. Не делай квадратные глаза. В заложники никто меня не брал, мы с ним душевно поговорили и пришли к выводу, что тебе нужна защита. Но за обиду моей девочки он все равно расплачивался все это время. Видишь ли, у него ужасный рацион.

— Бабуль, у него нормальный рацион здорового мужчины.

— Он не ест овощи! А ты знаешь, что многие виды овощей — отличная помощь при импотенции?

— Кхе, кхе, извини... но у него вроде как, — я покраснела, — все нормально.

— Это пока! — подняла вверх палец бабуля. — Это всегда приходит неожиданно.

— Я так понимаю, спич про импотенцию ты ему сказала?

— Конечно!

Теперь я поняла, почему у Хана был такой слегка затравленный вид. И почему глаз подергивался. Прямо воочию представила, как моя бабуля сообщает грозному Инквизитору о возможной импотенции и предлагает сельдерей на пару. Я сейчас начну его жалеть.

— Но! — продолжала бабуля. — Теперь мы видим, что у Хана все в порядке.

Она вновь положила руку на мою ладонь и проговорила неожиданно ласково:

— Поздравляю, Евушка.

Сами понимаете, язык у меня не повернулся, чтобы сказать про мысли

об аборте. Нет, бабуля не была против них. Но как ей объяснить, почему я собиралась его сделать, забеременев от любимого мужчины?

— Спасибо, — пробормотала, отводя взгляд.

— Я так испугалась, когда Хану позвонили и он побледнел. Мы с ним были в Италии, в Римини. Буквально в течение пары часов он купил билеты до Москвы, и мы вылетели. Я не знала, что произошло. Хан сказал лишь, что мы летим к тебе. Не хотел беспокоить, видимо.

— Со мной все в порядке. Что вы делали в Италии?

— Хан туда полетел по каким-то делам, а я с ним.

— Все-таки взял в заложники.

— Дорогая, меня сложно взять в заложники. У нас был общий интерес: найти тебя.

Как много Хан ей рассказал? Я же почти совсем было собралась с духом, чтобы спросить бабулю, но тут снова скрипнула дверь.

— Джессика, — вежливо проговорил Хан, — ты можешь оставить нас одних ненадолго?

— Нет! — вырвалось у меня.

— Да! — ликующе проговорила бабуля и вышла, едва ли не пританцовывая.

Предательница!

* * *

— Так ты беременна, — проговорил Хан, едва дверь закрылась.

— Вхолостую ты не стреляешь.

— И ты собиралась делать аборт. — Тон Хана не предвещал ничего хорошего.

Так, а вот это он откуда знает? Я мысленно перемотала все произошедшее за последние дни и прошипела:

— Ну, Ирен!..

— Ничего не хочешь мне сказать?

— Привет. — Я подумала и выдала: — Дорогой. Дай подумаю, меня сдал твой друг?

— Богдан сначала решил, что ошибся. Но у него идеальная память. А твое фото сейчас у всех членов Ордена. Понимаешь?

Я сглотнула. Но нет, мой страх никто не увидит. В конце концов, мы же ведем диалог, значит, можно и договориться.

Хотя в библиотеке с Орденом я тоже разговаривала.

— Надеюсь, я там удачно получилась.

Хан так быстро оказался возле постели, что я дернулась и стукнулась затылком о железную спинку кровати. Даже зашипела от боли.

— Шутишь? — Темно-карие глаза были буквально в паре сантиметров от расширенных моих, в голосе то и дело прорывалась тщательно сдерживаемая злость. — В подвалах Ордена тоже смеяться будешь?

— Спасибо, я туда не тороплюсь.

Его руки находились по обе стороны от меня, душа мигом застонала от знакомого запаха парфюма. Того самого, с которым у меня ассоциировался Хан. Горьковато-изысканные нотки, что едва угадывались.

А еще у него уставший взгляд, а между бровей появилась едва заметная линия, которой раньше не было.

— Твою мать, Ева!

— Мать мою не трожь. Бабулю уже спер.

— Du scheißt mich an! — Рычание Хана отдалось внутри меня вибрацией.

Что? Я заноза в его заднице?!

— Stricher! — не осталась в долгу.

Судя по изменившемуся взгляду Инквизитора, обзывать его падшим мужчиной была плохая затея. Ну вот, а я-то думала, зачем меня бабуля немецким ругательствам обучила.

— Ева, Verdammte Scheisse! Ты можешь меня выслушать?

— Я и так слушаю и наслаждаюсь тем, как ты меня оскорбляешь. И мою маму!

— Позвони Богдан не мне, сейчас тебя бы тут не было.

А то я не понимаю.

— Ему я благодарна.

— Не стоит, — сухо ответил Хан, — он немного в курсе, что у нас были отношения. Так что решил для начала предупредить меня. У нас с тобой сутки, чтобы исчезнуть из Москвы.

— Хороший друг. А потом он сообщит, что видел меня тут?

— Сообщит, что видел тебя в Москве, на улице. Но ты ушла. Ему влепят выговор, но зато многие ринутся сюда. А мы сможем уйти далеко.

В палате повисла тишина. Ждущая. Напряженная. Мы продолжали смотреть друг на друга, находясь в опасной близости.

— Хан...

— Что?

Меня сейчас выбросят из окна.

— А бабулю ты прихватил, чтобы я не могла отказаться, да?

Воздействие такое моральное?

Твердые мужские губы растянулись в ухмылке. Чужой и нехорошей.

— Считаешь меня таким? О'кей, Ева, тогда мой ответ — да. Да, я взял ее, чтобы ты не могла мне отказать. Мать твоя личность публичная, а вот на бабулю пришло разрешение. Я взял его первым, приехал, и мы с ней поговорили. Так что?

— А злишься ты потому, что я отказалась от золотой клеточки?

— Как тебе в голову вообще пришла мысль об аборте?!

Его приглушенное рывканье все поставило на свои места. Господин Инквизитор изволил гневаться на то, что с ним даже не стали обсуждать ничего.

— А что мне еще могло прийти в голову? — А я вот говорила спокойно и даже чуть отстраненно. — Попади я в лапы Ордену, и нам с ним конец. Отдать его тебе? Чтобы ты воспитал свое подобие? А если девочка, то сделал из нее безропотную овцу?

Хан на мгновение прикрыл глаза, словно успокаиваясь:

— Ева, ты сейчас уезжаешь со мной, это не обсуждается.

— Не строй из себя героя, у тебя плохо выходит.

— У меня твой рюкзак с вещами.

Сердце на миг сбилось с ритма.

Черт!

— Как?! Врешь?!

— Нет. Так что выбора тебе не предоставляется. Просто едешь со мной. У меня бабуля и вещи.

— Говнюк!

— По-хорошему ты все равно не хочешь. — Хан прекратил давить на меня авторитетом и встал, коротко бросив: — Я схожу к врачу. В твоих же интересах лежать и ждать меня.

Безумно хотелось просто заорать от бессилия и швырнуть в него что-нибудь. Но я же не истеричка. Кое-как успокоила взбесившиеся гормоны и лишь процедила вслед все ругательства, которые знала, — на китайском, немецком, испанском и немного на русском. Кажется, последние особенно удались, потому что спина Хана на мгновение затвердела. Но Инквизитор не стал ругаться в ответ, а лишь вышел, аккуратно прикрыв дверь. Слишком аккуратно. Прямо вот подчеркнуто.

Меня загнали в ловушку. И захлопнули дверцу.

Я с тоской уставилась в окно, за которым сыпала снежная крупа. Увы, в жизни все отличается от романов. Можно сейчас встать и попробовать удрать через окошко, но я не Супермен. И далеко в тонких брюках и

футболке не убегу. Кстати, откуда они у меня? Наверное, это все Хан. Потому что я до сегодняшнего утра лежала в своей водолажке и каких-то ужасных штанах, которые по моей просьбе купила и принесла с первого этажа санитарка. Я очень плохо помнила этот момент. И вообще все прошедшие здесь часы казались подернутыми туманом.

А еще хотелось плакать от обиды. Кажется, моя месть Ордену дала такую трещину, которую уже нельзя ничем склеить.

«Сдаешься?» — ехидно поинтересовались у меня в голове.

Не сдаюсь, но пока не вижу выхода.

«Правильно, лапки-то проще всего свесить. Будешь жить с Ханом, детишек рожать и всю оставшуюся жизнь прятаться и надеяться, что его интерес к тебе не угаснет. А Орден продолжит свое дело».

Я сухо всхлипнула.

Вот так вот, поиграла девочка, теперь все, иди на свое место.

Если бы не мое положение, то давно бы удрала и бабулю ухитрилась выкрасть. Но сейчас я и правда чувствовала себя мышью в мышеловке. Вещи забрали, бабулю тоже, а внутри меня росла новая жизнь.

Надо срочно придумывать что-то.

* * *

Хан не думал, что когда-нибудь он будет зол настолько. Орден приучил действовать всегда с холодной головой, не допускать эмоций, так как они могут мешать.

«Запомни, брат мой, — говорил один из наставников. — Отключи сердце, но включи мозги. Ибо женщина — тварь коварная, и яд пускает туда, где проще всего посеять ростки сомнений. Смотри на отступниц взглядом орла, но не барана».

А он, выходит, баран. Потому что сорвался с места, едва ему позвонили.

Хан до мельчайших подробностей запомнил тот день. Италия, бабуля, с ее нескончаемой болтовней о здоровом образе жизни, и его слегка подергивающийся глаз. Теперь понятно, в кого у Евы такой острый язык. Только вот бабуля его отточила прямо-таки до бритвенного состояния.

В Италии он оказался по делам инвесторской компании, а когда они закончились, то планировал задержаться еще ненадолго. Ему нравилась мягкая зима в Риме, сам город, и даже дожди не раздражали, а лишь приносили странное умиротворение.

Но не в этот раз.

Богдан позвонил ему в тот момент, когда Хан не выдержал очередного спича Джессики и удрал из апартаментов под наскоро выдуманном предложением. Выслушав названного брата, Инквизитор ощутил на миг, как сердце словно сбилось с ритма. А руки заledenели.

Ева в больнице.

Богдан ничего конкретного сказать не мог, лишь то, что Еву привезли после аварии. И, кажется, ее жизни ничего не угрожает. А еще сообщил бесстрастным тоном, что Ордену о Еве пока не говорил.

Пока...

Богдан прямо сказал: о Еве Орден не знает лишь потому, что Хану она небезразлична. И потому, что он, Богдан, в долгу перед названным братом.

Хан ведь тоже не сдал его, когда узнал о маленькой тайне, связанной с Лилией. Той самой, что стала их первой отступницей. Той самой, что оставила шрам на сердце Богдана.

Он все эти годы посылал ей деньги. Непростительное поведение для Палача по отношению к женщине, что носила скверну.

Повинуясь странному порыву, Хан после разговора с Богданом позвонил Ирен, одновременно выискивая в Интернете билеты на ближайший рейс до Москвы. А заодно думал, как поаккуратнее сообщить обо всем Джессике. Женщина-то пожилая, вдруг сердце прихватит.

С Ирен разговор вышел коротким, но эмоциональным. Едва услышав его голос, подруга детства заревела и сообщила новости, после которых Хан еще пару минут просто сидел и смотрел перед собой.

Ева была беременна и прилетела в Москву делать аборт.

Так, вот все это ему надо переварить и успокоиться.

Ева...

И аборт...

Ева беременна.

В голове продолжали крутиться слова, чашка кофе на столике уже давно остыла. Хан на автомате купил билеты, а перед глазами стояла Ева.

Потом ужалило так, что едва не вскочил.

Как так вышло?!

Хотя о чем это он, сам виноват. В прошлый раз настолько сорвался из-за того, что Ева так близко. Забыл о предохранении. И вот, пожалуйста.

Хан четко помнил, как добрался до дома, как объяснил Джессике, где ее внучка. Благо его «заложница» оказалась женщиной крепкой и решительной. За сердце хвататься не стала, а просто велела собирать чемоданы и лететь в Москву.

— Ты ведь уже купил билеты? — спросила, уставившись таким взглядом, что Хан едва не сглотнул. Определенно, Джессика его восхищала, несмотря на ежедневные спичи о клизмах и чакрах. В душе Хан подозревал, что она над ним издевается. Но делает это так тонко, что и не поймает.

— Все купил, нам уже можно выезжать в аэропорт.

Хорошо, когда у тебя есть деньги и связи Ордена.

— Хороший ты мужчина, Хан, — вздохнула Джессика, — но с Евой тебе придется долго договариваться. Внучка пошла в меня.

— А с вами сложно договориться.

— Муж мой, царство ему небесное, год у меня прощение как-то вымаливал.

— За что?!

— Секретарше своей глазки строил. Пока та не предупредила, что жалобу подаст за сексуальное домогательство. И мне сообщила.

— Я боюсь тебя, Джессика.

И вроде в шутку сказал, но теперь еще сильнее понимал наставников, которые говорили: сила женщины — в ее мудрости и показной слабости.

— Бойся Евы. У нее тебе прощение вымаливать.

Хан проглотил тогда эту фразу. Никогда члены Ордена ни у кого не вымаливали прощение. А грехи им снимали настоятели.

Но Ева...

Когда он увидел ее в простой светлой палате, то понял, что, оказывается, сердце может болеть. Точнее — ныть, тупо и как-то тоскливо.

Ева выглядела совсем хрупкой и бледной. И пусть врач заверила его, что все это лишь следствия затяжного стресса, испуга и беременности, однако она правда казалась больной. А синяки под глазами заставили его всерьез испугаться.

Он видел беременных жен своих коллег, и они не выглядели так ужасно. Разве что полнели, становились более медлительными, но не походили на привидения.

Но стоило Еве очнуться и начать шипеть, как заснувшая было злость встрепенулась снова. Она собиралась сделать аборт! Нет, Хан не считал его вселенским злом и понимал, что на него имеет право любая женщина.

Жены членов Ордена не рассматривались. Их судьба и жизнь зависели от мужа.

Но это же его ребенок!

Его ребенок.

Сочетание этих слов пока не укладывалось в голове до конца. Хан

знал, что рано или поздно дети у него появятся. Как и семья, где жена будет тихой и милой. А дети будут его уважать и бояться. Как Богдан — своего отца.

А тут Ева опять просто взболтала его планы как в блендере.

О чем она вообще думала?

Неудивительно, что он сорвался и малость перегнул палку с запугиванием. Потом спохватился и вышел из палаты, чтобы слегка успокоиться. А заодно позвонить Богдану.

Тот ответил малость взвинченный:

— Что?

— Ты знал, что она беременная? — в лоб спросил Хан, прислонившись к стене и вдыхая больничный запах. Джессика прошла мимо, к Еве, чуть приподняв бровь. Хан только вздохнул.

— Не понял, я же тебе сразу сказал, что Принцесса беременная.

— При чем тут Ирен? Я про Еву!

— Уверен, что от тебя?

Хан поперхнулся и замолчал, а Богдан продолжил крайне мрачно:

— Она тебе это сказала? Тебе напомнить, какой процент мужчин растит не своих детей?

— Это мой ребенок.

— Рад, что ты в этом уверен. Генетический анализ на глазок прикинул?

— Богдан, что с тобой?

— Просто ты, кажется, забыл, с кем имеешь дело. Эта твоя Ева объявлена в поиск, понимаешь? Не просто как владелица, а претендентка на роль Антихриста. И еще хочу напомнить: у тебя осталось меньше суток, чтобы увезти ее. И не говори мне — куда.

Хан стиснул мобильник так, что тот захрустел.

— Боишься не справиться с искушением и сообщить Ордену?

— Это мой долг. И еще кое-что напоминаю: каждому Палачу позволено при встрече с Евой использовать любые методы ее задержания.

Телефон затрещал еще сильнее.

— Ее запретили убивать, лишь доставить в Рим.

— Да, убивать нельзя. Но ты помни, что никто не может запретить Палачу переломать ей все конечности перед транспортировкой. Или устроить пролом черепа. Но это вряд ли сделают, ее же еще допрашивать. Так что думаю, голову трогать не станут. А вот все остальное... И еще, многие любят перед тем, как отдать преступницу, сначала поразвлечься с ней.

Хан выругался на латыни. А Богдан продолжил уже чуть спокойнее;

— Ощутил? Это я к тому говорю, что тебе стоит ее спрятать как можно лучше. Охота идет, Хан. Магистры вне себя и не успокоятся, пока Ева не окажется в застенках Ордена. Не понимаю, зачем ты вообще возишься с ней. Если даже это твой ребенок, то можно поговорить с Магистрами. Они могут продержать ее в нашей клинике до родов, а потом ребенка отдать тебе. Заодно и анализ сделаем, твой он или все же нет.

Хан прислонился затылком к стене и чуть надавил. Наверное, чтобы прогнать изнутри непонятную тяжесть.

— Ты не думал, что я ее люблю?

— Ее? За что?

— Свяжемся позже, хорошо? Мне надо срочно вывозить Еву.

— Смотри, чтобы она тебе лицо не исцарапала, — с таким приятным пожеланием Богдан первым оборвал разговор.

Глава тринадцатая

То, что пора удирать, я поняла, едва за Ханом закрылась дверь. Почти сразу в палату вернулась бабуля и крайне удивилась, когда увидела меня на ногах.

— Ложись немедленно!

— Я отлично себя чувствую!

Нет, правда, легкое головокружение было просто цветочками по сравнению с тем, как я себя чувствовала сутки назад.

И где моя одежда? Я под удивленным взглядом бабули обшарила тумбочку, заглянула под кровать и в туалет. Пусто. А убежать в начале декабря в пижамных штанах и футболке как-то не комильфо. Да и волосы, хоть и заплетенные в косу, требовали их причесать. В таком виде меня заберут и отправят уже в психушку или в полицию.

Черт!

— Бабуля, где мои вещи?

— В гардеробе, дорогая, а он в подвале. Уже закрыт. Я тут все разведала. Внизу неплохое кафе, могу пирожные принести.

— Мне нужен мобильный.

— А телефон твой у Хана, — проговорила бабуля, а я заскрипела зубами. — Он твою сумку взял и телефон.

Ну да, он мне уже сообщил, что вещи Дамаль у него.

— Я не хочу ехать с ним!

— Ева, это гормоны.

— Это инстинкт самосохранения! — рявкнула я, продолжая метаться по палате.

— Это он тебя сюда привел?

Бабуля при желании могла рявкнуть так, что приседали все вокруг. Вот и я села. Правда, частично из-за головокружения. Правильно, столько пролежать.

— Ева, тебя отвезут в безопасное место.

— Безопасное место — подальше от него.

Бабуля пробормотала несколько слов по-китайски. Я толком не поняла, так как этот язык знала только на уровне ругательств.

— Ева, хватит! Подумай не только о себе.

Стукнула дверь. Хан вошел, на ходу убирая в карман куртки мобильник.

— Поехали, у нас мало времени. Ева, твои вещи.

Говорил он сухо и отрывисто. Мои джинсы, свитер и пуховик оказались на кровати, а сам господин Инквизитор встал у дверей. Не сводя с меня внимательного взгляда. А из окна не выпрыгнуть, слишком высоко. Да и жить хочется.

— Я не буду переодеваться при посторонних.

— Я отец твоего ребенка.

— Так уверен?

Мне показалось или Хана слегка перекосило?

— Ева, замолчи!

Так, а вот от бабули я не ждала того, что она перейдет на другую сторону баррикад. А она ткнула в меня пальцем и отчеканила:

— Быстро одевайся, мы подождем снаружи. Хан, пошли, оставим истеричку в покое. Никуда она отсюда не денется.

— А как же вра... — начала я, но Хан перебил меня таким тоном, от которого мороз пошел по коже.

— Я уладил все дела с врачами. Одевайся.

Я машинально переделалась, провела рукой по волосам и поморщилась. Нет, душа мне не хватало, несмотря на ситуацию. Вот женщина, что с меня возьмешь. Практически похищают, а я думаю про душ и про то, что мне нужен увлажняющий крем.

В коридоре, где не спеша передвигались больные и пробегали медсестры, я предприняла еще одну попытку. Увидев знакомую рыжеволосую женщину, заорала:

— На помощь!

Но тут же заткнулась, так как вдруг отчетливо поняла: мне не помогут. А вот других людей под удар я смогу подставить.

Усилием воли запихнув бушующие гормоны поглубже, я выдохнула и пробормотала:

— Извините, голова закружилась.

Рыжеволосая Роза недовольно покосилась на Хана. Но, как я поняла, моим врачом был другой человек. Поэтому она лишь ограничилась парой вопросов и убежала дальше.

— Мы полетим? — спросила, когда мы вышли на улицу и сели в сильно тонированный автомобиль. Я таких прежде и не видела. Где Хан его достал?

— Тебе сейчас не стоит летать, — сообщил Инквизитор, усаживая меня и, как ребенка, пристегивая ремнем безопасности. Бабуля уже устраивалась на заднем сиденье и что-то весело напевала под нос. Для

заложницы она выглядела слишком жизнерадостно.

И мне кажется, они как-то успели с Ханом сойтись в некоторых взглядах.

— И куда мы тогда?

«Вот так, Ева, правильно. Давай покончим с истериками, они все равно ни к чему хорошему не приводят, как правило. Для начала прощупаем почву, а там уже решим, что делать дальше».

Несмотря на то что внутри продолжала кипеть обида пополам с возмущением, я уже начинала рассуждать чуть разумнее, чем полчаса назад. Рядом с Ханом у меня есть возможность попытаться узнать побольше об Ордене. Как? Я придумаю. Обязательно придумаю.

— Мы поедем в одно место. Можешь пока поспать, ехать долго.

Мне казалось, что я не засну еще год. Но буквально через час, когда мы встали в очередную пробку, не выдержала и задремала. А потом и вовсе уснула так крепко, что проснулась, лишь когда машина остановилась и Хан осторожно тронул меня за плечо. Открыла глаза и увидела совсем близко от себя его лицо. Едва не улыбнулась, но вспомнила о ситуации и просто молча отодвинулась.

— Вылезай. Надо пересесть в другую машину.

Очень лаконично и доходчиво, да. Второй автомобиль казался несколько потрепанным, но вполне крепким. Тонировка совсем легкая, сиденья удобные и самое главное — тепло. А то я вдруг резко стала зябнуть. Поэтому просто села вперед, послушно глотнула протянутый мне чай и уставилась в окно. Говорить ни с кем не хотелось. Не сейчас. Я боялась, что опять сорвусь, а это мне так несвойственно.

За окном проносились уже несколько заснеженные леса и поля, какие-то мелкие деревушки, опять поля, холмы. Пейзаж казался серым из-за плотных туч, иногда начинался мелкий снег. И ветер. Я даже из машины ощущала его ледяные порывы и иногда ежилась.

Мы ехали очень долго. Успело стемнеть, дорогу освещали редкие фонари и фары пронесившихся мимо машин. Я успела заметить, как буквально из-под колес нашей машины выпрыгнул заяц и умчался в темноту.

— Евушка, как ты? — спросила бабуля, которая всю дорогу занималась важным делом: слушала мантры в наушниках.

«Убивать хочу», — мысленно призналась я, а вслух проговорила:

— Все хорошо. Выспалась и прямо отдохнула.

— Дать тебе успокаивающие мотивы послушать?

«Нет! Я спокойна!»

— Давай! — согласилась как-то индифферентно.
Пусть думают, что я смирилась и испугалась.

* * *

В городок мы въехали уже далеко за полночь. К тому времени мелкий снег превратился в здоровые хлопья. Они медленно кружились и падали в свете фонарей, засыпали все вокруг. И городок с названием, которое я не могла произнести, казался сказочным. Снег сверкал, фонари светились, а народу почти не было.

Дом, возле которого мы остановились, был пятиэтажным, кирпичным. И на вид довольно старым.

— Мы будем ночевать здесь? — спросила, разглядывая кое-где светившиеся окна.

— Мы будем жить здесь... пока что.

Хан вел себя так, словно сто раз ночевал в подобных городах. А я и бабуля с интересом разглядывали железные двери в подъезд, потом разрисованные стены и, под конец, солидную стальную дверь, ведущую в квартиру.

— Ого, да тут осаду можно выдержать.

— Не хотелось бы, — криво усмехнулся Хан.

Он со скрежетом открыл дверь и чуть отступил в сторону:

— Проходите.

Эх, рвануть бы сейчас по ступеням вниз, выскочить во двор и припустить по снегу. Может, и не догнал бы. Только вот тогда бабуля останется у него. И вещи. А смысл мне убежать без вещей Дамаль?

Нет, Ева, сцени зубы и терпи. Сначала выкради вещи, придумай, как отправить бабулю куда-нибудь, и тогда уже сбегай.

И я шагнула в темноту незнакомой квартиры. Впрочем, темно там было недолго. Раздался щелчок, и прихожую залил мягкий желтый свет.

— Какая прелесть! — раздался восхищенный голос бабули. — Какая тут шикарная энергетика.

Энергетики я не видела, но обстановку оценила. Общее впечатление: чисто и антикварно. Seriously. Благодаря маме я разбиралась в таких вещах и настоящий антиквар от безделушек отличить могла. Так вот, здесь мебель дышала благородной стариной. Мягкий ореховый цвет, ни пылинки, красивая резьба. Я не удержалась и рукой провела по узкому комоду, над которым висело зеркало в старинной оправе. Сбросила обувь и прямо в

пуховике шагнула в комнату.

Свет послушно загорелся, когда я нащупала выключатель. Гостиная, небольшая и вся заставленная таким же антиквариатом. В центре круглый стол из натурального дерева, а над ним — клетчатый абажур. У окна, занавешенного тяжелыми шторами, разместился пухлый кожаный диван с деревянными подлокотниками. Рядом резной кофейный столик, а на нем — ваза из китайского фарфора.

— Кто здесь живет?

Хан почему-то проигнорировал вопрос, вместо этого предложил мне посетить ванную. О да! Я с радостью кинулась в указанном направлении, в то время как бабуля с той же скоростью устремилась на кухню, крича:

— Евушка, я тебе чай с имбирем, медом и лимоном сделаю.

Санузел оказался совсем крохотным. Примерно такой был у меня в первой съемной квартире. В подобных помещениях с трудом умещаются унитаз и самая простая ванная. Порой можно втиснуть шкафчик, как здесь, в который вмонтировано зеркало. Оно с готовностью отразило мою помятую бледную физиономию с шикарными синяками под глазами. Красотка! Такой только мир спасать, ага.

Торопливо открыла воду, разделась и шагнула под душ. Веселая шторка с дельфинами скрыла меня ото всех.

Горячая вода — так вот каков величайший кайф в жизни! Я задрала лицо, подставляя его упругим струйкам. И едва не застонала от блаженства. О да, буду тут стоять миллион лет, и не надоест.

Миллион не получилось. Услышав, как скрипнула дверь, мигом похолодела: вспомнила, что не заперлась.

— Бабуля? — окликнула тихо, надеясь в душе, что да, это она. Хотя Джессика никогда бы не зашла в занятую ванную.

Шторка отдернулась, а я машинально прикрылась руками. Вода стекала на лицо, приходилось отфыркиваться.

— Ты забыла полотенца, — сообщил Хан, глядя на меня.

Ванная комната, я без одежды, мужчина явно на взводе, хоть и держится. Рука сработала сама по себе: повернула душ в сторону Хана. И теплой водой его окатило с ног до головы.

«Я дура», — подумала обреченно, когда поняла, что наделала.

Но Хан не спешил убивать глупую меня. Смахнул с лица воду, мрачно посмотрел и положил полотенца на край ванны.

— Твой халат в спальне, — проговорил сухо, — хорошо, что и мой там.

Да уж, джинсы и пуловер у господина Инквизитора выглядели так,

словно в них совершили заплыв. Полотенца, впрочем, выглядели не лучше.

— Они мокрые.

— Да, — согласился Хан, — ты их намочила.

— Принеси другие, — попросила, прикрываясь шторкой с дельфинами. Те смотрели как-то удивленно. Наверное, впервые видели, как хаят Инквизитору.

— Не принесу. Твоя вина, вот и расплачивайся за нее. За любые поступки надо отвечать.

— Это просто полотенца. Почему бы тебе не принести мне сухие? Эти мокрые, и я замерзну. А мне сейчас болеть не стоит.

— А стоит ли обливать меня в ответ на помощь? Не думаю, что мокрые полотенца повлияют на твое здоровье, дорогая. И да, не манипулируй своим положением.

Сказал и закрыл дверь, оставив меня смотреть ему вслед и держать в руке душ. Из глубины квартиры услышала его ругательства, потом скрип шкафов и веселый голос бабули. Ну да, она-то не в курсе, что тут ее внучку морально унизили.

До безумия хотелось рявкнуть что-нибудь и швырнуть в дверь бутылочку с шампунем. Гормоны, все гормоны. Прежде за собой таких порывов я не замечала. А тут даже затылок зачесался от желания. И пальцы свело.

Молча села в ванную и сделала несколько глубоких вздохов. Вот так, спокойнее. От нервов никому лучше не станет: ни мне, ни ребенку. Я сейчас просто домоюсь, вытрюсь и выйду. Переоденусь в халат, выпью чаю, а потом лягу спать. А завтра начну искать вещи. Хан явно держит их где-то в квартире.

Но надеюсь, так не будет продолжаться все девять месяцев, или сколько там получится? Я уже поняла, что аборт сделать в ближайшее время не удастся. В глубине души радовалась, что все разрешилось вот так. И при этом отчаянно бесилась.

Черт, даже руки подрагивали.

В мокром холодном полотенце выбралась в спальню, к счастью, пустую, и тут же нашла халат. Он лежал рядом с простой и теплой пижамой в серо-зеленую клетку. В нее я и переоделась, накинув халат сверху. Все еще немного знобило, но в больнице меня предупредили, что такое возможно. Перестройка организма и все дела.

Интересно, как ношение вещей Дамаль скажется на ребенке? И скажется ли?

Я присела на край кровати, провела рукой по одеялу. Новое белье,

хрустящее от чистоты. Сама спальня была едва освещена небольшим ночником на столике в углу. Бледно-розовый свет показывал все в более интимных оттенках.

Я скинула тапочки и ногами коснулась пола. Настоящий паркет. Штучный. Такой века простоит.

Интересная квартира. Тут одна мебель стоит очень даже прилично. А находится в обычном доме, в небольшом городе.

И как Хан ее нашел?

— Ева, иди пить чай!

Голос бабули звучал как в детстве. Тогда она тоже звала меня пить чай или лимонад. Только вот над головой не висел меч Инквизитора.

Так бы и запустила в его рожу этими полотенцами!

Но пришлось бросать их в корзину для белья, а самой идти на кухню. Таковую же старинную и на диво уютную. Квартира напоминала забавного зверька, который в отсутствие хозяев задремал и разнежился.

Стол здесь был тоже круглый, как в гостиной, и установленный возле окна. На улице сыпал снег, светили фонари. А на белой скатерти стояли чашки с чаем, какие-то пирожки и фрукты.

— Евушка, тебе надо поесть.

— Не хочу.

И правда не хотелось, а вот пить очень даже.

— Тебя тошнит или характер показываешь? — поинтересовался Хан, у которого аппетит как раз был на высоте.

— Надеюсь, в пирожках мясо прожарено, — задумчиво протянула бабуля, глядя на один из них в руке у Хана. Инквизитор на миг замер и, судя по тому, как шевельнулись губы, выругался.

— Дорогой, я о тебе забочусь, — сообщила Джессика, тоже уловив движение. — Пирожки покупали в каком-то кафе на обочине. Не хватало еще тебя лечить. Давай я лучше кашу сварю? Мы же купили специально для Евы диетические продукты. И тебе полезно, а то все мясо да мясо. Оно, конечно, хорошо, но надо и разгрузочные дни устраивать для желудка.

Напряженная атмосфера чуть развеялась под бабулину болтовню. Я отхлебнула еще чаю, наслаждаясь запахом имбиря и лимона, спросила:

— Что это за квартира?

— Обычная квартира, — сказал Хан, продолжая вертеть пирожок в руках. Явно не горел желанием общаться.

— Мебель в ней стоит не один десяток тысяч долларов. Так что не надо мне про обычную! Явочная, что ли? Так поскромнее должна быть.

— А ты, несомненно, знаешь, как они выглядят. Какая разница, что это

за квартира?

— Мне интересно.

— Мне, кстати, тоже, — сообщила бабуля, присаживаясь за стол. — Мило тут. Старомодно, но мило. И чисто.

Хан все же откусил пирожок, таким образом намекнув нам обеим, что тема про квартиру нежелательна. Вот зря он так, женщины — любопытные существа. И чем сильнее скрываешь от них правду, тем они старательнее пытаются ее выяснить.

Даже если потом будут жалеть.

В основном болтала Джессика. Бабуля всегда чувствовала атмосферу вокруг и стремилась ее как-то разрядить. Благодаря ей я смогла расслабиться и почти с удовольствием допила чай. Есть не хотелось. А от мрачных взглядов Хана аппетит и вовсе забился в неизведанные глубины организма.

Еще меня мучило странное чувство. Квартира, несмотря на теплоту, вызывала непонятный озноб. словно здесь бродили призраки и постоянно наблюдали за живыми.

Глупости какие-то.

Из кухни я удрала раньше всех. Мне безумно хотелось лечь в постель, закутаться в одеяло и заснуть. Если уж попала в такой переплет, то надо отдохнуть и постараться успокоиться. Холодной головой рассуждать проще.

В спальне сразу же упала на постель и выдохнула. Так, поспать и начать соображать.

Уже начала погружаться в сон, когда услышала совсем легкий скрип двери. Перед этим я ее прикрыла, оставив едва заметную полоску. Просто так, чтобы видно было свет из кухни.

Про призраков помните? Я вот сразу вспомнила и резко вскинула голову, заморгала.

— Ма... — и закончила: — Ты?!

— А ты кого ждала? — чуть вздернул бровь Хан.

Света от фонаря в окне и крохотного ночника ему было вполне достаточно. С самым невозмутимым видом господин Инквизитор начал снимать халат. В то время как я похватила ртом воздух, прежде чем смогла выдавить:

— Какого черта ты раздеваешься здесь?

— Не ругайся. Потому что я сплю здесь. Джессика же забрала себе диван в гостиной и сообщила, что это ее любимый размер. Оставалась спальня и коврик в прихожей.

Я могла бы посоветовать выбрать второе, но промолчала. Интуиция подсказала, что на пределе не только мои нервы. Пусть Хан выглядел спокойно, но это самое спокойствие казалось тонким слоем пепла, а под ним — огненный вулкан. Вон и жилка на виске бьется слишком быстро, и складка между бровями обозначилась резче, чем обычно.

А у меня небось дым из ушей идет.

— Возьми второе одеяло, — выдавила сквозь зубы и отодвинулась как можно дальше.

Про насилие я не думала, так как Хан... ну не может он. Просто не может. Даже если злой как черт. Да, вместе мы были недолго, но я уверилась: у него есть черта, которую он не перешагнет. Тем не менее понимала, что каждая клетка тела сейчас напряжена. Легкое прикосновение — и я взвьюсь над кроватью.

Слух обострился: я слышала даже самое легкое шуршание одежды, вздох, стук сердца, шорох ресниц. Ощутила, как Хан опустился на другой конец постели, лег и заворочался, стараясь занять место поудобнее. Несмотря на то что лежала, отвернувшись, отчетливо видела его мысленным взором. Широкие плечи, плоский тренированный живот, узкие бедра, грудь с короткими темными волосами и ровными пластинами мышц. О чем я думаю?!

— Ева, ты пыхтишь? Тебе плохо? Тошнит?

— Нет.

— Принести чего-нибудь?

— Нет.

— Хочешь меня ударить?

— Я не опущусь до такого.

— Ева, да в чем проблема? Я пытаюсь вытащить тебя из задницы, куда ты сама себя загнала!

Разговаривать приходилось шепотом, чтобы не потревожить бабулю.

— Ты ввязалась в то, чего вообще не понимаешь! — продолжал шипеть Хан, лежа с закинутыми за голову руками и глядя на меня сквозь полумрак комнаты. Да, я уже развернулась к нему и теперь подыскивала наиболее цензурные слова.

— Поверь, я все прекрасно понимаю. Возомнили себя теньевыми правителями, решаете, кто плохой, а кто хороший. Мою подругу убили только потому, что она слышала про вещи Дамаль. Не носила, слышишь, а просто слышала! Двадцать первый век, и кучка мужланов, которые видят в женщинах только пороки. О да! Конечно, ведь гораздо проще убить все внутри себя, взять в жены овцу, которая и слова не может против сказать, и

воспитывать потом детей по своему подобию. И все во имя чего, Хан? Почему вы видите в вещах только плохое? Оружие в руках дилетанта тоже опасно. Только вы не нападаете на тех, кто покупает его без лицензии! Решили возродить инквизицию? Вот!

И я с удовольствием показала Хану средний палец. С его зрением разглядит и в полумраке. Тем более старалась.

Господин Инквизитор демонстрировал просто стальное терпение. На жест внимания не обратил, а вот мои речи явно не оставили равнодушным.

— Ева... — и тяжелое молчание. Словно давал мне время раскаяться.

Я тоже молчала, так как уже высказала все и даже немного больше. Раз он сам меня сюда притащил, то пусть знает, что думаю.

— Ева, я с первой встречи понял, что ты умная женщина. Поэтому меньше всего ожидал от тебя подобного поступка.

Он говорил спокойно и даже чуть устало. Лежал и смотрел в потолок, и говорил.

— Ты что-то слышала, прочитала, увидела и поспешила сделать выводы. И еще не исключай влияние вещей Дамаль. Мы до сих пор не можем понять, как именно они влияют на женщин. И почему только на вас. Думаешь, Орден прямо жаждет убивать всех подряд? Нет, Ева, мы прекрасно понимаем, какое бремя лежит на нас. Главное правило: не навреди невинному. Прежде чем вынести приговор, мы долго наблюдаем за той, у кого есть та или иная вещь Дамаль. Иногда издалека, иногда приходится сближаться с объектом.

— Спать...

— Да, и это тоже. В борьбе с таким злом хороши все средства. Инквизиторы несколько раз проверяют все собранные материалы и лишь потом выносят вердикт. Поверь, чаще мы ограничиваемся тем, что просто изымаем вещь и пару лет следим за бывшей владелицей. Если тлетворное влияние не успело пустить свои корни, то оставляем ее в покое. Но если женщина начинает пытаться отыскать вещь или даже находит, то тут судьба ее печальна. Так как она уже потенциальная Хищница.

— И вы считаете, что имеете право убивать? Seriously? Только поэтому?

— Ты не слышишь меня, — грустно произнес Хан. — В тебе говорят обида и злость. Хотя я всего лишь стараюсь тебя защитить. Это все гормоны, Ева, беременность.

Он протянул ко мне руку, но я так красноречиво покосилась на нее, что Хан рискнуть не стал. И продолжил:

— Говоришь, мы убиваем невинных? Так вот, в данном случае

оправдана фраза: лучше одна смерть сейчас, чем сотни — потом. Ты не знаешь, на что способны Хищницы. А мы знаем. Очень многие исторические события связаны с Хищницами и вещами Дамаль. И не предотврати мы их, последствия могли бы быть плачевными.

— Говоришь, не трогаете невинных, а на бабулю мою дали приказ!

Хан тихо выругался на латыни, я на всякий случай запомнила фразу.

— Да, Ева, Магистры нарушили то, что сами когда-то огласили. И мне это не нравится так же, как и тебе.

— Что ты можешь сказать в их оправдание?

— Ничего. Возможно, они просто напуганы тем, что ты ухитрилась собрать столько вещей за короткий срок. Такое в истории второй раз.

— А первый?

— Неважно. Но тогда мы едва успели предотвратить ужасное. Это было... давно. Орден тогда действовал более жестоко, много невинных погибло.

— Уж не во времена инквизиции ли это было?

— На ее закате. Орден возник из остатков инквизиции и тамплиеров. Хотя прежде они терпеть не могли друг друга. Но, как и везде, нашлись те, кто думал по-иному. Так что закат тамплиеров положил начало Ордену. И да, вначале мы наделали много ошибок. Все приходит с опытом, Ева.

— А как вы узнали про вещи?

Если уж зашла беседа, то почему бы мне не узнать, откуда изначально Ордену стало известно о Дамаль.

— Это долгая история.

— А я не хочу спать.

— Это долгая история Ордена, Ева. Могу лишь сказать тебе, что создан он был как раз в противовес Дамаль.

— Но владелицы не создавали никаких союзов.

— Конечно. Создание союза — это в первую очередь доверие друг к другу. А какое доверие у тех, кто до безумия боялся потерять свою скверну?

— Вещь, — поправила я. — Это просто вещи, не называй их так. Пожалуйста.

То ли голос Хана, то ли мирная обстановка подействовали, но я успокоилась. Почти. Ну и любопытство, конечно.

— Как хочешь, пусть будут вещи. — Хан явно не спешил снова обострять конфликт. — Так вот, до рождения Дамаль вещи тоже существовали. Но в другом виде. Дамаль как-то смогла вернуть их в наш мир и воплотить в виде женской одежды. Женщина — дьявол.

— Ты и правда веришь во все это? Дьявол, Антихрист и так далее? Серьезно?

Хан молчал почти минуту, прежде чем ответил. Чувствовалось, что он тщательно подбирает слова:

— Ева, неважно, во что верю я. Есть факты: мадам Дамаль вернула вещи в наш мир и сделала их подвластными лишь женщинам.

— А раньше?

— Есть версия, что прежде вещами могли управлять и мужчины.

— Я слышала что-то такое, — пробормотала задумчиво. — Да, Абби говорила об этом. Она занималась тем, что собирала материалы по вещам Дамаль. Работала в библиотеке, имела доступ ко многим архивам. А вы ее убили!

Я говорила что-то о спокойствии? Это было временно. Горло перехватило так, что пару секунд не могла вдохнуть, а потом воздух показался горячим и горьким. Ресницы чуть намокли, но плакать при Хане я не собиралась. Лишь пару раз глубоко вдохнула и выдохнула, заставляя себя сдержаться.

Абби я им не прощу. Никогда.

— Я уже сказал, что мне жаль. Здесь я не согласен с решением Магистров. Мы не должны трогать тех, у кого нет вещей Дамаль.

— Зачем я тебе? — спросила горько. — Всю жизнь прятать? Ты сам ушел, сам! Я тебя просила остаться. А теперь вдруг показываешь себя сверкающим рыцарем. Так нечестно, Хан! Орден убил мою подругу и хотел похитить бабулю. Сколько женщин он еще убьет, не разбираясь, кто прав, а кто нет? Вещи Дамаль могут нести и пользу, но вы этого понять не хотите.

— Ошибаешься. Мы бы с удовольствием сотрудничали с теми, кто стремится принести добро. Но вещи искажают вашу сущность, вы начинаете творить страшные вещи. Я не могу обвинять в этом всех женщин, Ева. Может, вы просто слабые и не можете сопротивляться искушению.

— А я? — перебила его. — У меня пять вещей, Хан. Я монстр, да?

— Я не вижу в тебе одержимости, — признался он, — и это странно. Ты уже больше двух суток не надевала их, но я не замечаю в тебе голода.

— Какого еще голода?

— Что ты сейчас чувствуешь, когда думаешь о вещах? — задал он встречный вопрос.

Я подумала и честно ответила:

— Желание их найти и перепрятать, чтобы они не достались Ордену.

— А надеть их на себя?

— Нет, а надо?

— Странно, — пробормотал Хан, — точно знаю, что у Хищниц постоянное желание носить вещи. Обладание двумя и более вещами — прямой путь к одержимости. Поверь, я знаю, о чем говорю. Ловил пару Хищниц. У каждой из них было по три вещи.

— И?

— Ты видела когда-нибудь наркоманов во время ломки? — тихо спросил Хан. — Я видел. И то, что происходило с Хищницами, было очень похоже. Жуткая ломка, выворачивающая все кости.

— Вы не пытались облегчить им страдания.

— Я смотрел записи. Все пытки и казни осуществляют Палачи. Инквизиторы при этом не присутствуют.

— Держите руки чистыми.

— Ева, ты язва. И не всегда вовремя. Те женщины делали ужасные вещи, отвратительные. Никакой жалости я к ним не испытывал. Нельзя жалеть того, кто ради своей выгоды не щадил никого и довел до самоубийства пятерых мужчин. Знаешь почему?

— Почему? — прошептала я.

— А потому, что они в свое время отказали ей, не ответили на чувства. Да, Ева, не смотри так на меня. Одна из них мстила тем, кто ее отверг. У каждого из мужчин была семья, дети, счастливая жизнь. И все, пять семей разрушено, дети остались без отцов. Из-за мести сучки, которой в руки попала вещь Дамаль. Вторая, феминистка, пыталась с помощью вещей пробиться в правительство. Мы нашли список законов, которые она планировала протолкнуть. Поверь, это мерзко. Поэтому не стоит видеть в нас чудовищ. Мы жестокие? Ева, а какими мы еще должны быть после таких вот выходов Хищниц?

Я молчала, так как не знала, что ответить. Да, это ужасно, но разве из-за таких вот женщин стоит на всех владелиц смотреть как на потенциальных преступниц? Ну глупо же? Или лес рубят — щепки летят?

— А что вы делаете с вещами Дамаль?

— Уничтожаем, конечно.

— И не сотрудничаете с владелицами?

— Ну... некоторые соглашаются помочь при определенном давлении. Но такое крайне редко. Обычно Орден справляется сам.

— Правда? — прорвалась в моем голосе язвительность. — У меня для тебя сюрприз. В Париже есть... был клуб, где владелицы вещей вполне себе мило общались с твоими коллегами. И сдавали других владелиц в обмен на мирное сосуществование. Меня бы тоже сдали, но я хитрая и

быстрая.

— Не слышал о таком.

В полумраке я увидела, что Хан недовольно хмурится. Что еще?

— Ева, ты уверена?

— Издеваешься? Я сама там просидела и почти даже переночевала.

Пересказала все, что услышала, и все, что удалось вытянуть из владелицы клуба. Я уже и имя ее не помнила. И жалко ее тоже не было.

Хан, выслушивая мой рассказ, зачем-то встал, отчего я едва не поперхнулась. Оказывается, господин Инквизитор разделся до трусов. Хотя почему я удивляюсь? Он же спать собрался.

Просто не могу на него спокойно реагировать, вот и все. Ну и задница у него шикарная.

— Говоришь, в Париже клуб?

Хан вернулся с ноутбуком и открыл его так, что я не могла увидеть экран. Быстро застучал по клавишам. Присвистнул.

— Что там, что?

Посмотреть мне не дали, но хотя бы снизошли до объяснений.

— Мы можем отслеживать все вещи Дамаль. Откуда и когда они попали в Орден, как были уничтожены. Это суровая необходимость. Я сейчас просматриваю последние два года и не вижу, чтобы из Парижа доставляли хоть что-то. Странно.

— Очень, — согласилась я. — Потому что, судя по обрывкам разговора, они уже сдали как минимум пятерых. И вряд ли им позволили два года жить спокойно без «уплаты налогов».

— Согласен, — пробормотал Хан, продолжая смотреть на экран. — Интересные дела. Мне надо подумать. Ева, а тебе надо поспать.

По-моему, именно этим я и занимаюсь последние двое суток. Сплю, как медведь. И ем. И опять сплю.

— Ты отлично уходишь от разговора.

— Мы можем продолжить его утром. Пока твоя бабуля будет совершать пробежку. Мне бы ее выносливость.

— И не мечтай, она уникальная женщина. Да, Хан, мы продолжим. Потому что я не понимаю, зачем ты вернулся и теперь подставляешь себя. Почему ты просто не сдашь меня своим коллегам. Ну или не отпустишь. Как уже сделал один раз.

— Дура, — устало проговорил Хан.

Свет от экрана ноутбука делал черты его лица более резкими, хищными.

— Я люблю тебя, идиотка. Потому и ушел тогда, чтобы не делать еще

больнее. Думал, все пройдет, а оно не прошло. Потому и вытаскиваю тебя из того дерьма, куда ты сама себя загнала. Потому что не могу по-другому. Вот и все.

Я слушала и моргала, слушала и моргала. Чего? Любит? Этот, кхм, нехороший человек сидит сейчас на моей постели и признается мне в любви.

— Врешь! — выдохнула хрипло.

Хан сейчас пытался сделать мои мечты реальностью. Сколько ночей после его ухода я пролежала, глядя в потолок и прокручивая в голове нашу следующую встречу. Да, там были признания, удары кулаками по мужской груди и куча покаяний.

Но вот дурой и идиоткой меня в мечтах не обзывали.

— Ева... — возвел он глаза вверх.

— Что? Я идиотка и дура, но ты меня любишь. Это особый вид мазохизма? Любить идиотку. Да еще и Хищницу.

— Да какая ты Хищница! — шепотом рявкнул Хан. — Малахольная, возомнившая себя судьей. Как ты собираешься драться с Орденом? Ты мне, кстати, так и не сказала.

— Собрать все вещи!

Оказывается, рявкать шепотом даже прикольно.

Хан пару секунд разглядывал меня с каким-то маниакальным интересом, потом осторожно спросил:

— У тебя в роду как, больных шизофренией не было?

— Я. Совершенно. Здорова. Не надо грязных намеков.

— Да, только слегка беременна. Но когда ты принимала такое решение, то вроде гормоны еще на мозг не давили. Ева, господи ты боже мой, у тебя вообще голова работает?!

— Не поверишь — всегда. Она — мой основной источник доходов.

— Собрать все вещи... — повторил Хан, словно все еще не верил тому, что я сказала. — Нет, я в курсе, что Хищницы стремились собрать весь комплект Дамаль, чтобы получить абсолютную власть. Но впервые слышу, чтобы его собирали ради уничтожения Ордена.

Он окинул меня взглядом, от которого мурашки пробежали вдоль спины, и пробормотал:

— Точно Антихрист.

— Если ты закончил с оскорблениями, то я ложусь спать.

— Ты все равно поймешь, что я прав.

— Конечно ты прав, — проворчала я, снова заворачиваясь в одеяло и оказываясь к Хану спиной, — ты сильнее, круче и все такое. И сейчас

думаешь, что я в твоей власти. И что я смирюсь.

Я не видела Хана, но чувствовала, как он сверлит меня взглядом. А потом вздрогнула, когда его голос раздался совсем рядом. Как он ухитрился подвинуться так бесшумно?

— Ты не в моей власти, Ева. Это как раз меня и восхищает и бесит. Ты сама по себе, но при этом тебя хочется защищать. Если понадобится, я спрячу вас где угодно, сменю тебе внешность, сделаю бункер, но вытащу из всего вот этого. И ты родишь ребенка, поняла? Потому что я знаю тебя, дорогая. Ты потом будешь убиваться, если избавишься от него. И ты не хочешь сама делать этого, но придумала кучу поводов для оправдания. Я их не принимаю. Спи, Ева, и думай над тем, как нам быть дальше.

Мое ухо просто полыхало от его дыхания. Я уже почти приготовилась, что тирада завершится поцелуем в район шеи, и даже придумала ядовитую фразу. Но Хан просто отодвинулся и лег. А мне пришлось проглотить заготовленные слова.

Ты влипла, Ева. Влипла просто дальше некуда. Потому что, как бы ни жгла внутри обида, но Хан сейчас проявлял здравомыслие. В отличие от меня, гормонально нестабильной и беременной. Другое дело, что если я сейчас смирюсь, то все зря. Весь год поисков, все, все, все.

И еще меня мучили два вопроса. Первый: почему вещи практически не влияют на меня. И второй: что это за квартира и отчего мне здесь не по себе.

Глава четырнадцатая

С утра меня разбудила бабуля. Нет, она не стучалась в дверь, не трясла меня за плечо, а просто ходила по гостиной, чем-то стучала и громко напевала матерную песенку про какую-то веселую черлидершу. О Господи!

Я перевернулась на спину и скосила взгляд в сторону. О Хане напоминала лишь смятая подушка. Не удержалась и прижалась к ней лицом. Вдохнула знакомый запах, в который вплетались горьковато-свежие нотки парфюма. Трижды черт, как же сердце стучит.

Точно он сказал — дура я. Сижу тут, нюхаю подушку и едва не реву от странных эмоций. Ведь и правда, не хотела я делать аборт. А теперь уже и не сделаю.

Одновременно горько и почему-то странно светло и хорошо. А еще был азарт. Я собиралась вернуть себе вещи Дамаль, а заодно проникнуть в ноутбук Хана и порыться там как следует.

Так что хватит обнюхивать подушку, пора приниматься за дело.

— Евушка! — обрадовалась бабуля, когда я, в пижаме и с лохматой головой, показалась из спальни. — Заспалась ты, дорогая. Так, быстро в душ, приводи себя в порядок, а то похожа на бродяжку. Давай, давай, и вещи возьми.

— Какие вещи?

— Сегодня с утра курьер из магазина привез. Все для тебя.

Я перевела взгляд на пухлый кожаный диван, похожий на уснувшего бегемота. Там грудой лежали пакеты, слегка уже распотрошенные. Ну ясно, бабуля явно в них порылась.

Внутри оказалась одежда и обувь. Не брендовые, но недешевые вещи, все уже с отпоротыми бирками. Надевай и носи.

Я выбрала светлые джинсы и простую блузку с бледно-розовой прошивкой. Бабуля права: надо выглядеть хорошо. В любой ситуации. Тем более мне надо как-то усыпить бдительность Хана.

Стоя под душем, а затем просушивая волосы феном, я размышляла над словами Хана. Такими правильными, такими мудрыми. И понимала, что все равно не могу согласиться с ним. Да, у Ордена была своя правда, своя цель. Но меня не отпускало чувство, что в последнее время у них происходит нечто плохое. То, что может сильно ударить по всем владелицам и по их родным.

«Магистры никогда раньше не трогали невинных».

Абби была невиновной. Моя бабуля — тоже. Но одну из них убили после пыток, а вторую хотели взять в заложники. И взяли бы, если б не Хан.

Орден напуган, да. Я это ощущала так же отчетливо, как и запах шампуня сейчас. А это значит — я на правильном пути. Полный комплект Дамаль должен сработать против них. Не верю, что он несет зло, скорее — все зависит от того, кто наденет его.

Я замерла с поднятым над головой феном. Вот, опять! То самое странное чувство, даже не чувство, а непонятное предвкушение. Что это такое?

Чуть повернула голову, прислушиваясь. Это не было слышимым или осязаемым. Скорее что-то вроде безмолвного зова, шедшего откуда-то из квартиры.

И самое странное, что нечто подобное я уже испытывала. Каждый раз, когда входила в дом, где находилась вещь Дамаль.

Да ладно! Мне вдруг захотелось расхохотаться. Это что же, вещи меня зовут? Невозможно.

Но факт оставался фактом: сейчас я чувствовала зов. И понимала, что где-то здесь спрятана вещь Дамаль. Вопрос лишь, где именно.

Надо ли говорить, что фен я бросила и кинулась в гостиную.

— Ева?! — обалдела бабуля, когда я начала носиться и открывать все шкафы.

— Все нормально, — пробормотала я, — это физкультура. Ай!

Одним из ящичков пузатого резного комода мне прищемило палец. Сунув его в рот, я огляделась: да уж, за пять минут успела распахнуть все двери шкафов в гостиной, выдвинуть ящички у комода и зачем-то отодвинуть фикус. Он-то здесь при чем?

— Ева, беременные женщины, конечно, порой странные создания, но тебе еще рано фортеля выкидывать. Месяца через четыре можно, сейчас не надо.

— Да правда все нормально, бабуль. Я просто так... злость вымещаю.

— На Хана, что ли?

Бабуля заняла кухонный проем, уперев руки в боки. Такая маленькая, в голубом спортивном костюме и с тщательно уложенными волосами, и очень боевая.

— Так, Ева Дрейк, что тебя не устраивает в этом мужчине?

— Ну, — я невольно скопировала ее позу, — наверное, то, что он не считается с моим мнением, забрал меня сюда без согласия, ведет себя как... как...

— Настоящий мужчина? Милая моя, когда мы тебя нашли, ты выглядела как доходяга. И все из-за своей упертости. Злишься? Да, в тебе говорят упрямство и обида. Но Хан тебя спасает, понимаешь? И ради тебя рискует всем, включая свою жизнь.

— Что?

Бабуля возвела глаза к белому потолку:

— Я не знаю всех тонкостей, но еще не в маразме и прекрасно понимаю, что Хан работает не грузчиком. Что уж там за организация — не в курсе, но ясно одно: руководители у них суровые.

— Да уж...

— И ты им явно перебежала дорогу, балбеска.

— Ну...

— А теперь представь, если они узнают, что Хан тебя прикрывает, м-м-м? Скажи, ты им сильно насолила?

— Как бы так сказать попроще... меня объявили Антихристом.

Бабуля закашлялась, но быстро справилась с собой.

— Видимо, сильно. Так что не веди себя как обиженная жизнью кошка, поговори с ним спокойно, когда он вернется. Обещал, кстати, к вечеру.

Меня вдруг пронзила нехорошая догадка.

— Бабуля, а когда Хан уезжал, то у него в руках была сумка?

— Ага, спортивная, но что...

Я молча кинулась в прихожую. Да, точно! Мой рюкзак висел на крючке вешалки из красного дерева и оказался подозрительно легким. Еще на что-то безумно надеясь, заглянула внутрь и застонала в голос. Ну конечно, Хан решил перестраховаться и увез все вещи Дамаль. Интересно, как он сдаст их в Орден?

— Черт, — простонала, борясь с желанием швырнуть рюкзак в угол, — черт, черт, черт! Ну вот как так-то?!

Год поисков, риска и путешествий... все пошло коту под хвост.

Или все же нет?

Я все-таки бросила рюкзак в стену, выплеснула негодование и вернулась в гостиную. Итак, где тут новая вещь Дамаль? С чего начнем поиски?

Просто так потрошить шкафы и все остальное опасно. Я это поняла, когда успокоилась и начала мыслить трезво. Во-первых, у бабули возникнут ненужные вопросы, причем не факт, что в подходящее время. Во-вторых, Хан тоже не идиот и мигом все поймет. К тому же вдруг он где-то установил видеокамеру? Это я сегодняшней поступок могу объяснить

тем, что искала свои вещи Дамаль. А дальше номер не пройдет.

Генеральная уборка! Я закусила губу и оглядела гостиную. Да, то, что нужно. Почему бы и нет? Заодно и Хан порадует, что я делом занята. А чтобы это не выглядело слишком подозрительно, буду убираться подходами. А в перерывах почитаю, погуляю. Вряд ли он собирается держать меня взаперти.

Сказано — сделано. Убедившись, что токсикоз пока молчит, выпила чай, проглотила завтрак и вооружилась тряпками, ведром и перчатками.

Начать решила с гостиной, рассудив, что здесь мебели больше всего.

— Евушка, не замечала за тобой рвения к уборке.

— Все меняется, — пропыхтела, залезая рукой с тряпкой под роскошный антикварный комод, — я беременной тоже не планировала быть еще лет пять.

— Ну это никогда загадывать нельзя.

Я промолчала, стараясь нащупать дно комода и понять, нет ли там секретных рычагов. Вроде чисто. Для верности протерла все полки, ощупала их, проверила все углы и несколько разочарованно отступила. Впрочем, не могло же мне повезти с первого раза. Надо просто набраться терпения.

К вечеру я выдохлась, но зато протерла до блеска и изучила всю мебель в гостиной. Жаль, не получилось отодвинуть тяжелый диван, мы с бабушкой просто не справились с этим. Пришлось смириться с этим фактом. Потом попрошу Хана подвигать мебель, он не откажет капризам беременной женщины.

Господин Инквизитор вернулся после семи вечера, когда я лежала поперек кровати и тупо смотрела на пол. Красивый паркет, старинный. Вообще удивительно, как в таком простеньком доме, которых в округе великое множество, оказалась такая квартира. И почему ее не охраняют как музей.

Я лежала и слушала, как Хан весело поздоровался с бабулей, спросил, как у нас дела, и предложил выйти прогуляться.

— Да, Джессика, я сделал тебе запасные ключи. Но умоляю, далеко от дома не отходи. Район тут достаточно тихий, но все же не стоит лишний раз рисковать. Тем более если что-то надо, я все куплю и достану.

Едва слышно звякнули ключи.

— Мне они нужны только для пробежки, — сообщила бабуля. — Иди ужинать, Ева уже поела и лежит. Весь день убиралась, ненормальная. Гнездо вьет.

Хан чуть закашлялся:

— Какое гнездо?

— У некоторых беременных бывает такое. Начинают надраивать квартиру.

— Господи, — вздохнул Хан. — Сейчас приду, посмотрю только, как она.

Я продолжала лежать в той же позе, только руку свесила с кровати. Так что неудивительно, что Хан замер на пороге и спросил:

— Ева? С тобой все в порядке?

— Абсолютно.

Едва слышный вздох и уже более сурово:

— Ты зачем убиралась?

— Я же не больная, силы у меня есть, а гулять меня не пустили. Ты дверь запер.

— Я принес ключи, ты сможешь выходить гулять, только недалеко.

Я перевернулась на спину и скосила взгляд на Хана. Выглядел он уставшим, но как всегда безукоризненно выбрит и одет с иголки. Прямо Мистер Совершенство.

— Спасибо, — проговорила кротко. — Не боишься, что сбегу?

— Без документов и денег? Зная, что тебя разыскивают? Ты не настолько дурная, дорогая.

— Верно, — мрачно согласилась я, — надо быть более дурной. Жаль, здравомыслие мешает. Хан.

— Что?

Нет, все-таки между нами определено все на пределе. Даже сейчас просто смотрим друг на друга, а воздух звенит от напряжения. И хочется то ли обнять, то ли обругать.

Что же ты со мной делаешь, господин Инквизитор? Это особо извращенная форма пыток? В таком случае я становлюсь мазохисткой.

— Ты так и не сказал, чья это квартира.

Да, лучше говорить о делах, чем мерить друг друга взглядами. Тем более взгляд Хана сейчас заставлял меня нервно сглатывать. Несмотря на джинсы и рубашку с самым скромным вырезом, я чувствовала себя раздетой до кружевного белья. И связанной.

— Зачем тебе?

— Я с детства отличаюсь любопытством.

— Заметил, — кивнул Хан, — причем пробуждается оно обычно в самый неподходящий момент. Не понимаю, какая тебе разница, кто тут жил прежде.

— Потому что я представляю стоимость обстановки. И мне интересно,

ты специально ее так обставил или все же уже нашел такую милую норку. Я к тому, что ты вроде не сильно любишь антиквариат.

Хан со вздохом взъерошил волосы, хмыкнул:

— Хорошо, эта квартире раньше принадлежала владелице вещей Дамаль...

Я уже открыла рот, но Хан меня перебил:

— Нет, Орден до нее не добрался. У нас были сведения о ней, меня отправили наблюдать и собирать информацию. Женщина оказалась лежачей больной, пришлось устроиться под видом работника социальной помощи. Лучше не спрашивай, как мне это удалось. И почему я ей так понравился, что она переписала квартиру на меня.

— Даже так? А вещи?

— У нее был платок, в разговоре она как-то упомянула о нем и что отдала его медсестре, которая приходила делать уколы. В качестве подарка.

— Подарка, — повторила я ошарашенно, — но владелица просто так не подарит вещь. Она не знала, что это такое?

— Знала. Нина — так звали хозяйку квартиры — получила платок от прабабки. И с его помощью стала работать психологом, помогла многим людям. Только вот когда после аварии ее парализовало, то решила, что хватит. И отдала платок. После чего начала мучиться приступами удушья, врачи даже диагноз ставили.

— Видишь, не все используют вещи Дамаль во вред другим.

— Не все, — согласился Хан. — Все зависит от человека. Но, увы, женщины очень падки на лесть, власть и так далее.

— А мужчины пушистые овечки, да. Ой, то есть бараны.

— Я этого не говорил. Но вещи Дамаль могут открыть в тебе самые темные стороны. Зависит от силы воли, от взглядов, от воспитания. Множество нюансов. В любом случае Нина использовала вещь во благо и не оставила себе, а отдала. Мы потом нашли ту медсестру, которая даже не поняла, что попало ей в руки. Вещь изъяли, и все закончилось.

— А квартира?

— А квартиру я оставил, — пожал плечами Хан. — Она лет пять вон стояла законсервированная, на сигнализации. Это я перед тем, как вас сюда поселить, велел клининговой компании привести все в порядок. Я удовлетворил твое любопытство?

— Вполне, — буркнула я, переворачиваясь обратно на живот, — можете быть свободны.

— Стерва.

— Стервь, — парировала я, — или как там мужчина с мерзким

характером называется?

— Сильный и разумный, — с усмешкой ответил Хан и вышел, бросив через плечо: — Так и будешь лежать тюленем?

Я проигнорировала вопрос, сделав вид, что занята своими мыслями. Хотя почему делала вид? И правда заинтересовалась рассказом. Если эта Нина отдала платок, то что я ощущала? Была еще вещь? Нечто, что она спрятала так тщательно, что ее за пять лет так и не нашли. Вот более чем уверена, что Хан тут все обыскал на всякий случай.

Села и тихо выругалась: обыскивать мебель смысла нет. Если уж Хан не нашел, то я и подавно. Нет, осмотреть надо, но в основном те места, где теоретически может быть тайник.

Снова посмотрела на пол, прищурилась. Что-то царапало меня изнутри, нашептывало и не желало отпускать. Почему так и тянет посмотреть на паркет? Он красивый, конечно, но не настолько же!

Если только...

Я оглянулась на выход из спальни. Нет, сейчас проверять догадку опасно, у Хана интуиция слишком чуткая.

И весь остаток вечера меня грызла догадка. Я даже не заметила, как поела и что поела.

— Евушка, ты вроде раньше не любила печень.

— А? — Я уставилась на тарелку с остатками подливки. — Это была печень?

— Добавки? — мягко предложил Хан.

— Наверное, мне не хватает гемоглобина, — предположила я, игнорируя его вопрос. — И даже не тошнит. Странно.

— Завтра я договорюсь с врачом, чтобы съездить на осмотр.

Это я тоже проигнорировала, так как не знала, что ответить. Просто пожелала приятного аппетита и ушла в гостиную, где жадным взглядом окинула паркет. Так, Ева, все завтра. Дождись, пока Хан уедет, а бабуля уйдет на пробежку. Должно же это когда-нибудь совпасть!

Чтобы держать себя в руках, быстро сбегала в душ, переоделась в пижаму и улеглась с книгой. Оказывается, я забыла, что можно просто валяться и читать. Обычно постель в последний год я использовала только как место для сна. А потом снова в путь.

И мой организм пока что наслаждался вынужденной ленью. Тем более мне рекомендовали придерживаться постельного режима хотя бы неделю. Мол, чтобы снизить риск выкидыша после аварии. Но я после отличного сна и хорошей еды ощущала себя великолепно. Даже токсикоз притих.

Книга постепенно погружала в дрему. Вроде и сюжет интересный, и

герои, но из-за беременности я стала сонливой. Потому не заметила, как заснула, уронив книгу на живот.

Проснулась оттого, что меня осторожно укрыли одеялом. Свет в спальне оказался выключенным, но в окно светил фонарь. И Хана я разглядела отлично.

— Ты чего...

— Просто продолжай спать, — сообщили мне. — Ты разлеглась на всю кровать. И храпела.

— Я?!

— Ну не я же.

Молча закуталась в одеяло и отодвинулась подальше. «Я не храплю! Это удел мужчин, причем грубых и невоспитанных», — мысленно сообщила это Хану и снова постаралась заснуть. Хотя разбуженное воображение, подстегнутое гормонами, вырисовывало картину того, как господин Инквизитор сейчас раздевается. А потом ложится в постель почти голый.

Все нормально, все хорошо, я ведь не железная. Реагировать на симпатичного мужчину — нормально. Главное помнить, что желательно смотреть исключительно на тело, а не заглядывать в душу.

И все равно удалось уснуть лишь через час. Все это время я лежала и боялась пошевелиться, хотя подушка уже буквально раскалилась.

* * *

А вот просыпаться было приятно. Я лежала, окутанная теплом и знакомым запахом, от которого внутри словно плясали солнечные зайчики. Так хорошо, так уютно и даже не хочется открывать глаза. Я пошевелилась и закинула куда-то ногу.

Ой...

Уже распахивая глаза, поняла, что пока спала, совершила дико идиотский поступок. Я практически залезла на Хана, обхватив его руками за шею. А он, конечно, мигом сориентировался и теперь прижимал меня к себе, придерживая за попу. Ну а ногой я задела его крайне заинтересованный в размножении орган.

— Поздравляю, — сообщила я мрачно, понимая, что вырваться глупо, — ты ужасно храпишь. Отпусти.

— Судя по тому, как ты прижималась во сне, храп тебя не смущал.

— Я измученная беременная женщина, которую держат в неволе. У

меня выбора не было.

— Ведьма, — проговорил Хан, продолжая удерживать меня. — Кто тебя держит? Прячет ради твоей же безопасности. И научись уже думать не только о себе, но и о нем.

Одна его рука отцепилась от моей талии и прижалась к животу, который оголился за время сна.

Кожу опалило прикосновением, да так, что я вздрогнула и сцепила зубы, чтобы не застонать. От жара, что проник внутрь и теперь начинал бег по венам. Такой нарастающий, пробуждающий ту потребность, которую я почти загнала в подсознание.

Черт побери, мне сейчас казалось просто жизненно важным чуть наклониться и губами провести по мужской груди. Ощутить вкус, выпить частое прерывистое дыхание...

О да, Хан явно не оставался равнодушен к такой близости.

А у меня и подавно пересохло в горле. Дикое чувство, что не хватает чего-то. Не воды, не вина и не сока.

Его поцелуя.

Я зажмурилась, понимая, что нельзя. Это слишком. Перейду черту, сдамся — и опять все заново.

И пусть уберет уже руку с моего живота.

— Отпусти, а?

Руку он убрал, но только лишь для того, чтобы провести пальцами по щеке. Да так, что у меня в груди что-то оборвалось.

— Хан...

Я пыталась воззвать к разуму, в то время как внутри все визжало: «поцелуй его, поцелуй». Руками я все упиралась ему в грудь, стараясь хоть как-то увеличить расстояние. Но вместо этого лишь чувствовала каждой клеткой его напряженные мышцы, одна из ладоней ощущала стук сердца. Быстрый и какой-то лихорадочный.

— Посмотри на меня.

Его хриплый голос пробирал так, что внутри рождалась дрожь. Я зажмурилась еще сильнее.

— Ева, мать твою, взгляни на меня.

Просто затрясла головой.

— Сама напросилась, — прозвучало угрожающе, а в следующее мгновение меня перевернули на спину, руки оказались вздернутыми над головой, а губы просто захвачены поцелуем. Таким требовательным и настойчивым, что на мгновение я забыла, как дышать.

От нахлынувших эмоций показалось, что падаю в сверкающий

водоворот. И выхода уже нет. Лишь попыталась извиваться, чтобы сбросить Хана с себя, хотя он вовсе не прижимал меня с силой. Скорее, просто мешал вскочить, при этом обращаясь крайне бережно.

— Ева, ты провоцируешь, — проворчал он, прекратив на миг меня целовать.

А я распахнула глаза, чтобы обжечься о его взгляд.

Мои руки он продолжал легко удерживать задранными вверх и прижатыми к постели. А второй рукой опирался о матрас, чтобы не лечь на меня полностью.

— Пусти.

— Нет.

Из гостиной раздался какой-то подозрительный стук Хан и ухом не повел, а я насторожилась. Особенно когда оттуда донесся веселый бабулин голос:

— Хан, ты можешь подойти сюда?

А почему Хан? Почему не я? И голос у бабули звучал так весело, что даже подозрительно. Мое воображение мигом нарисовало, что она упала и сломала бедро. И не хочет меня волновать.

Сама придумала, сама и напугалась. Да так, что начала вырываться уже всерьез. Но Хан меня и не думал удерживать.

— Лежи тут.

— С какой радости!

— Потому что позвали меня, — отрезал Хан. — Лежи, Ева, иначе я рассержусь.

— Всю жизнь ежей боялась.

— Просто не выходи из комнаты, и тогда все будет хорошо. А попытку подслушать я тоже узнаю.

— Да идите вы.

Я сунула голову под подушку, притворяясь обиженной. Подождала, пока дверь закроется, и беззвучно сползла с кровати. Еще накануне вечером я притащила сюда минералку и стакан, так как по ночам безумно хотела пить. И вот теперь-то он мне и пригодился.

На цыпочках, со стаканом в руках, подкралась к стене между спальней и гостиной. Тут же приоткрылась дверь, и крайне злобный голос Хана произнес:

— Я же предупреждал!

Ну вот и кто из нас ведьма?

— Это моя бабуля!

— И она хочет поговорить со мной.

— О женском? — не удержалась от язвительности.

Но Хан решил не реагировать на явную провокацию и просто снова закрыл дверь. Рисковать вторым подходом я не стала, переоделась в джинсы и рубашку, причесалась и послушно села на краю постели. Надеюсь, Хан не рассчитывал продолжить коварное соблазнение после разговора? В любом случае я не соглашусь.

Дверь открылась, когда я уже извелась, захотела в туалет и серьезно подумывала устроить бунт.

— Ева, как ты себя чувствуешь?

Вопрос Хана прозвучал несколько странно.

— Нормально.

Бабушка маячила за его спиной и как-то странно меня разглядывала.

— Вы чего? — не поняла я. — Нет, правда, все нормально. О чем разговаривали?

— О том, что человек — существо крепкое, — сообщила бабуля. — И что женщины нашего рода не истерички.

Хан хмыкнул, но от комментариев воздержался.

— И к чему вы вели такой интересный разговор?

— Джессика, — произнес господин Инквизитор, — я вам советую не тянуть. Иначе Ева накрутит сама себя. Вижу, уже начала накручивать. Да, дорогая?

— Нет, дорогой, — ответила в тон. — Так, бабуля, что случилось? Ты тут встретила мачо своих лет и решила остаться в России?

— Была бы не против, случись оно все именно так.

Бабуля как-то замялась, но Хан пришел ей на помощь. Только для этого он зачем-то сел рядом со мной и взял за руку. Я чуть приподняла бровь, как бы спрашивая, чем обязана такой честью.

— Ева, в Москве завтра состоится показ мод, и твоя мать была приглашена на него. Все же известная топ-модель, пусть и завершившая карьеру. Тем не менее по-прежнему блистающая на экранах.

Как-то нехорошо внутри сделалось.

— Что с мамой?

— Я сейчас буду это выяснять, — все тем же спокойным голосом продолжил Хан, поглаживая мою руку, — пока из новостей мы выяснили, что по дороге в аэропорт машина попала в аварию. Елену увезли в клинику, оттуда вестей нет, хотя журналисты осаждают ее со всех сторон. Ее агент на вопросы отвечает отказывается.

— Надо звонить ему! — подпрыгнула я. — Бабуля!

— Я пыталась, — покачала та головой, — стоит автоответчик.

Видимо, не хотят звонков. И с нами не связываются.

Так, главное не реветь и не паниковать. Я вдруг поняла, что сижу и изо всех сил сжимаю руку Хана. А тот ничего, даже не морщится.

Мама, мамочка, да что же это такое! У тебя же гениальный водитель-виртуоз. Вы с ним в туман, в гололед спокойно ездили по горному серпантину. А тут на прямой трассе, и так влететь.

И вместе с этим в голове зрело просто ужасное подозрение. Настолько отвратительное, что я не выдержала и уставилась на Хана. Тот прочел по моему взгляду все, что думала, и качнул головой. И что? В смысле разговаривать будем не здесь или Орден не имеет к этому отношения?

— Почему ее долбаный агент не отвечает?! — бабуля мерила спальню нервными шагами и ругалась. — Мы семья, черт подери! Что этот ублюдок себе позволяет? Сиди тут и сходи с ума от неизвестности.

— Так!

Громкий голос Хана заставил нас чуть собраться.

— Для начала успокойтесь, — приказал господин Инквизитор. — Тебе, Джессика, не стоит волноваться, так как все же сердце, оно такое... иногда болеть может. А возраст у тебя элегантный. Ева, тебе тоже нельзя нервничать. Сама знаешь почему. Сидите здесь, я попробую все узнать.

Узнавание затянулось часа на три, а то и больше. Бабуля за это время успела себе померить давление два раза, а мне — три. Показатели были хорошие, но ее это не слишком успокоило.

— Я так далеко, — пробормотала она в какой-то момент, — а дочке так нужна поддержка. Да что же такое на Елену свалилось? Прошлый год в больнице, теперь этот.

«Дочь Ева на нее свалилась, — думала я мрачно, — вляпалась, а мама расплывается».

Реветь и причитать я не могла. Во-первых, маме этим не поможешь, во-вторых, тогда бабулю точно инфаркт хватит. Да, у нее хорошее здоровье, но и лет немало.

Хан все это время провел на кухне, куда мы заходили на цыпочках. Но расслышать что-то было невозможно. Сам мужчина в основном молчал, лишь изредка задавая короткие вопросы. По каменному лицу прочитать что-либо оказалось невозможным. В итоге я начала нарезать крути в гостиную.

— Ева, иди погуляй, — предложила бабуля, — или пойдем вместе. Тебе подышать надо, а Хан пока все равно занят.

Нет, она явно держалась лучше меня. По крайней мере, внешне так точно. В то время как я то и дело сдерживала слезы страха.

Да, мы с мамой не всегда ладим. Но я ее безумно люблю и уважаю.

Буду теперь ей это постоянно говорить, честное слово!

Только пусть все будет хорошо!

«Если с мамой все будет хорошо, я даже согласна не перечить Хану. Почти не перечить».

Гулять мы в итоге пошли, но для меня это стало мукой. Небо серое, дома серые, мелкий колючий снег и ледяной ветер. Я выдержала полчаса и просто удрала домой. Не то настроение, чтобы наслаждаться прогулкой. Голова забита страхом, тоской и желанием повить на луну.

Кстати, если я поддамся третьему желанию, Хан меня запрет в психушке или нет?

В квартиру я ворвалась уже на пределе. И почти сразу попала в руки Хану. Тот аккуратно вытряхнул меня из пуховика и обуви, отнес в гостиную и усадил на диван. Бабуля вошла следом, еще пытаюсь пошутить:

— Ева, когда тебя на руках таскают, это же здорово! Главное найти момент и перебраться на шею. Хан, ну что?

— Джессика, ты хочешь сейчас вернуться домой? В смысле к дочери?

Взгляд у бабули вспыхнул безумной надеждой. Я же опустила голову. Конечно, она хотела, она рвалась к дочери, которой сейчас было очень плохо. Но ни взглядом, ни намеком не дала этого знать никому.

Моя бабуля очень мудрая женщина. И всегда оценивала ситуацию, прежде чем предъявлять свои хотелки.

— Хан, это тупо! — вмешалась я. — И небезопасно.

— Ты считаешь меня дураком?

Его тон мне не понравился.

— Н-нет.

— Тогда сиди и молчи, — отрезал Хан. — Ева, меньше всего я хочу причинить вам вред. Джессика, собирай вещи, я пока выберу билеты. Как твое здоровье? Тебя надо показать врачу?

— Все хорошо, — покачала головой бабуля, — давление как у космонавта, сердце работает отлично. Покупай уже билеты! Но! Ты же говорил, что мне небезопасно сейчас находиться без тебя? Эта ваша организация...

— Я же сказал, что все устрою. Точнее, устроил заранее. Джессика, только не обижайся.

— На что?

Хан сходил в спальню и принес свою сумку. Я чуть приподняла бровь, когда он достал оттуда тонкую синюю папку.

— Здесь твои документы и документы твоего сопровождающего. У тебя

болезнь Альцгеймера, ты давно не общалась с внучкой и за тобой присматривает медсестра. Я сообщил все это в Орден и сказал, что ты не представляешь интереса. Они велели вернуть тебя.

— О как! — пробормотала Джессика, пока я хлопала глазами. — Какая прелесть. Милый, ты меня маразматичкой сделал. Это прямо что-то новое. Таких ролевых игр у меня еще не было.

— Бабуля! — закашлялась я.

— Тихо! Большая девочка. Так, ну и кто полетит со мной?

— Специально обученная женщина. Она довезет вас до дома Елены, дальше сами.

— погоди, а ваша организация не удивится тому, что женщина в маразме резво скачет по улице?

— Они уже забыли о тебе, Джессика. Ты не представляешь интереса.

— Вот сейчас обидно было, — проворчала бабуля, — ладно, пойду собирать вещички. А вы тут потолкуйте без меня. Хан, Ева вся на взводе. Ты это... успокой ее по-мужски.

В итоге из гостиной ушли мы, дав Джессике возможность собираться и громко распевать частушки на незнакомом языке. А Хан утащил меня в спальню и плотно закрыл дверь.

— Я отвезу Джессика, — проговорил тихо, — потом отвезу тебя на осмотр. Здесь есть хорошая клиника, там нет Ордена. Ева...

— Что? — буркнула, глядя в окно.

— Ева, не бойся.

— Это твои коллеги сделали! — прошипела я. — Это все они! Ублюдки! Оставьте нашу семью в покое!

Рывкнула, повернувшись к Хану. Тот лишь нахмурился и бросил:

— А из-за кого твою семью не оставляют в покое?

Я задохнулась от возмущения, открыла рот и... закрыла.

— Я тебя поняла. Женщины — зло.

И ушла к бабуле помогать. Вот и пообщались.

Хан вдогонку мне треснул кулаком по постели и выругался. Ничего, пусть попсикует. Сама я вдруг резко успокоилась. Сейчас главное отправить бабулю, а дальше уже разберемся. С мамой все будет хорошо. Главное, повторять это как мантру.

Глава пятнадцатая

Хан очень торопился выехать из временного укрытия, так как даже его стальная выдержка начала давать трещину. Ева, чертова ведьма, не желала признавать очевидные факты. И по-прежнему злилась. Джессику обняла, едва не заплакала, а ему сухо сказала, что надеется на езду без аварий. Хан намек понял и проглотил ругательства. С беременной спорить бесполезно. Вот уж точно, женщина отключает мозг, когда ей выгодно. И прекращает воспринимать информацию, закливаясь на себе.

Хоть и держался он спокойно, но дверью машины хлопнул от души.

— Можешь выругаться, — предложила Джессика, — помогает.

— Прости, но твоя внучка иногда невыносима.

— Бросить ее хочешь?

— Нет, скорее прибить. Чтобы никто другой больше так не мучился.

— Ну значит — любишь, — «успокоила» его Джессика. — Не злись на Еву, она привыкла быть самостоятельной. С такой матерью-то неудивительно. Я ее воспитывала, но тоже часто бывала занята. Ева привыкла с ранних лет сама решать, что ей делать и как. И мужчин частенько осаживала с их попытками командовать. А тут явился ты, спасаешь, командуешь, ребенка вон сделали. У нее все на сто восемьдесят градусов повернулось.

— И что делать? Я не привык, чтобы женщины, кхм, вели себя так.

— Не привык он, — хмыкнула Джессика. — Сам выбрал, сам и мучайся. Серьезных отношений, что ли, не было?

— Работы много, — ответил Хан. — Не до отношений как-то было. А тут она. Ведьма!

— Ведьма, — кивнула Джессика. — У нас в семье были ведьмы. Ну как ведьмы, знахарки, но для тех времен все равно что ведьмы.

Хан кивнул: он был в курсе семейного древа этой сумасшедшей семьи.

Ему повезло, что сумел купить билеты на ближайший рейс до Франкфурта, а оттуда уже до Канады. Правда, пересадка долгая, семь часов. Но это мелочи. Главное, что Джессика спокойно долетит под присмотром Анны. Квалифицированная медсестра, которой не привыкать перевозить подобных больных.

— Вы лучше на всякий случай изображайте старушку, — посоветовал Хан.

— Это будет сложно, — с самым серьезным видом ответила

Джессика, — я ведь женщина в самом расцвете сил. Мне слюну пускать надо?

— Просто сидите и молчите.

— Даже петь нельзя?

— Джессика!

— Это нервное, Хан, — вдруг тихо сказала она, беря его под руку. — Беспокоюсь я за Елену. Не везет ей, хоть и популярна и богата. Как отец Евы ушел от нее, так и начала она дурить. Ладно, хоть не алкоголь и не наркотики, а просто мужики. Живет ярко, но как мотылек, который вокруг лампы. Движение в сторону, и все — сгорит.

— Все будет хорошо.

А что он еще мог сказать? Подобные откровения обычно резали по сердцу, лишний раз напоминали, что у него-то семьи нет.

Не было.

Хан аж замер, машинально продолжая смотреть на огромное табло с расписанием самолетов. Здесь они должны были встретиться с Анной.

Семья.

Ева и ребенок. Это ведь семья, верно?

От осознания этого на миг перехватило дыхание.

Когда-то Хан почти поверил в то, что семья Богдана стала ему родной. Но один проступок — и Вацлав его исключил из близкого круга.

А вот Ева и ребенок — их общий ребенок — тут все было по-другому.

Нюанс: Ева не хотела его прощать. Но он постарается. Обязательно постарается.

Все еще ошарашенный откровением, Хан дождался появления Анны, убедился, что она и Джессика улетели, после чего отправился домой.

Завтра он собирался встретиться с Богданом и выяснить, почему его названный брат так настойчиво советовал отправить вещи Дамаль не через русское отделение Ордена, а курьером. По телефону он говорить отказался, лишь буркнул, что можно встретиться в кафе. И что в Москве куча Инквизиторов, обшаривают все уголки. Аэропорты и вокзалы под контролем.

Еву надо как-то вывозить еще дальше, они слишком близко. Опасно близко.

И убедить уже ее оставить мысль о мщении. Орден непоколебим, бороться с ним одной — самоубийство. Лучше он спрячет ее до того времени, пока все не успокоится. Новые документы, новая жизнь. В конце концов, Ева Дрейк может «погибнуть» в автокатастрофе, а среди выпускниц закрытой школы появится новая девушка. С новыми лицом и

манерами.

Он уговаривал сам себя, хотя в душе понимал: Ева на такое не пойдет. Да и какая воспитанница с животом? Скорее уж просто женщина со стороны, из тех, на которых никто из Ордена не женится. Только роль любовницы.

А на такое уже не готов он.

Путь до временного убежища казался бесконечным. Быстрее, быстрее вернуться и сказать ей все, что хотел. Объяснить, уговорить, убедить.

Вот и знакомый дом, и квартира. Хан на мгновение замешкался, прислушиваясь, огляделся. Нет, он не опасался, что их найдут. Кому придет в голову искать Хищницу на квартире, которая досталась одному из Инквизиторов. Учитывая, что о ней знал только Богдан.

Дверь он открывал тихо. Вдруг Ева заснула. Пусть спит, ей сейчас это необходимо.

Хан шагнул через порог и замер, насторожился, как гончая.

Тихий звук повторился, и уже не осталось сомнений: в глубине квартиры плакали. Хан плавным беззвучным шагом проскользнул в сторону спальни, снова замер.

До боли сжал челюсти, понимая, что это плачет Ева. И не громко рыдает, а тихо, но горько. Так плачут, когда не надеются на помощь, не хотят, чтобы их услышали.

Вашу мать, что произошло за то время, пока он отвозил Джессику в аэропорт?

Понимая, что уже не может подслушивать, Хан рванул дверь спальни на себя. Заставляя Еву вздрогнуть и резко вскинуть голову.

Дорожки слез на щеках и покрасневший нос.

Черт, плакала она, похоже, очень долго. Может, с того момента, как они уехали.

* * *

Я крепилась, пока собирала и провожала бабулю. Я крепилась, пока закрывала за ней и Ханом дверь. Черт подери, я крепилась после их отъезда целых пятнадцать минут, в течение которых вяло осматривала пол в спальне. Вдруг где-то тайник?

Накрыло меня внезапно. Как только полезла под кровать и обнаружила там бабулину брошку. Ту самую, которую мы безуспешно пытались отыскать в ее вещах. Видимо, нечаянно уронила, когда заходила ко мне. Да

мало ли как. Я взяла ее и вспомнила, как в детстве мне давали поиграть и с брошкой, и с остальными украшениями бабули. В гости к нам она тогда приезжала чаще, из-за меня. Мама по уши была занята карьерой, у папы уже тогда, как я потом поняла, появилась другая женщина, не такая амбициозная, как его жена. А меня предоставили няне и школе. Ну в последней я хотя бы была довольно популярна, видимо, из-за известности мамы. Как же, дочка одной из известных топ-моделей и так далее.

И вот эта брошка напомнила мне о том, как хорошо было в детстве. Никаких проблем, никто не пытался меня убить, несмотря на грядущий развод родителей, дома всегда ощущалась хорошая атмосфера. А когда приезжала бабуля, то и вовсе наступал настоящий праздник.

Дурацкие гормоны сделали свое дело. Мне вдруг так стало жалко себя, что заревела в голос. Вот прямо так, сидя на полу и держа в руках брошку. Потом перебралась на кровать и продолжила заливать слезами все вокруг, потише, но все так же жалея себя.

Спроси меня сейчас, почему я реву: толком не смогла бы ответить. Потому что внутри кроме непонятной жалости еще смешались в равных пропорциях и злость, и страх, и еще куча других эмоций. И все они никак не желали оставить меня в покое.

Наверное, вот так рыдать вредно для ребенка? Я не знаю. В какой-то момент поняла, что уже не могу остановиться и продолжаю плакать от любой мысли. Вспомнила, что беременна, и снова залилась слезами.

Вот так и становятся истеричками, да?

Верните мои мозги, пожалуйста.

— Ева, что такое? Ты в порядке?

Голос Хана произвел впечатление пушечного выстрела. Кажется, я даже подпрыгнула. И едва ли не с ужасом уставилась на застывшего в проеме Инквизитора. Он что, ниндзя, если подкрадывается настолько бесшумно? Или я настолько упивалась собой несчастной, что перестала адекватно воспринимать звуки вокруг?

— Все хорошо.

— Ты сама-то в это веришь?

— Иди, — шмыгнула я носом, — перетаскивай свои вещи на диван. Надеюсь, бабулю ты и правда отправил на самолете к маме, а не в Орден.

Хан резко оказался рядом, обхватил пальцами мой подбородок, заставляя меня взглянуть в темные глаза. Очень злые и одновременно обеспокоенные.

— Ты все еще жаждешь видеть меня чудовищем, Ева? Seriously? — В его голосе сквозило едва ли не изумление.

Я открыла рот, чтобы сообщить, кем я его вижу и куда он может отправляться. Также напомнить, куда он ушел год назад. Но мне не дали. Мне закрыли рот поцелуем, от которого на миг закружилась голова. При этом умудренный опытом Хан держал мои руки за запястья, не давая себя побить.

Укусить бы его за все ночи, что я провела одна. Вместо этого ответила на поцелуй с не меньшим жаром. И с какой-то злостью, пытаюсь через прикосновение губ показать, как он меня бесит.

И бесит, и волнует.

— Девочка моя, — услышала горячий шепот возле своих губ, — когда уже поймешь, что все, не отпущу. Никогда. Ведьма ты!

И поцелуй в щеки, виски и нос, торопливые и такие, что сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди.

За что ты так со мной?! Это запрещенный прием!

— Ты сам ушел... — пробормотала, понимая, что говорю какую-то чушь.

— И без меня ты натворила бед.

Поцелуй в шею, от которого дрожь по всему телу. Все, я сдаюсь! Мне невыносима мысль, что Хан исчезнет и больше не станет говорить мне такие вещи хрипловатым низким шепотом.

Сама потянулась, высвобождая руки и обнимая мужчину за шею. Вот так, совсем близко, чтобы вдохнуть его запах, терпкий парфюм, который теперь прочно ассоциировался только с Ханом.

На этот раз все было медленно и томительно нежно. Так нежно, что внутри все сжималось от эмоций, от чувства слияния. Хан явно боялся сделать больно, потому и двигался крайне медленно. В то время как я выгибалась и просто превращалась в комок нервов, готовый взорваться от напряжения.

И поцелуй. Они были везде, заставляли кожу гореть от прикосновений и становиться крайне чувствительной. Я хватала ртом воздух, когда мне его освобождали. И сама тянулась снова и снова.

Невыносимо сладко и одновременно мучительно. Хан держал меня на грани, не давая разлететься осколками наслаждения.

— Я тебя люблю, — шептал мне на ухо, и казалось, что еще немного — и я просто взорвусь от чувств.

В конце концов теплые волны удовольствия подхватили меня, а потом отхлынули, заставив лежать и приходить в себя. Чувствуя под собой широкую мужскую грудь. Хан просто уложил меня на себя и обхватил руками.

— Это было...

— Замолчи, Ева. Это не было ошибкой. Прекрати, хватит.

— Хорошо, — пробормотала извиняющимся тоном. — Не буду больше, ты прав.

Я готова была лежать так долго, слушая сердцебиение Хана, ощущая его руки на себе. Но звонок мобильного разрушил всю идиллию. Именно в тот момент, когда господин Инквизитор снова начал меня целовать. И весьма требовательно.

— Да? — коротко спросил он, помолчал и ответил: — Хорошо, я приеду.

Выругался, лишь когда закончил этот краткий диалог.

Я лишь приподняла голову и молчаливо разглядывала хмурое лицо.

— Мне надо в Москву, — сообщил Хан несколько сердито. — Видите ли, на завтра у Богдана резко изменились планы. И он предлагает увидеться сейчас.

— Оу. — Я помолчала, потом спросила осторожно: — А это не из-за меня?

— Сейчас все вокруг из-за тебя, — вздохнул Хан.

Он с видимой неохотой встал с постели, а я все же вздохнула. Вот это тело! А внутри еще и мозг имеется!

— Хан...

— Слушаю. — Он обернулся, застегивая штаны.

Вот это пресс! Я сглотнула и пробормотала:

— Я просто ужасно несдержанная.

— Ты беременна, плюс возможна эмоциональная нестабильность после долгого и плотного общения с вещами Дамаль. У тебя их было много, ты их постоянно носила, а потом тебя резко их лишили.

Он наклонился ко мне и коснулся губ, пальцем провел по щеке.

— Я буду поздно вечером, Ева. И тогда мы с тобой побеседуем. Я хотел сейчас, но мне и правда срочно надо увидеться с Богданом.

— Верю.

— Просто отдыхай и не нервничай, хорошо?

Такие банальные слова. Я же робот, да, мне достаточно приказать — и все, нервы отключатся. Стану лежать как ленивец и радостно ухать. Все это я и сообщила Хану, который уже натягивал пуловер и одновременно искал ключи от машины.

— Язва, — сообщили мне в ответ.

— И это тоже банальность! — гаркнула вслед господину Инквизитору, но тот в ответ хлопнул дверью и удрал.

Я же позволила полежать себе еще минут десять. Тело все еще помнило ласки и ленилось куда-то вставать. Пришлось едва ли не пинками сгонять саму себя и идти в душ. Потом, уже взбодрившись и даже ощутив голод, который, казалось, исчез навсегда, я отправилась на кухню. Надеюсь, токсикоз ушел и больше не вернется.

На самом деле отъезд Хана был мне даже на руку. Я хотела продолжить обыскивать квартиру. Внутри по-прежнему жило ощущение, что очередная вещь Дамаль близко. Но не в мебели, точно нет. Иначе ее бы уже нашли. Разве что есть совсем секретное укрытие.

Хорошо, что я была дома одна. Так что опустила на колени и поползла по всей квартире, простукивая пол. Сама не зная, что хочу услышать.

Это случилось под кроватью. Под моей бедной разворошенной кроватью, на которой только что мы с Ханом занимались сексом. Чувство странного ожидания стало просто нестерпимым. И когда под моими руками часть паркета вдруг скрипнула как-то не так, я мигом насторожилась. Пожалела, что коротко обрезала ногти, сбегала за ножницами и начала орудовать.

Паркет поддавался неохотно, но все же постепенно тонкая щель становилась все шире. Пока наконец с тихим треском я просто не выломала три соединенные между собой дощечки.

Углубление было совсем небольшим. Я задрожавшими руками достала оттуда крохотный сверток. Плотная ткань, под которой что-то захрустело.

Старая газета, уже пожелтевшая. Она разворачивалась мучительно долго. А когда наконец я с ней справилась...

Сложенные вчетверо бумаги и... чокер. Старинный чокер из подозрительно-знакомых кружев темно-лилового цвета, украшенных мелкими блестящими камнями. Кажется, настоящими рубинами.

Я сидела и тупо смотрела на вещь Дамаль. Она позвала меня? Почему они зовут меня?!

Эй, ребята, я не хочу быть Антихристом или Суперведьмой! Я просто хочу объяснить Ордену, что плохо так себя вести.

А листы оказались исписаны мелким аккуратным почерком. Невольно вчиталась. И чем дальше читала, тем сильнее холодели пальцы.

От шока.

Первая часть письма была на французском, который, к счастью, я знала. Пусть и не идеально. Вторая на русском, и ее я пропустила. Скорее всего, это был перевод первой части.

Женщина, которая жила здесь до меня, оказалась гением. Она сумела

каким-то образом раздобыть точные сведения о мадам Дамаль и как следует изучить их, прежде чем отправить кому-то. Кому — в письме не уточнялось, но Нина писала, что там они будут в полной безопасности.

Я читала и все лучше понимала, во что я ввязалась. Мадам Дамаль в свое время вышла замуж, чтобы сменить фамилию и затеряться. Она понимала, что найти ее — вопрос времени. Но не выпускать вещи не могла. Так как являлась проводником силы вещей в наш мир. Орден охотился за ней с яростной одержимостью. Я лишь икнула, когда прочитала, что вещи и прежде приходили в наш мир. Однажды в виде того, что назвали Граалем. Тамплиеры пытались собрать его воедино, но потерпели неудачу, когда уже были совсем близко к успеху. Инквизиция оклеветала их, Орден перестал существовать, а вещи оказались уничтожены. Новый Орден был создан из потомков выживших тамплиеров и тех инквизиторов, которые поняли, что такую силу необходимо вернуть в мир.

В мужской мир.

Нина, раньше называвшая себя Нинель, оказалась не просто владелицей редчайшей Вещи. Именно с большой буквы, так как ее изготовили лишь в трех экземплярах. Одна из них и досталась Нине, вышедшей замуж за русского и уехавшей в Москву.

Мадам Дамаль приходилась ей родственницей, пусть и очень дальней. Вещь Нина получила в наследство от матери, а та — от бабушки. Сама же мадам Дамаль была личностью загадочной и темной. В семье о ней если и говорили, то шепотом и с легким страхом. В итоге Нина загорелась идеей отыскать все, что могла, о мадам Дамаль. Она стала фанаткой этой странной женщины.

«Когда я узнала о вещах, то поняла, что не хочу пользоваться ими, — читала я ровные строчки. — Зачем? С мужем я развелась, детей заводить не хочу, в обществе бывать не люблю. Мне комфортно в моей квартире, куда я смогла перевезти фамильную мебель. А эта Вещь найдет свою хозяйку. Почему я так уверена? Мне снятся сны, в которых она оказывается в чужих руках. Вещь сама позовет владелицу. Мадам Дамаль создала всего три чокера, без других деталей одежды эти вещи не работают. Я читала ее дневник, и мне страшно. Будущая владелица чокера, если ты читаешь это, значит, нашла Вещь, а меня уже нет в живых. Если у тебя уже есть шесть вещей, то чокер станет замыкающим круг. Я читала это. Только вот так и не поняла, что последует дальше. Но, судя по всему, нечто невероятное. Жаль, не смогла перевести с латыни некоторые фразы мадам. Я посвятила жизнь изучению ее биографии. И спрятала все материалы так далеко и надежно,

что никто и никогда не найдет их. Пусть она останется такой же загадочной личностью, какой была всегда. Дамаль — икона владелиц. Пусть ею и остается...»

Я замерла на полу, продолжая смотреть на листочки в руках. Однако. Насколько велик шанс наткнуться на подобное? Правильно — один к миллиону в лучшем случае.

Неужели вещи и правда способны призывать?

Если так, то я в полной заднице.

Еще раз внимательно осмотрела чокер. Ну тряпочка и тряпочка, красивая, явно дорогая. Что она может сделать?

И у меня было как раз шесть вещей. Опять совпадение?

— Так, главное, без нервов, — пробормотала, борясь с желанием погрызть ногти. — Спокойствие, только спокойствие. Это надо как следует обдумать. На свежем воздухе.

Без бабушки эта квартира почему-то стала не такой уютной. Тем более я правда хотела выйти на улицу и чуть проветрить мозги.

Знания свалились на меня весьма тяжелым грузом.

На улице было великолепно. Я с наслаждением вдохнула воздух, пропитанный легким морозцем. Снег продолжал падать, но уже не колючими искрами, а хлопьями. Начало декабря, скоро Рождество. На миг на сердце стало тепло. Может, в этот раз мы встретим его с Ханом?

Похоже, я даже готова его простить. Хотя новая вещь в моих руках. Точнее, сейчас чокер и записи снова спрятаны под паркетом. Ну не в карман же мне их запихивать. И что вообще делать?

С одной стороны — Хан, с другой — желание расправиться с Орденом.

Я медленно шла по тихой заснеженной улице, лениво рассматривала магазинчики, что расположились на первых этажах домов. Не заходила, хотя Хан оставил мне деньги. Тратить я их не собиралась. У меня и свои были, к счастью.

Машины проезжали довольно редко, все же район спальный. И в это время дня большинство людей были на работе. В основном я видела пожилых женщин и молодых мам с колясками. Последние вызывали смутные чувства. Пока не верилось, что и я так смогу через некоторое время.

Мимо проехал синий и довольно потрепанный внедорожник. В первый момент даже напряглась, но потом вспомнила, что у Хана он другого оттенка. Да и номера не те.

Тротуар постепенно заносило снегом, поднялся ветер, и я решила

разворачиваться к дому. И так зашла довольно далеко.

Потрепанный джип остановился впереди. Я было насторожилась, когда оттуда вылез мужчина в светлой дубленке и темных джинсах. Но он лишь скользнул по мне скучающим взглядом и пошел к киоску с цветами. Скрылся за его стеклянной дверью. Небось девушку свою решил порадовать.

Вспомнила, как в прошлом году Хан дарил мне цветы, и мысленно выругалась. Как он ухитрился так сильно проникнуть в мою жизнь и в мое сердце? И кто из нас в таком случае ведьма?

Мужской голос из внедорожника заставил меня машинально бросить туда взгляд. Мужчина за рулем улыбался и что-то у меня спрашивал.

— Извините, не говорю по-русски, — сообщила, разводя руками.

— А нам и не надо, — прозвучало на чистом английском за спиной.

Дальше все было как в дурацком кино. Задняя дверь открылась, а я получила такой удар в спину, что полетела вперед. Из машины высунулась рука и втащила меня в салон.

Сильный удар по лицу просто смял реальность. Я на мгновение ослепла и оглохла. И даже боль почувствовала не сразу, только сильнейший шок. А затем боль впилась сотнями иголок, щека запульсировала.

— Это чтобы ты поняла, что лучше молчать, — донесся до моего оглушенного сознания мужской голос.

Приоткрыв глаза, я увидела, как один из мужчин замахивается. И вжалась в спинку сиденья, прикрывая живот.

— Нет! Я беременна!

Крик вырвался сам собой, словно я наивно надеялась, что их это остановит.

— Стой!

Другой мужчина перехватил руку первого, проговорил несколько раздраженно:

— От радости мозги поехали, Барт? Сказано: довести до Рима в целостности и сохранности! — и обращаясь ко мне: — Хочешь сохранить ублюдка — сиди тихо. Поняла?

Кивнула, стиснув зубы. Половина головы и правая щека пульсировали горячей болью и словно распухали. Нет уж, реветь не стану.

— Вещи есть? — продолжил мужчина и, не дожидаясь ответа, приказал: — Руки назад.

Молча подчинилась, ощутила, как на запястьях защелкнулись наручники. И тут же чужие руки торопливо начали шарить по моему телу. Я дернулась — скорее от брезгливости, нежели от страха. И мигом

получила затрещину.

— Замри.

Это было отвратительно. К счастью, мужчина не собирался меня лапать. Просто осмотрел, как куклу, и кивнул:

— Чистая.

— Ненадолго, — хмыкнул тот, которого звали Бартом. — Сучка, заставила побегать. Прямо само провидение послало нас в эту дыру. Я аж глазам не поверил: идет себе по тротуару! А ты еще не верил, что это она.

— Успокойся, зато сейчас поверил.

— Ребята, вы о чем? — попыталась я как-то выкрутиться. — Вы кто вообще? Вы не ошиблись?

Подбородок словно сжали стальными клещами, когда Барт обхватил его пальцами, заставляя смотреть ему в глаза. Такие светлые, почти белесые.

— Дурочку не изображай, — процедил зло. — Ага, ошибка! Идет тут такая сука, чья рожа уже всем в кошмарах снится. А потом говорит, что это ошибка!

Он показал мне экран телефона. Мое фото.

— Все, вопрос об ошибке исключен? Или будешь продолжать петь про свою невинность?

— Барт, заткнись, — снова посоветовал его спутник. — Ею займутся в Риме, и те, кто умеет это делать. Если ты хотел допрашивать, то не стоило становиться Инквизитором.

Барт с явной неохотой отпустил меня, проворчав:

— Твоя проблема, Марк, в том, что ты слишком правильный. Все равно ей не жить, почему бы не припугнуть? Не поразвлекься?

— Потому что задача Инквизитора не пугать, а находить отступниц.

— Сухарь ты.

В машине повисла тишина, но ненадолго. Я просто пыталась осознать произошедшее. В лапах Ордена. Господи, сбился мой главный ночной кошмар! Щека и половина головы продолжали болеть, тело сковало от страха. Можно, конечно, в теории попытаться открыть дверь и вывалиться на дорогу. Но путь к дверям с обеих сторон преграждали мощные мужские тела.

Над ухом зазвучал шепот, неприятно обжег мочку.

— Красивая ты, дрянь, сочувствую тебе. Знаешь, как Палачи и Дознаватели любят развлекаться с такими? Рассказать? Я видел пару раз. Поверь, отступницы сто раз жалеют, что пользовались скверной. Но назад пути нет. Сначала тебя допросят, потом будут трахать. Все кому не лень.

Потом опять допросят. Продолжать?

— Барт!

И тут я решилась. Отчаянно рванула к одной из дверей, надеясь на чудо. Мне только распахнуть ее и вырваться!

Увы, чуда не произошло. Затрещина швырнула меня обратно.

— Не хочешь по-хорошему, — покачал Марк головой, — значит, будет как всегда. Держи ее.

Я забилась, заорала, когда он достал из небольшого чемодана шприц.

— Мне это нельзя!

— А мне плевать, — последовал ответ.

А дальше был укол в плечо, и реальность постепенно затянуло туманом. Я вроде и выпала из нее и продолжала слушать происходящее вокруг. Но сама принимать участие не могла.

Глава шестнадцатая

— У тебя вид, словно ты привидение увидел, — проговорил Хан, когда они с Богданом встретились в кафе. Друг, как всегда безупречно выглядывший, молча протянул в гардероб пальто и скривился.

— Что-то случилось?

— Все хорошо, просто местное отделение Ордена считает меня идиотом.

— Серьезно? Но ты же их разубедил?

Богдан махнул рукой и первым двинулся в сторону обеденного зала, где заранее заказал столик. Хороший ресторан, правда, немного в старомодном стиле. Дубовые панели, много тяжелых портьер и просто гигантское количество хрусталя и позолоченных деталей.

— Понял, у тебя хреновое настроение. — Хан сел за стол, посмотрел на подошедшего официанта. — Подойдите минут через пять, пожалуйста.

Тот молча отошел, а друзья открыли папки меню.

— Что там за дела с местным отделением?

— Кто-то особо умный пытается всех убедить, что вещи сами уничтожаются. Слишком много пожаров и несчастных случаев, когда не остается и клочка.

— Зачем?

— Вот и мне интересно зачем, — медленно произнес Богдан, скользя взглядом по меню.

— Предположения есть?

— Проверяю сейчас одну версию, не хочу пока говорить.

— Ясно, — вздохнул Хан, — все мы порой слегка суеверные. Ты поэтому рекомендовал отправлять мне вещи не через их отделение?

— Все верно. Ты отправил?

— Да, курьером. Думаю, они завтра уже будут в Риме.

— И как она на это отреагировала?

— Ее зовут Ева, Богдан, — спокойно произнес Хан, поднимая взгляд от меню и в упор глядя на друга. Тот ответил ему таким же взглядом. Так и смотрели друг на друга минуты две.

Первым заговорил Богдан.

— То есть ты оставишь ее себе?

— Она не вещь, чтобы ее оставлять.

— Ты понимаешь, как рискуешь? Она отравлена скверной.

— Как раз нет. У Евы иммунитет, и с вещами она рассталась легко.

— Я о таком впервые слышу.

— Богдан, не мне тебе говорить, как сильно меняются люди под воздействием скверны. У Евы было шесть вещей. Шесть!!! Эта женщина не изменилась и на йоту и потерю вещей восприняла спокойно. В любом случае она мать моего ребенка, и за нее я порву любого. Я с тобой о другом хотел поговорить. У меня есть интересная информация.

— Это какая же?

Богдан подозвал стоявшего неподалеку официанта. Сделав заказ, друзья снова уставились друг на друга изучающими взглядами.

— Богдан, — поморщился Хан, — прекрати. Ты смотришь на меня как на идиота.

— Ты не идиот лишь потому, что забрал у нее вещи. Но в иммунитет я не верю. Может, она хорошо притворяется?

— Я прекрасно отличу притворство от правды. Насчет пропажи вещей. Интересная вещь происходит. В Париже был клуб двух владельцев. И находились они под защитой кого-то из Ордена.

Богдан чуть наклонил голову, что означало высшую степень любопытства.

Хан отпил ледяной воды из стакана, так как в горле пересохло.

— Они сдавали этому человеку других владельцев, взамен же находились в безопасности.

— Откуда сведения?

— От Евы. Она сама едва не попалась.

Богдан, плотно сжав губы, подождал, пока подошедший официант разольет вино и расставит тарелки. Потом проговорил тихо:

— Ты же понимаешь, что ее слова не имеют никаких доказательств.

— Да, только вот ночной клуб «Миледи», где и была Ева, сгорел в день ее побега. Кстати, я проверил: вещей из Парижа уже не поступало очень давно.

— Ты не помнишь, кто там возглавляет отделение Ордена?

— Гай Лоран. Он туда пришел пять лет назад.

Богдан разрезал мясо на аккуратные кубики. И молчал. Хан тоже пока ничего не говорил, давая другу обдумать новость. Да и сам размышлял насчет ситуации с вещами здесь, в России.

Все вещи скверны всегда уничтожались в Ордене, под оком Магистров. Чтобы быть уверенным в том, что непотребство сгорело.

— Хан, надо проверить связи французского Ордена и российского... — начал было Богдан, но его перебил звук входящего

сообщения. Одновременно у обоих.

Не сговариваясь, они взяли лежавшие рядом мобильники.

«Всем членам Ордена! Основной объект пойман и находится на пути в Рим. Казнь состоится через два дня».

Хан заледенел. Просто сидел на месте и ощутил, как сотни жгучих холодных игл прокалывают тело. Сидел и смотрел на сообщение, не понимая его смысла. Сидел и кожей ощущал сочувствующий взгляд Богдана.

— Мне пора, — проговорил неживым голосом.

— Хан...

— Ты видел сообщение? Казнь через два дня.

— Ты самоубийца? — прошипел Богдан, чуть наклоняясь вперед. — Ты что задумал, кретин?

— Ничего. Все хорошо.

— Даже не думай, придурок. Я еду с тобой.

— Нет, Богдан, — отрезал друг, — нет, ты не едешь. Тебе подставляться нельзя. Да и Вацлав бдит, где ты находишься. Занимайся делами в Москве, хорошо? Не хватало, чтобы ты подставился из-за меня.

— Отлично! То есть тебе можно подставляться, а мне — нет?

— Если ты появишься в Риме, то Вацлав, который точно там будет, тебя далеко от себя не отпустит. Вспомни про его желание подготовить для тебя свое место. Это все только усложнит. А я у него в немилости, так что...

Богдан медленно откинулся обратно на спинку стула. Задумался. А Хан уже бросил пару ассигнаций на стол и встал.

— Ладно, Хан... ты прав. Но если что... просто звони.

— Спасибо.

Нет, голова не кружилась, пол под ногами не подрагивал. Недолгий шок сменился холодной сосредоточенностью. Как на очередном задании. Есть цель, и есть проблема, как до этой самой цели добраться.

Ближайший рейс до Рима оказался поздно вечером. Это лишние несколько часов.

Это бесило, но Хан старательно блокировал все эмоции. Только холодный расчет. Главное, не думать о том, что могут сделать с Евой.

Главное — не думать. Иначе вся выдержка полетит к чертям. И так уже кулаки сжимаются до хруста.

В квартиру он заскочил, сам не зная, зачем это делает. Здесь пахло

жизнью и Евой, ее любимыми духами. И все оставалось так, словно она вот-вот вернется.

Не вернется, если он не постарается.

Все же не выдержал, шарахнул по стене кулаком. Да так, что сам едва не взвыл от резкой боли. Зато она отрезвила, заставила снова собраться. Пока есть время, надо продумать, как вытаскивать оттуда Еву.

Не раздеваясь, прямо в ботинках, Хан прошел в спальню, где еще недавно слышались стоны Евы. На мгновение сжал челюсти, тряхнул головой. Все, заткнулся и принялся за дело!

Сев на аккуратную заправленную постель, машинально бросил взгляд вниз и чуть вздернул бровь. Деревянная пыль? Откуда? Чем тут Ева занималась?

Видно было, что ее сметали, но от взгляда Хана не ускользнула малая толика того, что осталось. Приподняв край покрывала, Инквизитор заглянул под кровать, осветил фонариком на телефоне.

— Ева, блин, что тут происходило? — пробормотал ошарашенно. Часть паркета совсем немного, но выступала над остальным полом. Или это нормально? Кое-как протиснувшись под кровать, Хан попытался подцепить дощечки. Потом пришлось сходить за ножницами, которыми и удалось открыть тайник.

Спустя минуту Хан сидел на полу и ругался. Читал бумаги и снова ругался. И ни разу не повторился в выражениях. Потому что поверить не мог, что все это время здесь лежала редчайшая вещь Дамаль.

А Ева ее нашла. Ну как так-то?..

На звонок мобильного отреагировал не сразу. Сначала сделал несколько глубоких вдохов, только потом взял телефон.

— Слушаю.

— Забыл сказать, — послышался голос Богдана, — я тебе там сообщение сброшу сейчас. Телефон одного человека. Он мне нехило задолжал, так что я попросил его оказать тебе любую помощь. Он живет в Риме.

— Из Ордена?

— Да, но работает в удаленке. Программер.

— Он тебе точно хорошо должен?

— Поверь. Очень. До связи.

Богдан первым сбросил вызов, как всегда.

— Помощник, говоришь, — пробормотал Хан, — помощник мне пригодится, да.

Богдану он верил. Если тот сказал, что человеку можно доверять, то,

значит, так и есть.

* * *

Я не очнулась в сырой камере с прикованными к стене руками. Но и в номере люкс тоже не оказалась.

Сознание возвращалось крайне медленно. Я словно плавала в густом тумане. Какие-то обрывки слов, непонятный шум. И непонимание, где же нахожусь.

Потом вспомнила последние события. Сознание укололо паникой. И я постаралась сбросить оцепенение.

Постепенно темнота вокруг отступала. В какой-то момент я поняла, что различаю потолок и стены вокруг. Серый камень, явно старый, если не древний. Окон я не заметила, как и мебели. Только железная тяжелая дверь и лежанка, на которой валялась я.

Потом пришло понимание, почему не могу пошевелиться. Широкие кожаные ремни обхватили руки, ноги и все тело. Единственное, чем могла вертеть, — головой. Но она дико гудела, как после пьянки.

Что-то сжалось внутри. Ребенок? Что мне вкололи и как на него это подействовало? Живот не болел, не тянул, но тревога не проходила. Если до этого я готова была, сцепив зубы, сделать аборт, то сейчас холодела от мысли, что беременность исчезла.

А еще здесь была камера. В углу комнаты. И кто-то явно следил за мной, так как буквально через пару минут после того, как я начала вертеть головой, в двери заворочался ключ.

Вошедший оказался, конечно же, мужчиной. Высоким и чуть худощавым, с приятным лицом и при этом довольно страшными глазами. Очень светлыми, что в сочетании с темными волосами смотрелось жутковато.

— Очнулась.

От тихого голоса меня продрал мороз. Даже зубы едва не застучали. И очень сильно захотелось оказаться как можно дальше отсюда.

Мужчина разглядывал меня и потирал подбородок. Появилось нехорошее чувство, что он прикидывает, с чего начать. Вопрос — что именно начать.

— Где я? — спросила осторожно. — Что...

— С твоим ублюдком? Ты все еще беременна. Думаю, ненадолго. А ведь ты сильная, здоровая.

Черт, он разглядывал меня словно корову перед тем, как вести на случку с быком. И отзывался примерно так же.

— Знаешь, что многие из нас хотят здоровую жену? — продолжал задумчиво нежеланный собеседник. — Послушную, да, тихую, конечно, но главное — здоровую. Иначе откуда взяться детям? Почему бы тебе не родиться в одном из наших семейств?

Я молчала, инстинктивно догадываясь, что фраза «Потому что вы морально калечите своих детей» не слишком понравится новому знакомому.

— С другой стороны, — продолжал он все так же тихо, постепенно приближаясь, — сейчас ты преступница. Раньше таких называли ведьмами. Слышала о том, как с ними расправлялись? Зажигательное зрелище во всех смыслах. Жаль, сейчас такое может привлечь слишком много внимания. Но и современные методы пыток не слишком интересные.

Кажется, меня старались морально запугать. Мог бы не особо стараться, у меня и так руки и ноги заledenели.

— А еще считалось, что костер очищает ведьму.

Мужчина протянул руку. Инстинктивно я постаралась отодвинуться в сторону, но ремни помешали.

— Не надо! — вскрикнула, когда чужая рука опустилась на грудь и сжала больно, до слез.

— И что ты мне сделаешь?

Я молча боролась, пытаюсь хоть как-то вырваться. Но понимала — бессмысленно.

— Вам нравится, когда берете силой? — выкрикнула сквозь злые слезы. — А так никто не дает?

— Угадала, нравится, — кивнул мужчина, проигнорировав второй вопрос. — Особенно нравится, — продолжал вкрадчиво, — когда такие твари, как ты, визжат и умоляют их пощадить.

Он наклонился совсем низко, вызвав тошноту, и прошептал:

— Иногда я их даже жалею... часа через три.

И ущипнул через тонкую рубашку за сосок так, что я взвыла от боли. И поняла с ужасом, почему ноги чуть раздвинуты и привязаны каждая отдельно.

Нет, нет, нет!

Я задержалась, когда мужчина начал расстегивать на мне штаны, получила затрещину, но сопротивляться не прекратила. Не дамся, нет!

Когда дверь снова залязгала, я чуть не заревела. Неужели их будет несколько?!

— Алдо! — Резкий окрик заставил моего мучителя оторваться от штанов, которые он почти стянул с меня.

А я повернула голову в сторону высокого плечистого мужчины. Уже в возрасте, с седеющими висками, но выглядевшего весьма подтянуто.

— Магистр! — Мой мучитель почтительно склонил голову перед новым посетителем.

— Оставь нас, мне надо поговорить с ней.

Бросив на меня сожалеющий взгляд, Алдо вышел. Но свободно выдохнуть я не могла. Знала — вернется.

— Какой шутник назвал его так?

— Разбираетесь в значениях имен, мисс Дрейк? Похвально. Родители Алдо не зря дали ему такое имя, означавшее «благородный». Очень хотели, чтобы из мальчика вышел толк. И не ошиблись. Жаль, сами не увидели, пропав в горах под лавиной.

— Вы...

— Нет, не мы, всего лишь трагическая случайность. Мисс Дрейк, вам так удобно разговаривать или мне все же освободить вас? С определенными условиями, конечно.

— Не пытаться сбежать?

— Что? — удивился Магистр. — А, нет, я понимаю, что это глупо. Хотел попросить вас не нападать на меня. Можете пострадать, понимаете? Так что?

— Я не буду на вас нападать, — ответила сухо.

Не врала. Так как видела, что мужчина не прост. Это отмечалось в движениях, во взгляде. Выглядел куда опаснее того же садиста Алдо.

Это игра в «плохого» и «хорошего» полицейского? Зачем?

— Меня зовут Вацлав, — сообщил тем временем мужчина.

Он и правда освободил меня и отошел, давая возможность сесть и пошевелить конечностями. Они не затекли, но чуть ныли, как после тренировки.

Знакомое имя. Чувство, что я уже слышала его где-то или от кого-то.

— Что вам от меня надо?

— Вещи Дамаль, мисс Дрейк. Это, и только это. Прошу за мной.

Я пригладила волосы и поинтересовалась:

— Вы меня ведь убьете, да?

— Очень пошлое слово, — поморщился Вацлав, открывая дверь и выходя первым, — мы вас казним. А перед этим очистим от грехов. А их у вас много, Ева. Сколько вещей Дамаль вы успели собрать? Пять? Шесть?

Я пропустила его вопрос мимо ушей. Колени дрожали, очень хотелось

зареветь в голос и просить не убивать.

— Почему сразу не казнили? К чему такие церемонии?

— Традиции, Ева. Разрешите вас так называть?

Такое чувство, что он издевался. Столь церемонное обращение с приговоренной пленницей выбивало из колеи. Честное слово, лучше бы меня бросили в сырую темницу. А так я не понимала, как реагировать на происходящее.

— Разрешаю. Куда вы меня ведете?

— Ну как же, все как положено: душ, еда, одежда. Ненавижу казнить грязных отступниц. Тем более вы у нас личность выдающаяся.

— Антихрист, кажется, так меня называют?

Мы шли по широкому коридору. И у меня все сильнее крепла уверенность, что находимся мы под землей. Как-то давило все вокруг.

— Нам надо было выбрать кодовое имя, — совершенно серьезно ответил Вацлав, — а это подходило как нельзя кстати.

Я старалась идти спокойно и не обращать внимания на проходивших мимо. Хорошо еще, на меня не косились. Хотя со стороны, наверное, то еще было зрелище: лохматая, в мятой одежде и заплаканная.

Впрочем, возможно, тут подобное в норме.

Меня и правда привели в ванную комнату. Она отделялась дверью от небольшого помещения, посреди которого стояло кресло, чем-то похожее на стоматологическое. И все. Больше тут ничего не было.

Надо ли говорить, что мне стало очень нехорошо?

— Все в ванной комнате, — проговорил Вацлав. — Вы там не торопитесь, Ева.

— А вы что, будете ждать здесь?

— Нет, — коротко ответил спутник и подтолкнул меня в сторону нужной комнаты. Чуть передернув плечом, я не стала спорить.

Смыть чужие прикосновения и правда хотелось.

Ванная оказалась роскошной: темный гранит, много стекла и самая современная душевая кабина. Куча полотенец на полке и мягкая подсветка.

И... мужчина рядом с кабинкой. Просто мужчина в одних штанах и с бесстрастным выражением на лице. Я аж попятилась и была остановлена тихим голосом:

— Ты куда?

— Я не собираюсь раздеваться при посторонних!

— По правилам Ордена все обвиняемые должны принять душ.

— Я не из Ордена.

— Ты приговоренная, — холодно парировал собеседник. — Мне

применить силу и запихнуть тебя в кабинку? Или ты сама это сделаешь? Я нужен здесь, чтобы помешать тебе совершить самоубийство.

— Не верю, что тут нет камер.

— Есть. Но присутствие живого человека надежнее.

И тут до меня дошло: это же начало пыток. Они просто сейчас стараются всячески подчеркнуть мое положение, унижить и заставить бояться.

Вот так, значит?!

Молча разделась, не глядя на того, кто стоял неподалеку, молча открыла кабинку и зашла внутрь. Смотришь? Ну смотри, смотри.

Подняла лицо к теплым струям и постаралась проглотить слезы. Все, надо успокоиться как-то и взять себя в руки. Надеюсь, мой ребенок не пострадал от того препарата, что вкололи эти ублюдки.

И главное — не думать о том, что Хан много лет вращается во всем этом. Просто не думать, потому что становится совсем нехорошо. Он все это видел, а может быть, участвовал? Чем тогда он лучше того же самого Алдо? Тем, что сам не пытается, а лишь выискивает жертв для Палачей? Чем лучше его друг?

Странно, что дикой паники особо и не было. Видимо, организм в какой-то момент решил, что стоит слегка приглушить эмоции. Может, самозащита или что-то еще. В любом случае пока я вытиралась и переодевалась в длинное грубое платье, закрытое от пола до горла, то почти успокоилась. Мужчина не шевелился, не пытался помочь. Он просто стоял и следил за мной взглядом.

А я заледенела внутри.

Странно, но стоило выйти из ванной, как дверь напротив открылась.

— Готовы? — спросил Вацлав. — Идемте.

«Камеры, везде у них камеры, — подумалось чуть отрешенно. — Небось в ванной тоже подглядывали. Ну и ладно».

Снова коридоры, лестницы и даже лифт, в котором негромко играла музыка. Чувство того, что я под землей, не проходило. Снова какие-то люди, проходившие мимо. Все мужчины.

— Реально думаете, что я могла попытаться самоубиться?

— Такое нельзя исключить, — ответил Вацлав.

— Мы под землей, да?

— Да, глубоко. Над нами еще и древние катакомбы.

Я уже совсем другим взглядом посмотрела вокруг. Надо же, а с виду обстановка крутой фирмы, разве что окон нет.

— И здесь совсем нет женщин?

— Это территория Ордена, Ева. Женщины, которые появляются здесь, надолго не задерживаются.

Я уловила подтекст и сжала зубы. Ясно.

— Одного не понимаю, к чему эти церемонии, если в итоге вы меня... казните?

Последнее слово буквально выдавила из себя. Все еще не верилось в такой исход.

Хан просил ему поверить, так, может, стоит это сделать? Он же вернется и увидит, что меня нет.

— Скажите, Вацлав, а новость о моей поимке уже известна всем? Ну просто интересно, насколько я популярна.

— Сообщение о вашей казни уже разослано всем членам Ордена.

Тихо выдохнула. Значит, Хан должен быть в курсе. Ну теперь самое время доказать ему, насколько я дорога.

— А почему не сразу казнить?

— Традиции, Ева, традиции. Пока они живы — жив и Орден.

«Дерьмо у вас, а не традиции», — мысленно сообщила я спутнику, на всякий случай прикусывая язык.

* * *

Обедали — или ужинали — мы в небольшом помещении, похожем на вполне себе уютную столовую. Электрический камин, обложенный темным камнем, картины на стенах, мягкие кресла и квадратный деревянный стол под роскошной скатертью. И фарфоровая посуда, белая, с едва заметным голубым рисунком.

— Садитесь.

— Забавный наряд вы мне выбрали, — проговорила, присаживаясь за стол.

Чувство, что общаюсь в Стране чудес с мартовским зайцем. Ирреальность происходящего. Как можно так спокойно беседовать с тем, кого ты собираешься убить?

— Это стандартный наряд для сжигания ведьм, — последовал любезный ответ.

Хорошо, что я не успела выпить воды из бокала, куда мне ее любезно налил Вацлав. И то закашлялась от неожиданности.

— Тоже традиции? — выдавила с едва приглушенной яростью.

— Конечно. Одежда — символ раскаяния и признания вины. Вы

чувствуете себя виновной, Ева?

— За что?

— За то, что поддались чарам вещи Дамаль. Ее настоящая фамилия Буфоме, вы в курсе?

— Я неплохо ознакомилась с ее историей, — кивнула и опустила взгляд на тарелку перед собой. Вацлав продолжал ухаживать и сейчас положил мне нежный стейк с жареными овощами. Но еда не лезла в горло — а вот мой собеседник ел вполне с аппетитом.

— Вина я не могу вам предложить, — сообщил он, — все же вы беременны.

— Какая забота, — ответила чуть язвительно. — Особенно учитывая, какое будущее вы мне готовите. А что насчет моего ребенка? Часто приходится убивать беременных?

— Пару раз нам попадались беременные, — кивнул Вацлав. — Там был приличный срок, мы ждали, пока они родят.

Надежда было забрезжила во мне...

— Но с вами, Ева, особый случай.

Вацлав прожевал кусок мяса, промокнул губы салфеткой и чуть улыбнулся. Одними губами, взгляд оставался сосредоточенным.

— В те разы мы отдавали детей на воспитание в наши семьи. Ребенок рос, вступал в ряды Ордена, или, если была девочка, она становилась кому-то из нас верной женой. И таким образом дитя искупало грехи матери. Но вы, Ева, для нас слишком сильная угроза. За год собрать столько вещей Дамаль... я не могу и не хочу рисковать будущим. Поэтому ребенка вы заберете с собой.

— Будете спать после такого?

— Возьму грех на душу ради спокойного будущего.

Непробиваемый ублюдок! Я сжала вилку и мысленно представила, как втыкаю ее в горло собеседнику. Оказывается, бывает предел, после которого об убийстве думаешь почти спокойно.

— Кстати, — проговорил Вацлав, — после ужина предлагаю вам отдохнуть как следует. Завтра расскажете мне все о вещах Дамаль. Как именно вы их находили и где, какие были ощущения, почему вы решили собрать столько вещей и почему не стали одержимой.

— Почему так уверены, что я все это расскажу?

Улыбка у Магистра была жуткой, несмотря на безукоризненные зубы.

— Потому что я уверен, что вы не хотите вернуться к Алдо.

Наверное, ответ отразился на моем лице, потому что Вацлав удовлетворенно кивнул и спросил:

— Десерт?

Сильно пожалела, что мой токсикоз окончательно прошел.

Глава семнадцатая

На подлете к Риму Хан уже более-менее понял, что ему надо делать. И смирился с тем, что буквально через несколько часов наравне с Евой станет преступником номер один. Потому что вытащить ее оттуда и остаться незамеченным невозможно.

Еще в Шереметьеве, сидя в зале, он переписывался с Богданом. И теперь фразы друга скакали в голове огненными демонами.

«Ты же понимаешь, что даже если вытащишь, то приговоришь и себя?»

«Ты в курсе, что делают с приговоренными? Как их мучают? Групповое изнасилование, Хан».

«Даже если спасешь ее, понадобится куча врачей, чтобы вернуть твоей девушке здоровье и разум».

Черт, он старался отгонять те образы, которые его посещали.

Инквизиторы презирали такой способ, кхм, пыток. А вот Палачи не брезговали. Это им доставалась роль дознавателей. Беспомощная девушка, которая никому ничего не расскажет.

Во времена инквизиции ведьм тоже насиловали, потом эта практика перешла в Орден.

Он всегда понимал, что это мерзко, но сейчас на душе было особенно погано. Не только потому, что там находилась Ева.

«Ты старательно закрывал на это глаза, пока вся грязь не коснулась тебя напрямую. Чем ты лучше остальных? Тем, что не принимал участия? Но ты не пытался помочь, ты просто делал вид, что все хорошо».

Никакого оправдания себе он не находил.

Перед тем как вылететь, созвонился с человеком, чей номер прислал ему Богдан. Неправильно и глупо доверяться кому-то в таком деле, но выбора у Хана не было. Один он точно ничего сделать не сможет.

Его собеседник по имени Леон думал примерно так же.

— Я в курсе, что вы с Богданом друзья. Но, чувак, не боишься, что я доложу куда следует?

— О чем? — холодно поинтересовался Хан. — О том, что я попросил у тебя планы римского отделения? Может, я так редко там бываю, что уже начал плутать. И чтобы не позориться, решил освежить память.

— Умно, — хмыкнул Леон. — Но я же понимаю, что ради планов ты бы не стал меня дергать. Ладно, не молчи так сурово, Богдан тебе не

соврал, я помогу и не стану задавать лишних вопросов. Знаешь почему?

— Почему же?

— Потому что, когда после аварии мне сказали, что я смогу только лежать и двигать исключительно глазами, именно Богдан оплатил мне операцию. Я тогда был прикрепленным к нему программистом-архивариусом. И только благодаря ему смог пусть и не встать на ноги, но передвигаться в коляске и продолжить работать, пусть и удаленно. Орден не стал тратиться, назначил только пенсию и сиделку. А в прошении кредита на операцию отказал. Вопросы есть?

Хан помолчал примерно минуту, прежде чем с гораздо более спокойной душой спросил:

— Так достанешь планы?

— Часа через два кину на почту.

И все равно определенная доля подозрения оставалась. Выйдя из самолета в Риме, Хан понял, что незаметно пытается угадать в толпе вокруг членов Ордена. Но все пока было чисто. Его не пасли.

Все равно он больше часа провел в одном из кафе аэропорта. Заодно и продумывал подробности спасения Евы. Каждый лишний час — это уменьшение шансов на то, что вытащит ее живой и здоровой.

Их. Вытащит их...

* * *

Меня весьма профессионально обрабатывали. Случись подобное год назад — сломалась бы моментально.

Вацлав оставил меня на несколько часов, посоветовав отдохнуть. Заперли меня в той же комнате, где я очнулась. Правда, в этот раз кроме лежанки, на которую и смотреть было тошно, мне выдали самый настоящий горшок. Я сначала недоуменно на него уставилась, потом мысленно расхохоталась. Отлично! Чем не тюрьма?

— Хорошего отдыха, Ева, — проговорил Вацлав, перед тем как выйти. — Через несколько часов я приду. И надеюсь, вы к этому времени примете здравое решение. И да, играть в героиню не стоит. Думаю, вы это понимаете?

Я промолчала, глядя поверх него в коридор. Несмотря на поздний час, там сновали люди.

Стоило двери закрыться, как я опустилась на пол. Но посидела недолго: он был просто ледяной. Хорошо хоть, оставили мне обувь. А вот

платье было слабой защитой. Ткань грубая, но холодная. В комнате же было далеко не жарко.

Плюс постепенно подступала жажда. Я только теперь догадалась, почему еда была такой переперченной. Пить хотелось все сильнее, но нигде воды я не нашла.

В конце концов все же решила себя пересилить и легла на кровать. Точнее, это была обыкновенная кожаная лежанка без постельного белья. Его отсутствие я остро оценила, когда попыталась заснуть.

С каждым часом становилось все холоднее. Не промозглый холод, а тот, который вроде и не сильно мучает, но заснуть никак не получается. Я ворочалась, проваливалась в короткую дрему, просыпалась и пыталась хоть как-то согреться, обхватив себя руками. Жажда превратила язык в сухую деревяшку, глаза то и дело наливались слезами.

В какой-то момент я все же ухитрилась более-менее нормально заснуть. Успела увидеть короткий яркий сон, а в следующее мгновение громко лязгнула дверь. Заставляя дернуться и подпрыгнуть.

— Доброе утро!

Я воспаленными глазами уставилась на бодрого и свежего Вацлава.

— Отдохнули? — продолжал этот садист. — Бледная вы, Ева. Нельзя так, у вас внутри ребенок.

Стиснула челюсти, стараясь не заорать.

— Спасибо за заботу, — выдавила кое-как. Голос едва ощутимо подрагивал.

— Проголодались?

Да я о еде и думать не могу, мне вода мерещится.

— Вы привели меня сюда, чтобы кормить на убой?

Кажется, во взгляде Вацлава мелькнуло нечто близкое к уважению. Он наверняка ожидал встретить рыдающую преступницу, а не каменно-спокойную женщину.

Знал бы, чего мне эта выдержка стоит.

— Люблю деловой подход, — обрадовался Магистр. — Тогда давайте сначала о деле, а потом уже выпьем чаю. Или вам лучше воды?

Я не выдержала и сглотнула. Хотя бы глоток.

— Можно и воды, — согласилась негромко.

В глубине души надеялась, что меня опять отправят в душ. Я готова потерпеть надсмотрщика, но согреться под горячей водой. И попить.

Увы, облегчать мне жизнь никто не собирался.

— Тогда идем, поговорим. А потом уже и все остальное.

Я задумчиво уставилась на него. Нет, выскажу.

— Интересно, — проговорила негромко, — как вам сегодня спалось?

Мог и не отвечать, я по цветущему виду понимала: Вацлава не мучила бессонница. Тогда как я, в мятом бесформенном платье, непричесанная и дрожащая от недосыпа, выглядела как самая настоящая ведьма.

— Отлично, — последовал ответ. — Идемте, Ева. Хорошее у вас имя, кстати. Кто назвал?

— Папа, — выдавила с трудом, выходя из комнаты.

И едва не попятилась, так как в коридоре обнаружила Алдо, а с ним еще одного мужчину. Тоже высокий и сильный, как и большинство в Ордене. Короткая стрижка и стальной блеск глаз. На меня он взглянул почти с жалостью и проговорил:

— Прощу за мной.

— И за мной, — широко улыбнулся Алдо.

— Не обращай на них внимания, Ева, — перешел вдруг на «ты» Вацлав. — Они на тот случай, если ты откажешься говорить правду. Сегодня тебя не казнят.

— Тогда что вам надо?

— Просто информацию, вот и все.

— Сейчас двадцать первый век, — мрачно сообщила я, чувствуя, как опять бьет мелкая дрожь, — есть масса препаратов, что развяжут мне язык. Я молчу об этике по отношению к беременным, вам плевать. Зачем такие сложности в виде запугивания меня двумя мордоворотами.

Хлесткий удар по пятой точке заставил взвизгнуть.

— Алдо, — прикрикнул Вацлав, — не трожь ее... пока. Ева у нас женщина умная, она понимает, что ни к чему омрачать последний день жизни разными трудностями. Мы же можем цивилизованно поговорить, а потом дать ей возможность в последний раз насладиться благами жизни.

Почему-то мне не понравилась его речь.

И снова широкие светлые коридоры, одни мужские лица и... равнодушие. По сути, злости я не встречала. И от этого становилось лишь страшнее. Орден относился ко мне как к неизбежной рутине. Как к мусору, который надо перебрать, а затем выбросить.

При виде следующей комнаты мне стало плохо. Довольно большое помещение с серыми стенами и темным полом. А вокруг множество приспособлений, от которых кровь внутри превратилась в лед.

— Нет, — я не выдержала, — нет, нет!

И рванулась назад в отчаянной попытке удрать. Забилась в руках двух Палачей, завизжала, понимая, что вот это вот — последняя капля. Я не могу, я не хочу заходить туда! Туда, где стоит деревянное кресло, сплошь

утыканное мелкими острыми гвоздями. Туда, где с потолка свешиваются цепи, а на длинном столике разложены острые инструменты.

Я знаю, что если зайду туда, то уже не выйду.

Поэтому и кусалась и царапалась, как бешеная. Пока не получила удар по лицу, от которого звездочки запрыгали перед глазами. Всхлипнула и повисла в руках мужчин, позволяя себя утащить в комнату. Почувствовала, как руки поднимают, как их обхватывают стальные наручники, и снова забарахталась.

— Вот дай мне повод, — услышала шепот Алдо над ухом, — дай повод ударить тебя сюда.

И рукой провел по моему животу.

Это отрезвило в мгновение ока. Я сжалась и замерла, боясь даже вдохнуть поглубже.

— Отойди от нее, — проговорил второй Палач, — она тебя боится. Не сможет отвечать связно.

Он отодвинул явно разочарованного Алдо плечом, поправил на мне платье и сообщил:

— Лучше привстань на цыпочки, иначе запястья к концу допроса опухнут.

Какая забота, аж до слез. Я сморгнула мокрыми ресницами и послушалась совета.

Напротив меня, метрах в двух, стена оказалась полностью стеклянной. По ту сторону стояли Вацлав и еще пара человек. Тоже в годах, но крепкие и подтянутые. Смотрю, они тут все за собой следят.

— Ева, ну что за истерики? — Голос Вацлава звучал так укоризненно, словно он отчитывал нерадивую дочь.

И тут я вспомнила, где могла слышать это имя.

Ирен!

Ирен говорила, что так зовут ее отца. Вряд ли в Ордене два человека с таким именем.

Я внимательно всмотрелась в жесткое мужское лицо, теперь понимая, что в чем-то Ирен похожа на него.

— Смотрю, ты настроена на беседу, — сообщил Вацлав в ответ на мое внимание. — Итак, скажи мне, для чего ты собирала вещи?

Ну, конечно, бегу и падаю.

— Сбирала?

— У тебя шесть вещей, ты же не хочешь сказать, что все они попали в руки совершенно случайно?

А вот сейчас надо соврать так, чтобы это было почти правдой.

— Врать вам бесполезно? — спросила, придав голосу испуг.

— А ты попробуй, — тут же раздался сзади голос Алдо, от которого меня передернуло. Звякнули цепи, что поднимали мои руки над головой.

— Я скажу правду, — заверила, глядя на Вацлава круглыми глазами, — только пусть он меня не трогает!

— Конечно, Ева, — кивнул он. — За правду не наказывают. Так зачем тебе вещи?

— Не знаю.

— Я думал, мы договорились.

— Это правда! — закричала я. — Первой была юбка. Я заказала ее для викторианского костюма.

Это была игра «вопрос-ответ», танец над бездной. Малейшая неточность, неверная интонация — и все бы рухнуло. Я лишь надеялась, что допрос пройдет спокойно. И продолжала скользить между ложью и правдой. Чтобы ни звука, ни намек на Хана, на свою цель.

Да, вещи собирала, да, по миру ездила. Я фрилансер, могу работать из любой страны. Вещи? Они сами находили меня. После третьего раза я стала экспериментировать и сама находила владелиц. Да, вещи меня звали. Но я просто их собирала и не планировала применять. Это коллекция. Что плохого в коллекциях?

— Когда так много вещей, то после их утери сильная ломка.

Я бы пожалала плечами, но не могла.

— Я не чувствую ничего подобного.

— Я заметил, — проговорил Вацлав задумчиво. — Ты слишком адекватно вела разговор и даже не вспоминала про вещи Дамаль.

— Вот видите, от меня никакого вреда. Вам нужны вещи? Да забирайте их, пожалуйста. Я с их помощью никому не навредила, ничего не натворила. Они просто у меня валялись. Как... как открытки! И я не Хищница!

Я уже почти кричала это в лицо Вацлаву. А тот внимательно слушал, кивал, а потом ответил с сочувствующим видом:

— Да, Ева, согласен, ты не Хищница. Ты гораздо опаснее. Знаешь почему? В тебе нет их одержимости, ты мыслишь трезво и расчетливо. Таких противников нельзя оставлять в живых. Тем более вещи сами льнут к тебе. Беспрецедентный случай, дорогая. Мне очень жаль.

— Что? — прошептала вмиг онемевшими губами.

— Мы казним тебя завтра. Таковы правила, ничего личного. Но перед этим ты можешь отдохнуть, принять душ, хорошо поесть и провести время с мужчиной... — Тут он перевел взгляд с меня на Палачей. — С

мужчинами. Думаю, вы найдете чем заняться в ближайшее время.

Воздух вдруг стал звонким и ломким, с трудом проходил в горло. Перед глазами завихрился рой черных мушек. И непонятно, как я ухитрилась сохранить сознание более-менее ясным. Лишь проговорила негромко, но так, что услышали все:

— Как у такого чудовища, как вы, могла родиться такая дочь, как Ирен.

Взгляд Вацлава окаменел, как и сам Магистр. Пару секунд он просто стоял, а затем буквально рявкнул:

— Делайте с этой дрянью что хотите! Главное, чтобы до завтра дожила!

И в этот момент погас свет. Разом. Словно мир вокруг рухнул в темноту. Не успела я испугаться, что ослепла, как пространство за стеклом осветилось тусклым красным светом. Там уже никого не было. А Палачи рядом со мной переговаривались и ругали техников, у которых руки из задницы.

В дверь постучали. Спокойно, по-деловому.

— Эй, тут авария какая-то. — Голос из коридора заставил меня задрожать. — Открывайте давайте!

— Хан? — удивился Палач, имя которого я так и не узнала. — Не знал, что ты в Риме.

— Час назад прилетел по вызову. А тут такая жопа. Просили вам передать, чтобы девку перетащили куда-нибудь и заперли, пока будут возиться с электричеством.

— Так нам вроде свет и не нужен, — хмыкнул Алдо.

Это он открыл дверь. В тусклом красном полумраке аварийного освещения я увидела знакомую фигуру. А потом раздался непонятный звук. И еще один.

Я как в замедленной съемке видела падающих Палачей, Хана, бросающегося ко мне, вздрогнула от выражения его лица. А потом просто упала на господина Инквизитора, когда он освободил мои запястья.

— Ты пришел! — шептала и не узнавала свой голос. — Ты пришел сюда... за мной. Ты пришел!

Глава восемнадцатая

— Ева, Ева, эй, только не падай в обморок. Давай, соберись, надо выбираться отсюда.

Я собралась. И застонала от дикой боли по всему телу. Хан посмотрел на меня, повернулся в комнату, и я снова услышала два непонятных звука. Потом сообразила и зажала рот обеими руками. И почему я думала, что пистолет с глушителем срабатывает беззвучно?

Хан молча потащил меня за собой, благо во всей суматохе вокруг на нас пока не обращали внимания. Свет продолжал подмигивать красноватыми всполохами, лиц толком было не разглядеть, а на самом Хане я заметила странного вида очки.

Инквизитор вдруг выругался и впихнул меня в первую попавшуюся комнату. Темно и тихо.

Хан дал мне знак молчать, а сам превратился в камень. Лишь быстро запер дверь и снова замер.

Я обхватила себя руками за плечи и чуть не заорала, когда в дверь стукнули. Раз... другой...

Надеюсь, они не услышат, как стучат мои зубы.

— Заперто, — раздался грубый голос.

— Эй, тут трупы!

И дружный топот в другую сторону.

— Тебе надо переодеться, — едва слышно шепнул Хан, — не верю, что говорю это, но... держи.

И сунул мне в руки ворох каких-то тряпок.

— Что это?

— Вещи Дамаль. Надевай, пока не передумал. Я тебе помогу.

Одеваться в полной темноте — то еще занятие, особенно с ноющими по всему телу мышцами. Хорошо, хоть основную роль взял на себя Хан в очках ночного видения. Быстро надевал, застегивал, одергивал. В конце не выдержал и прижал меня к себе, тихо спросил:

— Они тебя тронули?

— Не успели. — Я приглушенно всхлипнула и попросила: — Вытащи нас отсюда, пожалуйста. У меня живот немного болит.

Хан снова выругался, не отпуская меня.

— Ева, соберись, осталось немного, хорошо? Потом уедем далеко и спрячемся.

Плевать на все, спрятаться и переждать. А потом я доберусь до них!

Кажется, Хан угадал мои мысли, потому что вдруг порывисто поцеловал и прошипел:

— Выкини из головы месть. Ублюдков я убил, а Вацлав теперь долго проваляется с сотрясением, я его хорошо приложил. И вот...

В темноте зашуршало что-то, потом мягкая ткань обхватила мое горло.

— Я нашел чокер, Ева. Может, сошел с ума, но чувствую, что все это должно сейчас быть на тебе. Оно тебя защитит, если меня убьют.

— Только попробуй, понял? Ни за что!

А потом мы начали прорываться к выходу. Благо освещение все еще было выключено, и нас почти не замечали.

Пока не раздался вой сирены и голос одного из Магистров не объявил, что опасная Хищница пытается выбраться на свободу.

Хан выругался и натянул на меня противогаз. Пока я соображала зачем, он уже на ходу отправлял кому-то сообщение. И почти сразу вдалеке что-то глухо ухнуло, спустя несколько секунд загудела вентиляция.

— Что это?!

— Бомба, — коротко ответил Хан. — И подпор воздуха. Я подготовился, прежде чем идти за тобой.

Вокруг то и дело пробегали люди. Стало ясно, что вот сейчас им не до меня. Выли сирены, что-то бормотал механический голос, потом ухнуло еще раз, уже ближе. И из вентиляции вдруг повалил густой дым. Да так хорошо, что вскоре ничего не стало видно. Тут я и поняла, зачем понадобились противогазы. Сверху него Хан еще нацепил на меня очки ночного видения. Но все равно я тыкалась как слепой котенок, ориентируясь лишь на то, куда меня тянули за руку.

— У нас очень мало времени, — пробормотал Хан, продолжая куда-то спешить.

По дороге я увидела нескольких человек, лежавших без сознания. Кто-то натужно кашлял, держась за стену. Хан не смотрел на них, продолжая тащить меня вперед.

А я? А мне никого не было жалко. Вот ни капли. Внутри что-то застыло.

— Большую часть Магистров уже эвакуировали, — сообщил Хан, — но если что — падай на пол и не шевелись.

Он привел меня в помещение, словно выдернутое из дорогого ВИП-клуба. Сейчас тут, правда, царил бардак, — стулья разбросаны, на столе разлит коньяк, рассыпаны сигары. Я заметила висевший на ножке перевернутого стула лифчик. А потом Хан потащил меня к дальней стене.

— Мама! — вырвалось невольно, когда Хан достал из кармана... отрезанный палец.

Надеюсь, это палец Вацлава. Уточнять не стала, лишь смотрела, как мой Инквизитор приложил его... к обычной книге.

Какие же у них технологии?! И дыма в этой комнате гораздо меньше, явно стоят дополнительные фильтры.

Шкаф отодвинулся в сторону, открывая узкий проход, пробитый в камне.

И снова торопливый бег. И тихий голос Хана, успокаивающий, дарящий чувство защищенности.

— Вокруг профи, но мы прорываемся. Ева, это вещи Дамаль. Постарайся из них не выпрыгнуть. Видимо, такое количество дарит удачу.

— Юбка! — пропыхтела я. — Юбка отключает немного мозги, но подкидывает удачи.

Проход завершился крутой лестницей. На ее середине Хан вдруг насторожился, да и я услышала тихие голоса.

Миг, и мой Инквизитор бесшумной ласточкой взлетел повыше, прижался к ступеням и кинул вперед что-то небольшое и темное.

— Закрой глаза и зажми уши.

Я поспешно выполнила приказ, сквозь закрытые веки уловила яркую вспышку, а потом меня опять потащили. Поморгав, я заметила катающихся по полу двух членов Ордена.

А дальше опять бег, но уже по катакомбам. Пока какой-то каменный ход не выплюнул нас на небольшой склон, и мы буквально скатились прямо в густые и пыльные кусты.

— Мы вырвались? — неверяще спросила я. — Нет, правда?

Хан приложил палец к губам и пониже пригнул мою голову, чтобы не высовывалась из кустов.

— Нам еще надо ухитриться выехать за пределы Рима, и желательно подальше. Орден сейчас перекроет все ходы и выходы. Есть несколько вариантов, но тебе придется еще немного продержаться, Ева.

Он развернул меня к себе и мягко коснулся губами виска.

— Ты же сильная, да? Девочка моя.

— Я их ненавижу! — вырвалось из глубины души. — Хан, я их всех ненавижу! Да чтоб они провалились! Твари! Ублюдки!

Последние слова прошипела вместе с выступившими слезами. Торопливо вытерла их и... машинально упала от грохота. На мгновение показалось, что небо решило устроить апокалипсис и рухнуть на землю. Рядом упал Хан, прикрыв мою голову рукой.

Грохот продолжался, но постепенно слабел. И я рискнула приподняться, чтобы посмотреть, что случилось. Тем более Хан рядом ошарашенно что-то говорил на латыни.

На месте катакомб, под которыми находился Орден, теперь зиял провал. Огромный, глубокий.

Я так и застыла: лежа и подняв голову. В ушах стоял звон от грохота, от шока, от всего подряд.

И еще... я посмотрела на руки и поняла: перчатки исчезли, осыпались тонкой темной пылью.

— Хан! — пискнула жалобно. — Хан, оно... оно обвалилось. Там же...

— Там все, кто был внутри, — подтвердил странным голосом мой Инквизитор.

Он недолго смотрел на то облако пыли и песка, которое поднялось над осевшими катакомбами. Потом просто взял меня за руку и проговорил:

— Пойдем. Надо воспользоваться паникой и уходить подальше.

— Куда?

Я все пыталась обернуться и посмотреть на то, что осталось от Ордена. От его головного центра.

Дорогу запомнила смутно. Мысли в голове сталкивались друг с другом, растущее подозрение заставляло периодически всхлипывать. Сидела в машине, которую Хан спрятал неподалеку, смотрела на пронесившиеся мимо поля и деревеньки, а заодно пыталась справиться с мыслью, что я убийца.

Вещи Дамаль как-то услышали мой вопль и выполнили его. Секундная слабость — и десятки людей оказались под завалами.

— Болит что-то? — как-то равнодушно поинтересовался Хан.

На его лице застыла маска. И от этого становилось еще страшнее.

— Болит, — согласилась я.

И начала сдирать с себя вещи, отчаянно и яростно. Словно сбрасывала ядовитых жуков. И тут же мужская рука перехватила мои действия, прижала к сиденью.

Хан притормозил у обочины и повернулся ко мне.

— С ума сошла? Накинь пальто, ты простудишься.

— Это они, Хан! Это они там всех убили! И я!

— Заткнись!

Окрик подействовал. Я мигом замолчала и застыла, глядя на него круглыми глазами. К счастью, маска с его лица исчезла. Теперь передо мной сидел смертельно уставший мужчина, который только что вытащил

меня из ада.

— Сейчас мы доедем до одного места, — продолжил Хан, — и я кое-кому позвоню. И будем думать, как действовать дальше. И еще запомни, никогда не называй себя убийцей. Никогда! Это клеймо, ясно? Не надо его носить... тебе.

— Там были твои друзья...

— Там были мои соратники. А единственный друг, к счастью, сейчас в Москве.

— Богдан? — Я дождалась короткого кивка и тихо спросила: — Вацлав — его отец?

Хан со вздохом посмотрел в окно и как-то глухо произнес:

— Я понимаю, что он тебя мучил, но все же надеюсь, Магистр выжил. Иначе я не знаю, что будет с Богданом.

Я прикусила губу, сдерживая себя. Вацлав — редкостный ублюдок. Интересно, а сынок лучше? Что их вообще связывает с Ханом?

Разговор все не клеился, и в молчании, прерываемом редкими фразами, мы добрались до милой деревеньки. За окном уже стусились сумерки. К тому времени я устала, меня опять начало колотить. И поэтому даже не стала сопротивляться, когда Хан подхватил меня на руки и занес в небольшой дом. На самой окраине.

— Где мы? — спросила негромко.

— В безопасности.

Отвратительно чувствовать себя слабой. Но всю ночь я провалялась в странном состоянии. То спала, то просыпалась. И видела вокруг комнату, освещенную розовой лампой, картины на стенах, окно, прикрытое плотными светлыми шторами. Слышала голоса, в основном женские. Кажется, меня осматривали. Сон смешался с явью.

Окончательно пришла в себя утром, оттого что Хан прикоснулся к моему плечу и сказал:

— Пора. Одевайся, и поехали.

В доме, обставленном чуть старомодной мебелью, было пусто.

— А что... — начала я, но Хан перебил:

— Есть вещи, о которых порой не стоит знать или задумываться. Тебе помогли, осмотрели. Ты и ребенок в порядке. Одевайся и поехали.

Тут только я заметила, что на стуле, рядом с кроватью, висит одежда. Платье, пальто, шарф. Все темно-серое, новое и незаметное. Хорошо, нам сейчас светиться никак не стоит.

— Под одежду надевай вещички Дамаль, — приказал Хан.

Сам он выглядел немного отдохнувшим, успел побриться и

переодеться в такой же неброский серый наряд.

— Не хочу!

— Надевай, Ева. Думаешь, мне нравится предлагать такое? Но нам надо вылетать из Италии.

— Куда?

Я спрашивала и торопливо натягивала одежду. Черт с ним, с душем, с завтраком. Главное — подальше отсюда.

— В Россию, там проще затеряться. С Богданом я связался, он поможет, но ему пока от нас лучше держаться подальше.

Он открыл передо мной дверь, впуская в дом свежий холодный воздух. От него на мгновение закружилась голова.

— Кстати, Вацлав жив. И даже не ранен. Его и остальных Магистров вытащили в первую очередь.

— Такое не тонет. Как мы будем выбираться? Что ты планируешь делать дальше?

— Спрятать тебя. И себя. Скоро Орден опомнится, поймет, что под завалами нас нет, и тогда я нам не позавидую. Ева...

Я вскинула на него взгляд.

— Я хочу тебя защитить. — Хан придержал дверь, пропуская меня, повторил: — Защитить. Поэтому у меня огромная просьба: просто не лезь никуда, хорошо?

— Хорошо.

— Я дам тебе ноутбук.

— Зачем?

Мы шли к машине в утренней тишине. Прохладно, страшно, хочется проснуться и понять, что на самом деле все отлично.

— Зайдешь в сеть Ордена, поищешь данные на вещи Дамаль.

Я чуть не поперхнулась и переспросила:

— Ты серьезно?

— Абсолютно. Они не действуют на тебя.

— Вацлав сказал, что потому я еще опаснее.

Хан со вздохом усадил меня в машину, наклонился и поцеловал. Протяжно, с каким-то надрывом. И проговорил, обхватив мое лицо руками:

— Ты опаснее для них. Вещи не действуют на тебя, я видел. Ни одна из Хищниц не попыталась бы избавиться от них после того, что совершила. А теперь давай выбираться. Твои вещи нам помогут.

Помогут — не то слово. Наверное, только они нас и вытащили из Италии. Никогда я так откровенно ими не пользовалась. Зная, что Орден вот-вот очухается и начнет оцепление, мы действовали быстро. И на

удивление слаженно. Наверное, присутствие Хана дарило мне уверенность, что все будет хорошо.

Тем не менее я никак не могла расслабиться.

Даже когда самолет в Москву оторвался от взлетной полосы. Все равно я поняла, что то и дело обшариваю взглядом пассажиров.

— Хан...

— М-м-м? — поинтересовался мой Инквизитор, сидевший рядом с закрытыми глазами.

— Ты уверен, что тут нет никого из ваших?

— Уверен. Можешь поспать, хорошо?

Издевается? Я поняла, что сижу, вцепившись в ручки сиденья.

— Хан?

— Женщина, я пытаюсь вздремнуть. Что?

— А каким образом Богдан поможет?

— Найдет безопасное место, — пробормотал Хан. — Ему-то можно свободно везде передвигаться, а нам вот не стоит лишний раз высовываться. Думаю, Ордену понадобится несколько дней на то, чтобы узнать, в какую сторону мы улетели. Наша задача — на несколько дней залечь подальше. Потом получим поддельные документы и по ним отправимся для начала в Мексику. Там самый разгильдяйский офис Ордена. Три человека, которые больше смотрят телевизор, а не ищут вещи. Зачем их вообще держат — непонятно. Ева, все, хватит. Отдохни, потому что потом нам придется долго ехать.

Знала бы, что ждет нас в будущем, — последовала бы совету. Но взбудораженный организм все никак не мог успокоиться. Поэтому я сидела, пыталась читать журналы, постоянно пила воду и сок, смотрела в иллюминатор. Если и пыталась заснуть, то вздрагивала и открывала глаза, чувствуя, как сильно начинает биться сердце.

В Шереметьеве мы сели глубокой ночью.

— Не снимай вещи Дамаль, — предупредил Хан, когда мы вышли из самолета. — Ах да, и еще. Болтай и задуривай голову любому, кто с нами заговорит. Хорошо?

Он посмотрел мне в глаза и повторил:

— Хорошо?

— Без проблем.

Насчет долгой езды Хан не соврал. Для начала мы сели в автобус вместе с еще кучей людей. Я смотрела в темное окно, где летали белые хлопья снега. Потом незаметно скользила взглядом по пассажирам. Хан рядом выглядел спокойным, значит, все в порядке.

Плохо, что оружия у нас не было. Господин Инквизитор решил не рисковать и не привлекать к себе лишнего внимания.

— Хан, — шепнула едва слышно, наклоняясь к нему.

— М-м-м?

— Мы так и будем невооруженные?

— Леди супергерой, — шепнул он в ответ чуть насмешливо. — Вопрос об оружии я решу в ближайшее время. Пока у нас в полном боевом комплекте только ты. Не волнуйся, Ева, если что, я и без пистолета постараюсь не подвести.

Мне нравилось, что сейчас Хан выглядел гораздо спокойнее, чем в первый день после обвала катакомб. Уже на подлете к Москве он нехотя признался, что за Вацлава волновался.

— Я прекрасно понимаю, что он ублюдок, Ева. Да, я с удовольствием свернул бы ему шею. Но он отец Богдана. И он в свое время, можно сказать, меня вырастил.

— Но его взгляды ты не разделяешь. Ты не стал таким, как он! А Богдан?

— У Богдана более холодный и критический ум, он не фанатик. В школе мы с ним высмеивали всю эту суматоху вокруг вещей Дамаль. Потом изучали документы, постепенно начинали верить. Это сложно объяснить. В какой-то момент ты понимаешь, что твои учителя правы. И тебе становится стыдно за свой скептицизм.

— Промывка мозгов?

— Может быть. Богдан более упертый, но он родился в семье Магистра. А меня представители Ордена нашли в семь лет. До этого я жил в приюте, но считал его настоящим домом. Потом появился Орден, Богдан и его семья. В какой-то момент я, наверное, был как все Инквизиторы. Разве что не любил мучить. Сбор информации, разведка, принятие решения.

— Богдан...

— Палач, — коротко ответил Хан. Заметил, как я побледнела, и положил мне руку на колено. — Ева, я бы стал дружить с ублюдком?

— Они... они же пытаются. Насилуют... черт, Хан!

— Есть разные люди, Ева. Богдан предпочитал вершить правосудие быстро и по возможности без страданий. Да, работа, да, надо выполнять.

— С нормальной психикой такое делать не будешь.

Мы не поругались, но все же остались каждый при своем мнении. Я теперь вообще сомневалась, что когда-нибудь мы сможем поругаться или косо посмотреть друг на друга.

Когда кто-то спасает твою жизнь... это заставляет многое пересмотреть.

Автобусом мы ехали долго. Вылезли на какой-то остановке, пересели. И так раз пять, прежде чем выехали за пределы Москвы. Забавно, но я даже почти не устала. Видимо, пока организм задействовал какие-то таинственные ресурсы. А может, поддерживали вещи Дамаль?

Где-то в Подмосковье Хан взял такси. И только там я немного задремала, отчасти успокоенная тем, что за рулем сидела женщина. Не особо разговорчивая, суровая на вид, но на приборной доске прикреплена фотография двух детишек. И один из них позвонил ей, пока мы ехали сквозь метель. С нами она ничего не обсуждала, да и сыну по громкой связи сказала, что занята. И все.

С такси на такси мы пересаживались три раза. К тому времени, как добрались до места, я уже малость ошалела от многочисленных пересадок и вконец запуталась, где мы.

— Где ты научился так хорошо говорить по-русски? — спросила тихо, выходя из очередной машины. Правда, у Хана почти отсутствовал акцент. Я же предпочитала молчать. Говорящего на английском пассажира запомнят почти наверняка. А вот легкий акцент спишут на что угодно. Так что я временно превратилась в немую.

Место, куда мы приехали, выглядело... ну так себе, если честно. Ничего страшного, но и веселого мало. Серые дома, тусклый свет фонарей, где-то орет автомобильная сигнализация, лают собаки. Девятиэтажные свечки соседствовали с частными домишками за высокими заборами. Я услышала вдали сирену и поинтересовалась:

— Нам-то куда?

Хан взял меня за руку и повел по узкому тротуару. Мимо спящих домов, мимо фонарей и сугробов. Снег сухо скрипел под ногами.

Нужный дом оказался спрятанным за металлическим забором. Лязгнули ворота, я ступила во двор и огляделась.

— Хан, чей это дом?

У входа горела тусклая лампочка, и все. Я лишь разглядела, что двор пустой, заметенный снегом, и расчищена только узкая тропинка. Сам домик оценить было сложно. Поняла лишь, что он кирпичный и одноэтажный. А потом Хан затащил меня внутрь, подальше от метели и холода.

Внутри оказалось тепло. Так тепло, что я тут же стянула шапку и расстегнула пуховик. Скинув сапоги у входа, медленно пошла по комнатам, включая свет. Пока Хан вышел обратно во двор с телефоном наперевес.

Две комнаты, маленькая кухня, простая мебель и плотно

занавешенные окна. Я села на коричневый диван, обвела взглядом обстановку и вздохнула.

— Побудем тут дня два. — Хан вернулся в дом, пряча на ходу телефон, спросил: — Как тебе?

— Лишь бы безопасно.

— Абсолютно. Ты нашла, где ванная? В шкафах есть полотенце и белье. С одеждой вот могут быть проблемы, а лишний раз выходить...

— Все нормально, Хан. Я год провела в самых разных условиях. Мне хочется просто лечь и уснуть.

В крохотной ванной комнате оказалась газовая колонка, и я, наверное, час простояла под горячими струями. Вышла сонная и расслабленная. Послушно позволила себя уложить на кровать в спальне и почти сразу уснула. Мельком заметила, что Хан сел рядом и достал ноутбук.

Глава девятнадцатая

Проснулась оттого, что мне в лицо швырнули ком огня. Заорала и... поняла, что сижу на постели, а сердце колотится как ненормальное.

— Господи...

— Ева?!

Хан заглянул из гостиной, быстро спросил:

— Что-то болит?

— Психика! Психика моя болит!

Я взяла подушку и швырнула ее на пол. Еще немного, и ногами начну стучать. С трудом заставила себя успокоиться и довольно мирно произнесла:

— Извини, гормоны. Какие у нас планы?

Хан приближался с какой-то загадочной улыбкой, и я заволновалась.

— Ты чего?

— Я хочу тебе озвучить планы. Для начала будем избавляться от кошмаров.

— М-м-м?

Он наклонился и поцеловал. Крайне требовательно и одновременно нежно. Я же только ахнула и послушно откинулась назад. Жаль только, поцелуй длился недолго. И когда мой Инквизитор попытался отстраниться, я вцепилась ему в рубашку. И возмущенно спросила:

— Это что такое?

— Я пока боюсь тебя трогать. Попытка изнасилования, стресс и так далее. Мало ли. Плюс ты бер...

— Тем более! Дай мне почувствовать, что я в безопасности.

— Ева, пока не стоит, я серьезно.

Я ошарашенно уставилась на Хана, потом решила уточнить:

— То есть я тебя уговариваю на секс, а ты сопротивляешься?

— Не представляешь, чего мне это стоит.

— Поддайся искушению, — прорычала я. — Эй, ну же!

Увы, этот раунд оказался проигранным мной. Хан все же отклонил мое предложение. Выгнал из постели, заставил позавтракать, а потом усадил за ноутбук.

— Нас не могут по нему отследить? — поинтересовалась я, с жадностью глядя на рабочий экран. Сколько тут интересного может быть в документах?

— Я позаботился об этом. Интернет мобильный, может немного притормаживать. Но, думаю, тебя больше заинтересует то, что на днях дал мне знакомый Богдана. Я подозревал, что после твоего спасения меня отрубят от сети Ордена. И заранее попросил скинуть кое-что.

Прежде чем с головой уйти в изучение документов, я залезла в новости. Меня терзала неизвестность насчет мамы и бабули.

И едва не растеклась от облегчения лужицей, когда прочитала, что Елена Дрейк переведена в обычную палату. И усиленно идет на поправку. Хоть что-то хорошее. Интервью давала мамин агент, она же упомянула, что мать Елены помещена в закрытую клинику для пожилых.

— Хан! — испуганно вскрикнула я, но тут же услышала успокаивающее:

— Да, Ева, так задумано, успокойся. Там Джессика в безопасности. Елена в больнице сейчас под охраной. Так что думать надо, как теперь спрятать тебя.

— Ты меня уже спрятал.

— Это временно. Ты не понимаешь. Такое убежище сойдет максимум на неделю, потом Орден рано или поздно нас выследит. Ева, ты плохо представляешь, какие силы могут быть задействованы, какие связи есть у Магистров.

Да, я плохо представляла. Уже успела убедиться.

Но пока еще не знала, что и Хан не мог охватить весь масштаб того, на что может быть способен Орден. Как выяснилось, даже если ты очень хороший специалист, не факт, что тебе рассказывают все.

Почти пять дней пролетели как один. За окном продолжалась метель, дворик уже украсили огромные сугробы. Хан специально не чистил их, ограничиваясь дорожкой от двери до ворот. Окна мы держали всегда зашторенными, включали в основном торшер или небольшую настольную лампу. Ну и высокий забор не давал разглядеть прохожим, живет здесь кто-то или нет.

Я почти не отходила от ноутбука. Разве что Хан буквально шантажом заставлял меня слезать с кровати и делать гимнастику для беременных. На мои вопли, что еще и живота нет и вообще сил тоже нет, реагировал одинаково — никак.

— Нельзя все время лежать, Ева!

— Можно! Медведи всю зиму спят, и ничего!

— Но ты же не медведь!

Жалко, такие шуточные перебранки были совсем редкими. Хан по большей части выглядел довольно мрачно и замкнуто. Просыпаясь ночью,

я порой видела, как он стоит у окна и смотрит на улицу. И почему-то в такие моменты не решалась его окликнуть, а тихо закрывала глаза и старалась снова заснуть.

Я догадывалась, что его грызет изнутри. И однажды, где-то день на четвертый, не выдержала.

Проснулась ночью от дикой жажды. В последнее время мне постоянно хотелось пить, поэтому ночью я забирала бутылку с минералкой и ставила рядом с собой. Хан на это тревожно поглядывал и говорил, что найдет способ проверить мои анализы.

Так вот, он опять стоял у окна. И его поза... плечи напряжены, пальцы сжаты в кулаки. Сначала я испугалась и прошептала:

— Нас выследили?

И Хан моментально расслабился. Вот только что стоял как камень, а в следующую секунду стал выглядеть спокойно и едва ли не сонно.

Но женщин не проведешь!

— Нет, Ева, нас не выследили. Я просто проверял обстановку.

— Не ври, — проговорила сурово. — Каждую ночь по три часа изучаешь обстановку?

— На данный момент.

— Хан, что с тобой? Хотя нет, можешь не говорить. Я понимаю прекрасно.

Слезла с кровати и в одной футболке подошла к Хану. У него опять все мышцы были как камень. Я это ощутила, когда прижалась щекой к спине.

— Тебе сложно принять тот факт, что все, чему учили в эти годы, оказалось неважным, да? Вiniшь себя в предательстве?

На миг Хан закаменел еще сильнее, но почти сразу расслабился. Глухо проговорил, продолжая смотреть в окно:

— Сложно сказать, Ева. Но я никогда не думал, что окажусь по другую сторону баррикад. Я никогда не задумывался об обратной стороне. Да, фанатиком не был, относился ко многим вещам довольно скептически, но Вацлав порой именно за это меня и ценил. Говорил, что работать с горящим взглядом хуже, чем с холодной головой. Последние могут адекватно оценить обстановку. А сейчас я вообще не чувствую ничего. Хотя должен бы.

— В смысле о том, что ушел из Ордена?

— Да. Столько лет и... пустота. Я ничего к ним не чувствую. Вроде должен, но нет. Только усталость и желание увезти тебя подальше. А еще чувство, что сбросил с себя нечто тяжелое.

— Давай доведем все до конца, — ответила тихо. — Мне кажется, я

найду ответ. Насчет вещей и исполнения желания.

— И что ты загадаешь? Если появится возможность?

— Чтобы все наладилось. Пока еще не придумала, какие подобрать слова, но я их найду. Хан...

— Иди спать, Ева. Просто иди.

— А ты опять будешь заниматься самообразованием?

— Ну... через это надо пройти.

— Только недолго.

Я похлопала его по спине и продолжила:

— Хан, тебе надо спать, а страдать лучше днем. Вдруг нас найдут, а ты сонный. Я пошла в кровать, жду тебя там.

И честно ждала минут пять, пока не уснула. А проснувшись, поняла, что Хан спит рядом. И прижимает меня к себе.

А секса по-прежнему не было. Тут мой Инквизитор уперся всеми частями тела. Мол, сначала покажемся специалисту, когда он найдет способ, как это сделать, а там уже посмотрим.

— Мужчине вредно воздержание! — пыталась воззвать я к разуму, на что получила ответ:

— Мужчина в критических ситуациях способен помочь сам себе. Все. Тема закрыта.

— Женщинам в такое время надо очень много, хм, внимания.

— Ева!

Я молча уткнулась в монитор ноутбука, понимая, что рык означает — Хан доведен до предела.

Документы, документы, отчеты, фото. Видео я не включала, так как там были в основном пытки. Один раз посмотрела, и меня потом долго мутило.

— Хан, если мы поймем алгоритм работы вещей Дамаль, то я загадаю, чтобы Орден забыл про вещи, забыл про владелиц и так далее.

— Слишком масштабно. Думаешь, они на такое способны?

— Пока не думаю и не знаю, — пробормотала я, открывая очередной файл. — Оу, Хан, а это что?

Старинные письма на незнакомом языке. Оцифрованные и достаточно четкие.

Мой Инквизитор присел рядом и, чуть нахмурившись, пробежался взглядом по четким каллиграфическим строчкам.

— Забавно... где он это откопал? Я такого не видел. Могу поспорить, его никто, кроме Магистров, не видел.

— Что это?

— Письмо мадам Дамаль.

— Что?!

— Оно неполное, — продолжал Хан. — Хм, видимо его восстанавливали по частям. Очень много пропусков. Некоторые предложения обрываются на полуслове. Ты где его нашла?

Я торопливо открыла папку.

— Еще какой-то файл. Просто в блокноте.

Там была коротенькая запись, что обрывки писем были спасены во время пожара ателье мадам Дамаль.

— Вы знали, где ее ателье?!

— Сам в шоке, — пробормотал Хан. — Мы всегда считали, что ее дом разрушили очень давно. И ничего не нашли на том месте.

— Как видишь — нашли. Что там написано?

Хан молчал. И мне это не совсем нравилось.

— Эй, господин Инквизи...!

— Не называй меня так!

Он не закричал, но голос красноречиво мне сказал — кое-кто на пределе.

— Хан!

— Я больше не Инквизитор, Ева. Я потерял это звание, когда пошел против Ордена. Мать вашу! Ты знаешь, что там, моя удачливая девочка?

— Э-э-э, судя по эпитету, нечто полезное?

— У Дамаль была родственница, которой она собиралась расписать всю работу вещей. Но случился пожар, сама мадам исчезла, а ателье и квартира над ним превратились в головешки.

— Письма уцелели.

— Все бывает, — вздохнул Хан. — Судя по обрывкам, не сильно уцелели. Сама мадам Дамаль исчезла. Интересно, почему Магистры нам ничего не объясняли?

— А почему высшее руководство всегда имеет кучу скелетов в шкафах? Что там написано?

— Есть предметы, которые появились вне ее желания. Точнее, они родились в сознании... непонятно, много текста уничтожено. В общем, вещи, которые объединяют остальные. Э-э-э...

— Чокер! — воскликнула я. — Чокер, Хан! Ты читал про него?

— Записку? Да. И сейчас думаю, что да, он — одна из таких вещей. Так, еще тут написано... вот! Шесть вещей плюс одна такая вещь образуют волшебное число. Хм... странно. Черт! Тут же явно расписаны все комбинации, смотри! Вот: две пары перчаток и платок — при сильном

стрессе возможен скачок во времени!

— Ого!

— А если к ним добавить особую вещь, то можно выбирать, куда именно скакнуть. Ева...

— Что там еще?

Хан покачал головой:

— Увы... обрывки, сплошные обрывки. Но шесть вещей и особая вещь могут исполнять желание. Дальше все...

— Шесть вещей, — простонала я, — а у меня осталось пять. Перчатки исчезли. Там ничего об этом не написано?

Хан покачал головой, потом предположил:

— Возможно, в этом есть логика. Слишком много используется энергии. Знаешь, почему Орден боится вещей Дамаль? Они явно обладают неким разумом. Смотри, собери шесть вещей, найди особую — и вуаля, можно загадывать направо и налево. Чересчур, не находишь? Видимо, потому в такой комбинации одна из вещей становится одноразовой.

— У нас пять вещей плюс чокер.

— М-да, — промычал Хан и спросил: — Ты как? Я смотрю, вещи Дамаль лежат наготове, но их не надеваешь, как мы зашли в дом.

— На фиг они мне здесь? И да, меня не тянет к ним. Так, легкое желание потрогать, и все. Хан, если найти...

— Исключено! Ты отсюда не выйдешь без крайней нужды.

— Но сейчас...

— Ева, — мягко перебил он меня, — вещи Дамаль можно достать и по-другому. Я попробую все рассказать Богдану.

— Палачу?!

— Моему другу.

— Вацлава ты тоже считал своим едва ли не родственником!

Хан отчетливо скрипнул зубами, но сдержался. Лишь процедил:

— Насчет него я никогда не обольщался. Да, уважал, да, в какой-то мере восхищался и был за многое благодарен. Но всегда держался в границах разумного. Ты думаешь, я стал бы связываться сейчас с Богданом, будь у меня хоть капля сомнения? Ева, ты серьезно?

Я посмотрела на его лицо, сжатые губы и примирительно протянула руку. Пальцем провела между сдвинутыми бровями.

— Я тебе верю.

О чем Хан разговаривал с Богданом, я спрашивать не решилась. Мой, теперь уже бывший Инквизитор, вышел во двор и бродил там почти два часа. Под снегопадом, без шапки! Горячий мужчина. Я же следила за ним из окна. Как он шагал туда-сюда по тропинке, как то и дело взмахивал рукой или смахивал с плеча снег. А внутри все почему-то сжималось.

У нас появился реальный шанс все исправить. Все, что натворили.

Почему-то не верилось. Все ждала подвоха. Потому и следила за Ханом жадным взглядом. Пыталась понять, о чем он разговаривает. И одновременно обрывала листья у герани. Той не повезло стоять на том же подоконнике, на котором сидела я. Так что после двух часов вместо роскошного куста остались жалкие обрывки. А листья оказались частично на мне и на полу.

— Ну?! — вырвалось невольно, когда Хан вернулся в дом.

— Он принял к сведению.

— И это все?!

— Зная Богдана, могу сказать, что он почти согласился.

Тут Хан увидел ободранное растение и покачал головой:

— Женщина... лучше бы ты поспала. Богдан даст ответ утром.

Спать? Он издевается? Я едва смогла проглотить вопросы насчет доверия и так далее. Хан разговаривал с Палачом, чтоб его!

Перед глазами возник образ Богдана. Холодный и красивый. Помужски красивый. Снежный Принц с ледяным сердцем и взглядом. Подобные ему мучили меня в Ордене. Я дернулась и мигом сжалась от воспоминаний. И тут же ощутила, как меня окутывают объятиями и теплом.

— Если бы я мог забрать твои воспоминания, — прошептал Хан, увлекая меня в постель, — если бы я только мог. Но нам жить с ними.

Кто бы говорил. Я пару дней провела в Ордене, а он столько лет! Да там на всю жизнь впечатлений хватит.

* * *

Богдан позвонил утром. Сам. Я еще спала, когда меня выдернуло в реальность звуком мобильного. Рядом хрипло выругался Хан, тут же осекся и проговорил:

— Слушаю.

И молчание.

Я перевернулась на спину и вопросительно уставилась на Хана. Тот

поднял палец, призывая не задавать вопросов. Слушал, слушал, потом ответил:

— Хорошо, мы ждем. Ты знаешь где.

— Что? — прошептала, когда Хан бросил мобильник на подушку рядом с собой.

— Что? Будем встречать гостей, вот что. У Богдана все же получилось очаровать хирурга.

— Чего?

— Он тут встретил женщину. Врача. И приедет с ней. Ее мать оказалась владелицей вещи Дамаль и не так давно решила передать ее дочери. Мол, замуж ты, дорогая, никак не выйдешь, держи. Вот тебе волшебные панталоны.

Я хмыкнула.

— Seriously, — нахмурился Хан. — Богдан мне именно так все и сообщил. В общем, они приедут. Вместе с панталонами.

— Он согласен?!

— Сказал, что это наименьшее зло.

Я хмыкнула, но решила, что и так сойдет. В конце концов, сейчас главное — желание загадать.

— Мне бы еще сильных эмоций, — пробормотала задумчиво.

— Думаю, с этим у тебя точно проблем не будет, учитывая наше положение.

Идея Хана была мне понятна. Богдан — опытный Палач, сразу почувствует слезку, если что. И все же ему проще передвигаться, чем нам.

В итоге ближе к назначенному часу я надела вещи Дамаль, сверху натянула длинное платье, шляпу пока взяла в руки. А вот Хан вроде и не готовился, но пистолет я заметила. Откуда он его взял — уточнять не стала.

Так что ближе ко времени прибытия Богдана мы были готовы.

— Ева, у тебя зубы стучат.

— Ну да, я ими стучу...

Послышался шум машины. Обычно они и так периодически проезжали мимо нашего дома, но именно от этого автомобиля я подобралась.

И еще нечто странное витало в воздухе. Мне пришлось чуть оттянуть чокер, плотно облежавший шею, чтобы глотнуть воздуха.

— Хан, мне как-то...

— Нехорошо? — мигом подобрался мой бывший Инквизитор. — Что-то болит, тошнит, голова кружится?

— Нет! Просто... нехорошо в моральном смысле.

— Вот тебе и начало эмоционального стресса.

Богдан приехал с женщиной, которую я мгновенно узнала. Слишком яркая внешность: рыжие, просто огненные волосы и голубые глаза. Или тогда они были серые? Неважно.

На меня вошедший Богдан посмотрел очень недобро, взгляд я ему вернула.

— Хан, я говорил, что это идиотская затея?

— Ну ты же согласился в ней участвовать.

— Это наименее идиотская затея, — поправился Богдан и повернулся к спутнице. — Роза, отдай им это.

— А я не понимаю, почему все так носятся с этими тряпками, — пожаловалась та, которую звали Розой. — Вот, держите. Я их даже постирала.

Она бросила мне небольшой пакет, из которого я достала самые настоящие панталоны с кокетливыми кружевами. И как-то засмузилась.

— Просто надень их, Ева, — вздохнул Хан.

Он прошелся по комнате, машинально бросил взгляд на ноутбук, куда поступало изображение с видеокамер возле дома. И внезапно замер, просто превратился в статую.

— Что?

Богдан тоже подобрался, в то время как мы с Розой лишь недоуменно переглядывались.

— Ты! — выдохнул Хан, разворачиваясь к нему всем телом, сжимая кулаки. — Я же тебе доверял?!

— Не понял...

— Ты не понял? Смотри!

Богдан глянул как-то издали и присвистнул, потом резко побледнел:

— Это не мои люди, Хан. Я же тебе сказал, что не в восторге от идеи, но согласился участвовать.

Хан смотрел на него зло, но все же постепенно успокаивался.

— Не твои?

— *Matrem tuam*, с чего бы я перед ними приперся?! — прорвало и Богдана.

И почему-то именно эта фраза Хана окончательно убедила в невиновности друга.

— А что... — начала было Роза, но Хан ее перебил:

— Значит, так, слушаем нас и выполняем без разговоров. Марш в подпол. Ева, там натягивай панталоны и загадывай желание. У нас гости с кучей оружия и бронеавтомобилями. Все, по местам. Богдан, за мной.

Я молча потащила Розу ко входу в подпол, прикрытый ковриком. Молча, потому что голос пропал от страха. Такого, что ноги затряслись, едва не упала, пока спускалась вниз по лестнице. Успела увидеть, как Хан натягивает противогаз, второй бросает Богдану, а еще достает из-под кровати два дробовика.

— Ты приказ слышала? — Роза дернула меня вниз. — Не суйся, а надевай вещичку.

Я начала натягивать панталоны, сняв предварительно штаны под юбкой. И тут удар сотряс дом до самого основания. Роза вскрикнула и побледнела, а я позорно завизжала. Потом заткнулась и поняла, что уронила панталоны. Подняла. Руки тряслись от выстрелов и грохота над головой.

— Это избиение младенцев, — пробормотала Роза и начала что-то говорить по-русски.

Я успела надеть панталоны, когда грохот над головой повторился, а затем сверху послышался шорох, что-то ударило по голове. Да так, что помутилось сознание, и я осела на землю. Ощутила, как меня затаскивают под кровать. А потом вокруг начало что-то падать. Падало и падало.

— Ева! — Легкий удар по щеке немного привел меня в чувство. — Сколько пальцев?

— Тут темно! — простонала я, понимая, что сильно болит затылок, а рот полон крови.

Видимо, прикусила язык.

— Нас завалило, — прошептала Роза, — лежи и не шевелись. Тошнота есть? Головокружение? Нету? Отлично, легкая дезориентация сейчас пройдет.

Да, почти прошла к тому времени, когда нас отыскали. Пара мужчин в темной форме без опознавательных знаков выволокли нас наверх. В то, что осталось от дома.

— Нет! — прошептала Роза, в то время как я расширенными глазами смотрела на разруху вокруг и на два мешка в стороне.

Потом дошло.

— Нет! — Крик вырвался совершенно нечеловеческий.

Нас не собирались брать в плен, нас просто хотели убить.

Почти убили. Один из мужчин в гражданском подошел к бойцам и сказал что-то негромко, указывая на нас. Тот кивнул и поднял автомат.

Все...

— Я не хочу вас! — закричала, понимая, что вот-вот получу пулю, и тогда все. — Лучше бы вас никогда не было! Лучше бы Дамаль никогда вас

не создала!

* * *

«Вставай, вставай, нос задирай!»

Писклявый голос будильника выдернул меня из сна. А в следующий момент я с воплем упала с кровати, вскочила и едва не упала опять от закрутившегося вокруг ног одеяла.

— !..

Моя квартира! Моя милая квартира в родном городе.

Я помотала головой и больно ущипнула себя за локоть. А потом поняла: нога, моя простреленная нога больше не болит.

От щипков на руке уже образовался синяк. Я так и продолжала стоять на одном месте, щипать саму себя и оглядываться.

Нет, реальность, не сон и не бред. Моя квартира, чистая и уютная, за окном снег, как и положено в декабре. Взгляд метнулся к электронным часам на барной стойке.

Тот самый день и час, когда на нас напали.

И вещей Дамаль на мне не было. Только длинная футболка с принтом Спанч Боба — вечный предмет истерик моей мамы. Мол, нельзя в двадцать семь лет натягивать подобное.

Вот отсутствие вещей Дамаль побудило меня действовать. Следующие десять минут я вышвыривала вещи из гардеробной прямо на пол. Потом ринулась на поиски телефона и нашла его в гостиной на столике. Мой! Родной!

Руки дрожали, пока я искала мамин номер. Пару раз мобильник едва не полетел на пол.

— Мама! — закричала, едва услышала в телефоне родной голос.

— Дорогая, что случилось? У меня съемки через десять минут.

— Ты не в больнице?! — вырвалось у меня.

Мама помолчала полминуты, потом хмыкнула:

— Ева, если тебе наплели что-то про меня и нашего «фэмили-доктора», то не принимай близко к сердцу. Это просто...

— Стоп! Все, не надо подробностей. Просто скажи, ты здорова?

— Что за странные вопросы? Мы вчера виделись за ужином в честь приезда бабули.

— Вчера?!

— Ева, что ты принимаешь?

— Ничего! — Я вдруг засмеялась. — Прости, мам, я позже позвоню.

Сбросила вызов и продолжила хохотать. До слез в глазах, до колик в боку. Сбрасывая все то, что успело накопиться. Понимая, что уже давно не ощущала себя настолько легкой.

На всякий случай позвонила бабуле, осторожно попыталась задавать вопросы, но в итоге мне посоветовали не увлекаться травкой.

В квартире не было ни одной вещи Дамаль. Умом я уже осознавала все, что произошло. Мое желание, буквально выплунутое вместе с кровью, исполнилось. Причем в глобальном масштабе.

Вопрос, насколько в глобальном?

Руки продолжали трястись, пока я натягивала штаны, свитер и пуховик. Пока звонила в поликлинику и спрашивала, могу ли сегодня в срочном порядке попасть к доктору. Пока причесывалась и пыталась одновременно найти в Интернете хоть что-то про вещи Дамаль.

Ноль. Полный.

А потом замерла, не докрасив губы.

Хан...

Где остальные? Хан, Богдан, Роза.

Они выжили? Новая реальность вернула их?

Прикусила кисть руки, призывая себя к спокойствию. Так, телефона Хана я не знаю, адреса тоже, место работы... кхм. Полезла искать в соцсетях, но там также глухо.

Ну отлично! И как мне его найти?

— Будем решать проблемы по мере их поступления, — пробормотала довольно злобно. — Он же у нас связан с благотворительностью. Будем искать.

Тут мне повезло через час. Фонд «Во имя жизни» — один из крупнейших в мире — я зацепила взглядом. Небольшая заметка о том, что накануне его представитель прибыл на вечер, посвященный благотворительности.

Хан Зегерс, задница ты этакая, я тебя почти нашла.

Не знаю пока, как связаться, но придумаю. Главное, ты вроде жив и здоров.

Тут я не сдержалась и все же немного поревела. Минуты две, не больше. После чего вскочила и помчалась в библиотеку.

Абби была на месте. Я сразу ее узнала, как только вошла в большое теплое помещение, наполненное той особой атмосферой, где есть много книг. Абби сидела за полукруглым столом в центре зала и общалась с миловидной женщиной.

Народу вокруг было довольно много. Подождав и набравшись храбрости, я подошла ближе.

— Добрый день, могу я вам помочь? — Абби улыбалась чуть устало, но приветливо. Ни тени узнавания.

— Да... — Я кашлянула. — Хочу взять книгу. Но не могу найти. О мадам Дамаль.

— Можете дать немного больше информации?

— Ну, она создавала особенные вещи. Волшебные.

— О, так это фэнтези. Вам на этаж выше, здесь только документальная литература.

И она не притворялась. Абби никогда не умела притворяться, вот и сейчас. Кроме желания помочь, больше в ней не чувствовалось ничего: ни замешательства, ни испуга. Я тихо поблагодарила и ушла.

Так что случилось? Вещи Дамаль и правда исчезли?

В этот день я прошла по всем, кого знала как владелиц и кто жил в моем городе. Находя причины заговорить, спросить что-нибудь. И с каждым разом убеждалась все больше: вещей нет. Они словно стерлись из реальности.

Или же каким-то невероятным образом я создала новую реальность. Без вещей Дамаль.

А раз их нет, то, возможно, Ордена тоже не существует?

К тому моменту, когда я попала к врачу, мой мозг уже едва не лопался от вопросов. Но одно я могла сказать с уверенностью: вещи исчезли.

И это радовало до безумия. Ни малейшего сожаления, ничего. Только облегчение.

А потом новый всплеск радости. Моя беременность сохранилась. И протекала хорошо, по заверению врача.

Так, хватит уже ходить с глазами на мокром месте. Но я едва сдерживалась. И это постоянное чувство подвоха, ожидания, что сейчас я очнусь и снова попаду в кошмар.

Но нет, ничего не исчезало.

В полной прострации я заехала в первое попавшееся кафе, взяла сок и молча выпила, глядя в окно. «Декабрь, — как-то вяло текли одуревшие от всего мысли, — Рождество скоро, подарки бы купить. И сравнить, что еще изменилось...»

Завтра. Завтра я займусь всем, а сегодня лягу в родную постель, включу кино и буду смотреть. И наслаждаться тем чувством, которое появляется, когда с плеч падает огромный камень.

Вернулась в машину и с наслаждением провела руками по рулю. Как

же я соскучилась по своей прежней жизни! По машинке, по тому, что могу спокойно пройти по улице. И пусть в душе еще теплится страх, он со временем исчезнет.

С такими мыслями доехала до дома. Он стоял такой милый, на некоторых балконах уже появились рождественские гирлянды. Снег сыпал все сильнее, уже белыми невесомыми хлопьями. Они ложились мне на волосы, когда я вылезла из машины и глубоко выдохнула...

А в следующее мгновение едва не захлебнулась морозным воздухом. Потому что увидела на фоне стеклянных дверей подъезда мужчину.

Высокий, широкие плечи, короткое темное пальто и светлый шарф, темные волосы...

Шаг...

Другой...

А потом я бросилась к нему, чтобы быть подхваченной. И уткнулась в мягкую ткань пальто, вдохнула знакомый запах парфюма.

— Хан! — даже не выкрик, а стон.

И его голос, как самая чудесная музыка. Разом смывающая все страхи и сомнения.

— Ты же не думала, что я тебя отпущу?

Эпилог

— Ты сегодня удержишься или успеешь на вечерний рейс? Все же гостей лучше встречать вместе. Иначе мы обидимся и...

— И подложите мне крошки от печенья в постель? — хмыкнул Хан, глядя на меня в зеркале и завязывая галстук.

— Эй, я просто хотела есть.

Я погладила себя по круглому животу, добавила задумчиво:

— Или это она хотела, уж не знаю.

— Звони мне обязательно, если вдруг что-то почувствуешь.

— Хан, мне рожать через две недели только.

— Да с тобой не угадаешь. А если детка в тебя, то тем более.

Он повернулся ко мне, а я тут же подняла лицо и привстала на цыпочки. Мне никогда не надоест с ним целоваться. Хоть вот так, торопливо, или нежно, или страстно.

Провела руками по плечам, мурлыкнула. Хотя и прошло почти восемь месяцев, но все еще не верилось, что мы с этим шикарным мужчиной теперь вместе навсегда.

— Тебе идет костюм, — сообщила хитро. — Я прямо начинаю заводиться.

— А тебе идет эта пижама с... Я так и не понял: это глаза или язвы?

— Это цветы!

— Цветы на желтом фоне! Сногшибательно. Милая, к приезду гостей переоденься, они не столь крепкие, я думаю.

— Это Богдан-то? — спросила я. — Это у него нервы слабее твоих? Ну-ну! Я ему передам.

— Все, я поехал, еще надо преодолеть пробки к аэропорту. До вечера.

Снова поцелуй: короткий, но жаркий. От него я, которая в последнее время постоянно мерзла из-за всплеска гормонов, согрелась.

Вышла во двор следом за Ханом и проследила, как он выехал на улицу.

Полгода назад мы переехали в Ванкувер. Купили дом в одном из хороших и тихих районов, собрали вещи и удрали из моего родного города. Благо Хан задумал открывать филиал инвесторской фирмы. И сейчас если не торчал на работе, то летал по командировкам. Но свободные вечера принадлежали только нам.

Я оказалась права: вместе с вещами перестал существовать и Орден. О нем теперь знали только я, Богдан и Хан.

Вацлав стоял во главе фирмы, где трудились эти двое. Мне пришлось увидеться с ним на нашей свадьбе. Хан объяснил, что в этой реальности отношения у них великолепные, и он не видит повода не приглашать отца. Да, да, здесь Вацлав усыновил его в пять лет. А женат он был уже третий раз, на матери Ирен. Та меня не помнила, но мы быстро подружились.

Тем не менее Вацлава я больше видеть не желала. Хан меня понимал, к счастью.

В остальном же все осталось как и прежде. Мама снималась в реалити-шоу, ее, как ведущую, просто рвали на куски. Бабуля в ожидании правнука продала свой домик и переехала в Ванкувер, поселилась недалеко от нас. И за ней тут же начали ухаживать два соседа. Один — пожилой итальянец с громким голосом, в прошлом какой-то дирижер, а второй — японец, обожавший истории. И чем они смешнее, тем лучше.

Что касается Богдана... я к нему привыкла. Не знаю, смогу ли когда-нибудь забыть, кем он был, но все возможно. Тем более в последнее время он разительно изменился, и тому были причины. Приятные причины.

Весеннее солнце уже щедро осыпало лучами все вокруг. Здесь, в Ванкувере, мне дышалось гораздо легче. Близость океана, влажность — я просто расцвела.

А Хан наконец-то начал снова улыбаться.

Я не скучала по вещам Дамаль. И, оглядываясь назад, все же понимала, что успела попасть под их влияние. Они уловили мою обиду и желание мести, усилили их. Правда это или ложь... не знаю. Пусть они останутся в прошлом навсегда.

Расправила плечи, улыбнулась толчку ребенка и не спеша направилась к дому. Впереди меня ждали приятные хлопоты.

Где-то в Румынии

В ювелирной мастерской, несмотря на окна и солнце за ними, ярко горела лампа над рабочим столом. И лилось негромкое мурлыканье странной, но притягательной мелодии.

— Красота какая...

Мурлыканье прекратилось. Средних лет брюнетка сняла с лица необычного вида очки и медленно улыбнулась, разглядывая свое новое творение.

Тонкое платиновое ожерелье, украшенное мелкими сапфирами. Они посверкивали и переливались, пока она чуть покачивала его в руках.

Она дала ему жизнь, которая рвалась в этот мир.

И снова по мастерской полилась негромкая мелодия.